

ПИОНЕР 8

АВГУСТ • 1974 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НАКАЗ
XVII съезда ВЛКСМ юным пионерам Советского Союза

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

50 лет Всесоюзная пионерская организация носит имя Владимира Ильича Ленина, свято выполняет его заветы, с честью несет пионерское Красное знамя. Это знамя сегодня — в ваших руках! Вы, пионеры 70-х годов, продолжаете славные традиции советской пионерии. Делегаты XVII съезда ВЛКСМ дают вам свой комсомольский наказ:

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

БУДЬТЕ ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА, ДЕЛУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!

Жизнь Ленина, его борьба за счастье трудового народа — самый яркий, самый вдохновенный пример для подрастающего поколения. Каждый из вас должен хорошо знать жизнь и деятельность Владимира Ильича Ленина, его заветы, постоянно учиться у коммунистов и комсомольцев выполнять свой долг перед Родиной и народом.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к вам, говорил: «Быть пионером-ленинцем — это значит во всем и всегда воспитывать в себе замечательные ленинские черты: трудолюбие, честность, благородство, настойчивость в учебе, умение применять знания в жизни, любовь к своей Родине, беззаветную преданность великой ленинской партии».

Следовать этому отеческому наказу — главная задача юного ленинца, всех пионерских звеньев, отрядов и дружин.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ВСЕГДА ПОМНИТЕ: «СЕГОДНЯ ВЫ — ДЕТИ, А ЗАВТРА — СОВЕТСКИЙ НАРОД!»

Изучайте и свято храните революционные, боевые и трудовые традиции нашего народа. Любите нашу многонациональную Родину, растите настоящими патриотами и интернационалистами!

Хорошо учитесь, настойчиво обогащайте свою память новыми знаниями, будьте любознательны и пытливы, дисциплинированны и прилежны!

Готовьтесь к созидательному труду, овладевайте трудовыми навыками, вносите свой посильный вклад в дела старших, у них учитесь выполнять основной наш закон: «Не мое, а наше, не для себя, а для всего общества».

Закаляйте себя физически, становитесь значкистами ГТО, растите надежными защитниками Родины!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

ГОТОВЬТЕСЬ ВСТАТЬ В РЯДЫ ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ!

Красный галстук в нашей стране — революционный символ единения коммунистов, комсомольцев и пионеров. Стать комсомольцем — большая честь. Стремитесь верностью Торжественному обещанию, успехами в учении, в общественно полезных делах заслужить высокое право быть принятыми в ряды Ленинского комсомола.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

На знамени пионерской организации — имя Ленина, два ордена Ленина. Будьте всегда достойны великого имени вождя Революции и высоких наград Родины! Готовьтесь стать борцами за великое дело Ленина, за коммунизм!

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ!

К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АВГУСТ 8

Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

Делегаты и почетные гости XVII съезда комсомола приветствуют VI Всесоюзный пионерский слет!

Участникам VI Всесоюзного пионерского слета в Артеке, пионерам Советской страны от строителей-пионеров Байкало-Амурской магистрали горячий комсомольский привет!

Виктор ЛАКОМОВ,
руководитель 1-го отряда строителей Байкало-Амурской магистрали, Герой Социалистического Труда.

Дорогие юные друзья! Всегда будьте верны традициям пионерской организации, продолжайте их!

Мамлакат НАХАНГОВА,
кандидат филологических наук, кавалер ордена Ленина, почетная пионерка.

Трижды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Иван Никитович Кожедуб, Герой Советского Союза, летчик-космонавт, генерал-майор авиации Владимир Александрович Шаталов — они тоже наставники молодежи. Они были почетными гостями XVII комсомольского съезда.

Пятьдесят лет пионерия носит имя Ленина. Вы, дорогие ребята, оправдываете эту высокую честь, во всех своих делах становитесь верными помощниками комсомола. Желаем вам, юным ленинцам, крепкого здоровья, веселого настроения, пионерского задора.

Вениамин **ЛЕБЕДЕВ**,
летчик-космонавт СССР,
Герой Советского Союза.

Любите свою Родину, свою землю. Любите труд. Труд — самое главное в жизни человека. Учитесь трудиться у ребят из ученических производственных бригад, которым в этом году исполнилось двадцать лет. Эти ребята тоже собрались на свой слет, и я им желаю больших успехов!

Николай **ПРИХНО**,
механизатор колхоза имени Ленина,
Черкасского района, Черкасской области,
Герой Социалистического Труда.

Артек рад делегатам VI Всесоюзного пионерского слета. Мы, вожатые, сделаем все, чтобы вам было интересно, весело, радостно. Постарайтесь многому научиться, найти верных друзей, хорошо потрудиться на пользу всей нашей пионерской организации.

Наталья **МОРЯК**,
старшая пионервожатая дружины «Лазурная» Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени пионерского лагеря «Артек» имени В. И. Ленина.

Растите сильными, учитесь хорошо, познавайте мир, изучайте наследие великого человека В. И. Ленина. Достойно продолжайте то дело, за которое боролось наше поколение,— построение самого светлого и счастливого общества на земле.

Степан **ВИТЧЕНКО**,
бригадир слесарей-сборщиков
Ленинградского объединения «Электросила»,
Герой Социалистического Труда.

Байкало-Амурская магистраль... Она стала теперь одной из самых важных, главных строек страны. Она поможет использовать огромные богатства, которые хранит этот край... Молодежь, комсомол взяли шефство над Байкало-Амурской магистралью. Прямо со съезда уехал на стройку первый комсомольский строительный отряд.

Мы радуемся вашим успехам в учебе и труде. Растите достойной нашей сменой. Пусть небо над вами всегда будет чистым!

Иван **КОЖЕДУБ**,
генерал-полковник авиации,
трижды Герой Советского Союза.

Воспитывайте в себе трудолюбие. Будьте всегда готовы протянуть руку дружбы товарищу.

Галина **АРЕФЬЕВА**,
бригадир Московского завода
электровакуумных приборов,
лауреат премии Ленинского комсомола.

Желаю вам, ребята, найти свое место в жизни, раскрыть свой талант, чтобы как можно больше пользы приносить Родине. Я был в Артеке, знаю, что это одно из лучших мест на земле. Будьте счастливы!

Валерий **БОРЗОВ**,
заслуженный мастер спорта, чемпион
Олимпийских игр, кавалер ордена Ленина и
Почетного Знака ВЛКСМ.

Передаю вам, дорогие ребята, горячий братский привет от южновьетнамских пионеров.
От всей души желаю вам хорошего здоровья, отличных успехов и счастья. Растите достойными гражданами вашей прекрасной страны — великого Советского Союза, родины В. И. Ленина.

С пламенным приветом ваша сестра
Нгуен Тхи Е,
героиня Народно-вооруженных сил
освобождения Южного Вьетнама.

ПРИХОДИТЕ К НАМ НА ПЛАВКУ!

Владимир ГРЕБНЕВ,
сталевар Челябинского металлургического завода,
лауреат премии Ленинского комсомола,
делегат XVII съезда ВЛКСМ

Я сталевар. И профессию свою считаю самой главной на земле. Помните, в песне: «...Поезда из стали, и мосты из стали, перья у поэтов — это тоже сталь!» Сегодня без металла нашу жизнь и представить невозможно. Труд моих братьев металлургов повсюду.

В смену наша бригада выплавляет 215 ТОНН СТАЛИ. Чтобы получить столько стали, требуется в среднем 100 ТОНН МЕТАЛЛОЛОМА, без него мартеновская печь работать не может.

Если вы когда-нибудь бывали в мартеновском цехе, то этот день запомните навсегда. Расплавленный металл напоминает укрощенную человеком молнию.

К нам в мартеновский цех часто приходят школьники. Мы дружим с ними давно. Ребята рассказывают нам о своей учебе, об общественно полезных делах, а мы о своем труде.

Недавно мы стояли на трудовой вахте вместе со своими юными друзьями-пионерами. Загружался в печь собранный ребятами металлолом. Через темно-синие сталеварские очки ребята глядели на кипящий металл. Эта наша рабочая смена и для нас стала настоящим праздником. Друзья повязали нам красные галстуки. Мы были взволнованны не меньше ребят. С красным галстуком для меня и моих товарищей связаны воспоминания о самой светлой поре — пионерском возрасте.

Наши друзья-пионеры хорошо знают, как делается сталь и что ее не выплавишь без металлолома. А ведь, наверное, есть еще ребята, которые думают: кому, мол, нужны старые железки?

ЕСЛИ КАЖДЫЙ ПИОНЕР ПРИНЕСЕТ ХОТЯ БЫ ОДИН КИЛОГРАММ СТАРОГО ЖЕЛЕЗА, — это будет большая помощь нашему хозяйству. Новые тракторы выйдут на поля и на прокладку дорог. Полетят в синее небо космические ракеты. В сотнях самых разных машин есть частица и вашего пионерского труда, ребята!

Мы с вами хозяева страны. Бережливые хозяева. МЫ БЕРЕЖЕМ ХЛЕБ. ТАК ЖЕ ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ И К МЕТАЛЛУ. Его ведь тоже называют хлебом — хлебом промышленности.

На нашем государственном гербе — колосья, серп и молот. Хлеб и металл — основа могущества страны. Народное добро. Береж-

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

но относиться к нему — значит заботиться о Родине.

Сбор металлолома — одна из самых замечательных традиций пионеров всех поколений.

Металлолом собирали ваши дедушки и бабушки, отцы и матери, старшие братья и сестры. А сегодня получается, что мы с вами рука об руку стоим на трудовой вахте. Давайте, ребята, договоримся, чтобы в этой работе соблюдалась строгая дисциплина. Среди вас, пионеров, не должно быть лентяев и белоручек. **И ПУСТЬ ВСЕСОЮЗНАЯ ПИОНЕРСКАЯ ПЛАВКА В ДНИ VI ВСЕСОЮЗНОГО ПИОНЕРСКОГО СЛЕТА СТАНЕТ НАШИМ ОБЩИМ, КОМСОМОЛЬСКИМ И ПИОНЕРСКИМ, ВКЛАДОМ В ПЯТИЛЕТКУ.**

В Артеке 1 августа открылся VI Всесоюзный слет пионеров. По всей стране прошла пионерская плавка.

Ю. ЛУЦКЕВИЧ

* * *

Носит песни над страной
Юный, звонкий,
Деловой
Слет
Шестой.

Гудки. Гудки.
Над всей страной гудки.
Гудки заводов,
Где металл родится.
Там внутрь печей
Летят, как пироги,
Металлолома
Сплющенные диски.

Шершавый рельс,
Что вчетвером несли,
Измазав ржавчиной
И воротник и галстук,
Дырявый бак,
С кукушкою часы,
Где с хрипотцою
Маятник качался,
Труба, подкова,
Отслуживший кран
Задышат
Раскаленными боками
И, обернувшись вскоре
Ручейками,
Сольются
В пионерский океан.

Гудки поют,
По всей стране поют.
В Артек
Со всех сторон
Приносит песнь ветрами.
И пионеры
Замерли в строю.
Сейчас.
Сейчас.
Сейчас
Выносят знамя.

На знамени
Ильич.
Он смотрит
Юный строй.
Под взглядом
На носки
Привстал
Мальчишка-ненец.
Полсотни лет,
Как и сейчас,
Ребята шепчут:
— Ленин...
Он с нами...
Он со мной...

И юбилейный,
Звонкий,
Деловой
Держит речь
Перед страной
Слет
Шестой!

Поздравляем победителей

Ты, наверное, помнишь, в шестом номере «Пионера» за прошлый год мы объявили конкурс «Моя Родина — СССР» на лучший рассказ, стихотворение, рисунок, фотографию. Работы многих ребят мы уже опубликовали.

«Свой край не узнаешь по-настоящему из окна самолета или поезда. Его нужно исходить пешком. Только тогда ты сможешь сказать: «Это мой край». Так считает Андрей Хижняк из Якутии. И ребята, участники конкурса, путешествуют. Лена Неверова со своим классом прошла по ленинским местам — появился ее рассказ «И вот мы в Ульяновске...». Валя Долгушева рассказывает о легендарном разведчике Николае Кузнецове. Многое о нем она узнала в походе. Алла Горевалова пишет: «Я не знаю, большое мое путешествие или маленькое — на колхозное поле, — только мне оно кажется необыкновенным. Я увидела, как трудятся люди».

Почти в каждой работе, присланной на конкурс, открытие. Кто-то понял, что его родной город не похож ни на какой другой. Кто-то услышал, как звенят на лугу синие колокольчики. Кто-то встретил рассвет на реке...Это — открытие своего края.

ОБЪЯВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

Первая премия присуждается **Алле Гореваловой** из Симферополя (рассказ «Звезды на комбайне») и **Андрею Хижняку** из Якутии (рассказ «Наш знаменитый Айхал»).

Второй премией награждается **Галя Сакардина** из поселка Руденск, Минской области (Стихотворение «Люблю я родную деревню...»).

Третью премию жюри присудило **Зое Кудайбергеновой** из Нукуса (рисунок «Колхозное поле»).

Премией «За поэтичность» награждается **Вова Красавин** из Новокуйбышевска (стихотворение «Ночной пейзаж»).

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ ПРЕМИИ ПРИСУЖДАЮТСЯ:

Маше Горшковой из деревни Хальзево, Орловской области (рассказ «Пограничники»), **Саше Шилину** из Ленинградской области (рассказ «Холодно смотрели звезды»), **Эрику Лаанметсу** из Эстонии (юмористические рисунки), **Оле Царегородцевой** из Нижнего Тагила (рассказ «В кунгурской пещере»), **Саше Рассказову** из Уфы (рисунки «Уборка урожая» и «Кавказ»), **Оле Грибковой** из поселка Ржаница, Брянской области (рассказ «Брянский лес»).

Поздравляем победителей нашего конкурса! Мы не смогли напечатать все хорошие стихи и рассказы. А их пришло к нам очень много. Благодарим всех участников за большую работу. Не огорчайтесь, что в этот раз вам не удалось победить. Приглашаем вас принять участие в других конкурсах нашего журнала.

И вот мы в Ульяновске...

У нашей дружины есть шефы — команда дизель-электрохода «Украина». Они обещали повезти лучший отряд в Ульяновск, на родину Ленина. Мы весь учебный год очень старались и победили.

И вот мы в Ульяновске... Тихо в старой Симбирской гимназии (теперь это средняя школа № 1). Когда-то давно по этим коридорам ходил Володя Ульянов. Входим в светлую комнату. На подоконнике у последней парты стоит ваза с полевыми цветами. От волнения сжимается сердце: за этой партой сидел семиклассник Ульянов...

Я читала что Володя Ульянов любил Волгу, часто с друзьями ловил на реке рыбу и купался. Когда мы пришли на Венец — берег Волги, я очень разволновалась. Отсюда Ленин смотрел, как плывут по реке баржи и пароходы, думал и мечтал...

Лена **НЕВЕРОВА**, г. Пермь».

Звезды на комбайне

Я и моя подружка Надя любим смотреть, как убирают хлеб. По золотому полю ползет оранжевый комбайн. Рядом идет машина, маленькая по сравнению с ним. В машину сыплется зерно.

Однажды комбайн остановился на краю поля. Из комбайна спрыгнул на землю человек и стал

конкурса!

осматривать машину. Мы подошли совсем близко. «Смотри, — сказала Надя, — звезды»... Я посмотрела на небо. «Да нет же, на комбайн смотри». Она показала на бункер, откуда во время работы сыплется зерно. Я увидела четыре звезды. Мы спросили комбайнера, почему на комбайнах звезды рисуют. Он лукаво улыбнулся и сказал: «Их не просто рисуют, а зарабатывают. Намолотишь сто тонн зерна — получишь одну звездочку». Ему некогда было с нами разговаривать. Он сел в кабину, и комбайн поехал.

Алла ГОРЕВАЛОВА.
Крым, учхоз «Коммунар».

Ночной пейзаж

Мелкие алмазы на черном бархате —
Это ночное небо.
Живые мерцающие блики —
Это ночное море.
Узкая полоска черного шелка —
Это ночной берег.
Человек, который на это смотрит, —
Это я сам.

Вова КРАСАВИН,
г. Новокуйбышевск.

Колокольчики

В поле для меня всех милее — колокольчики. Они тихо звонят в свои маленькие колокола: динь-до-да, диг-дуг-да. Выйдешь на луг, сколько там цветов! Там и желтые одуванчики и ромашки одним глазом смотрят на солнце, а на бугре лиловые колокольчики. Все они шепчутся и разговаривают между собой. И мне хочется принять участие в их разговоре.

Ира МАРТЫНЕНКО,
г. Иркутск.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Люблю я родную деревню...

Люблю я родную деревню —
Зеленый и солнечный край.
Вот слышу я тихое пенье:
То мама печет каравай.
Голубка над нашею крышей
Кружит в голубой тишине.
Прислушаюсь ночью — и слышу,
Как лес наш вздыхает во сне.
Речушка, заросшая тиной,
Качает кувшинки: «Баю...»
И падает пух тополиный
Прямо в ладошку мою.

Галя САКАРДИНА,
Минская область, поселок Руденск.

Брянский лес

Летом, когда я была в пионерском лагере, мы ходили партизанскими тропами Брянщины.

Много бед перенес Брянский лес, много ран у него осталось. Мы нашли гильзы от снарядов — следы тяжелых боев.

На Партизанской поляне я впервые увидела партизанские землянки и скамейки. Ребята остановились у постамента. Среди имен погибших я нашла Валентину Сафронову. Приду в школу и обязательно расскажу об этом походе. Потому что имя Вали Сафроновой носит моя дружина.

Оля ГРИБКОВА,
Брянская область, пос. Ржаница.

Остров Сахалин

Я живу на Сахалине. Остров окружает море. В портах день и ночь работают подъемные краны, похожие на жирафов. Если стоять лицом к морю, то пахнет соленой водой, рыбой, водорос-

лями, а если смотреть на берег, то чувствуешь запах пихт, елок и сосен.

На Сахалине часто дуют суровые ветры, тяжелые утренние туманы ложатся на тайгу. Но если бы я была художником, то описала бы свой край чистыми, светлыми красками, в лучах утреннего солнца. Ведь Сахалин почти раньше всех в стране встречает новый день.

Марина **МЕЛЬНИКОВА**,
о. Сахалин.

Днепр

Мой город Смоленск расположен на берегах Днепра. Днепр такой чудесный и величавый. Он собирает воды со всех окрестных рек и речушек и мчит их к морю. А интересно, где же его начало? И мы решили начать свое путешествие от его истока.

В двух километрах от деревни Дудкино бьет холодный ключ: так начинается Днепр. Идешь вдоль ручья, он становится все шире и глубже. Дальше это уже бурный поток... Мы узнали тайну Днепра!

Саша **ЖДАНОВ**,
г. Смоленск.

В Кунгурской пещере

Одна из подземных кладовых Урала — Кунгурская ледяная пещера. В ней около ста гротов и тридцать шесть озер.

Всем классом мы были в этой пещере — настоящем подземном царстве.

Идешь по широкому, покрытому инеем коридору и попадаешь в грот. Как могучий сказочный лес — ледяные столбы-сталагмиты... Мы стояли зачарованные и слушали звон капели.

Самый большой из гротов — «Дружба народов». Он назван так после того, как здесь побывали участники семнадцатого международного геологического конгресса. В этом гроте особенно красиво. Озеро Большое застыло в безмолвии. Причудливые кристаллические глыбы, словно стражники, берегут его покой...

Оля **ЦАРЕГОРОДЦЕВА**,
г. Нижний Тагил.

Пограничники

Пограничники охраняют нашу страну от врагов. Даже в самый сильный буран и ливень мы можем спокойно спать. Пограничники всегда на посту.

По утрам мы с друзьями идем в школу, а наши мамы и папы спешат на работу. У всех хорошее настроение, потому что на земле мир.

Сейчас на улице ночь. Мое окно выходит в сад. Там темно, но совсем не страшно. Там спеют яблоки... Я не сплю. Я думаю про пограничников.

Маша **ГОРШКОВА**,
дер. Хальзево, Орловская область.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Помогли совхозу. Работали в поле шесть дней.

Алтайский край, пос. Садовый, штаб Тимура.

Выкрасили лестничную площадку. Провели операцию «Тополь» — пересадили на пустырь молодые деревья. Лечили деревья в сквере — раны и трещины на стволах замазывали глиной.

Тимуровский отряд «Горн», г. Москва.

Взяли под охрану 500 муравейников.

Тимуровцы Беловского района, Кемеровской области.

Провели конкурс отрядных «Боевых листков».

г. Биробиджан, школа № 9.

Посадили деревья в парке. Правда, из шести прижилось только три... Ну да ничего, мы осенью еще посадим!

Тимуровцы пос. Той-Тепа, Ташкентская область.

★ **ПОИСК** ★ **ПОИСК** ★ **ПОИСК** ★

В первом номере «Боевого листка» мы рассказали об отряде бабы Шуры — Александры Петровны Рычковой. Отряд действовал во время Великой Отечественной войны в городе Пласте. И вот недавно в редакцию пришло письмо от Паны Давыдовны Филипповой, бывшего тимуровца этого отряда. Она пишет:

«В самое тяжелое время, когда враг стремительно продвигался в глубь нашей страны, нас собрала баба Шура. Мы, мальчишки и девчонки, делали все, что было в наших силах: помогали семьям фронтовиков, рубили, кололи дрова, копали картошку. Летом от темна до темна работали в поле. Собирали одежду и продовольствие для эвакуированных, давали концерты в госпиталях, сдавали металлолом на строительство Уральского танкового корпуса. Мы были очень горды, когда получили телеграмму от Верховного Главнокомандующего. Он благодарил нас за помощь фронту».

СИТУАЦИЯ

В прошлом году мы организовали в нашем дворе тимуровский отряд. Как славно все начиналось! Домоуправление выделило нам комнату для штаба, дало материалы для ремонта, и мы сами привели ее в порядок. Мы уже строили радужные планы о будущей работе отряда: ну, думаем, будем ухаживать за больными и престарелыми, играть с малышами, озеленять наш двор.

Командиром выбрали меня. И вот стали ко мне приходить ребята и просить ключи от штаба. Ну как не дать? Я и давал. А они играли там в хоккей, в жмурки, устраивали рыцарские турниры, крутили пластинки, словом, веселились. И вот результат: из 15 пластинок уцелело только 5, мебель испортили, а насчет работы никто и не вспоминает. Попробовал я было отказать ребятам, не давать им ключи, а они говорят: «Зачем же мы тогда штаб делали? И зачем тебя командиром выбирали?»

К сожалению, это письмо пришло без адреса и без фамилии автора.

На наш взгляд

Командира у вашего отряда сейчас нет.

Есть только ключник при штабе (правда, добрый ключник — никому не отказывает). Трудно ему, понятное дело, настоять на своем: ведь это значит — идти на открытую ссору с ребятами. Но оставлять все как есть, тем более нельзя, раз работа не тронулась с места. Главное — уметь помочь другому человеку. Если, кроме жмурок и хоккея, вы в своем штабе ничем не занимаетесь, какие же вы тимуровцы?

Так думаем мы. А вы как думаете?

Всесоюзный штаб Тимура.

Интервью «Боевого листка»

Историческая справка

Целебные свойства растений издавна известны на Руси. Они описаны еще в «Изборнике великого князя Святослава Ярославича» (1073 г.). При Иване Грозном уже была учреждена Аптекарская изба, ведавшая сбором лекарственных растений. В царствование Петра I при этой избе даже был разбит специальный огород, где такие растения выращивались, и сам Петр Великий выходил туда иногда с лопатой в руках.

— Действительно,— сказал нам начальник Главного управления по заготовкам лекарственных растений Роспотребсоюза Виктор Трофимович Климашев,— половина всех лекарств изготавливается медицинской промышленностью из целебных растений. Мы используем свыше 90 видов целебных растений. Большую помощь нам могут оказать ребята: в июле—августе можно собирать листья подорожника, мать-и-мачехи, траву зверобоя, пустырника, цветы душистой ромашки, горицвета, листья брусники, ликоподий, ягоды малины, черники, черной смородины, плоды шиповника.

ОТ ШТАБА

Собирать лекарственные травы, казалось бы, дело нехитрое. Но это только кажется. Собирать их нужно очень осторожно. Прежде чем срывать первые попавшиеся под руки дикие цветы и травы, прочитай в этом же номере «Пионера» материал «Сбережем зеленый океан». После этого пойди в аптеку и спроси, какие лекарственные травы могут у тебя принять, в каком количестве и как долго их можно хранить. Учти все это и принимайся за дело. Только очень умело и осторожно. Лучше всего собирать растения там, где их действительно много.

Рисунки А. АСТРЕЦОВА.

И. ГОЛУБЕВА

Отряд «ДРУЖБА» и Войско Польское

Семь лет назад ребята из 44-й школы города Рязани прочитали в газете маленькую информацию: «В 1943 году по просьбе Союза польских патриотов постановлением Советского правительства на территории СССР разрешено формирование Первой польской дивизии имени Тадеуша Костюшко. Дивизия сформировалась из польских эмигрантов в Рязанской области, в деревне Сельцы. Дивизия прошла победный путь до Берлина.

И ребята решили разыскать людей, которые воевали в этой дивизии. Начали с того, что напечатали в городской газете письмо ко всем, кто воевал в дивизии. И вдруг очень скоро, так скоро, что даже не ожидали, на письмо откликнулся Ян Зелинский, начальник офицерской школы в Варшаве. Вот что ребята узнали из его письма.

Рязанская деревня Сельцы стоит на Оке. Кругом леса, но железная дорога рядом: удобно подвозить продовольствие, оружие. Для формирования дивизии лучше места не придумаешь.

Поляки прибывали в Сельцы и днем и ночью. Некоторые — из оккупированной Польши, через фронт, другие — с Урала, куда эвакуировались в 1939 году, когда фашисты напали на Польшу.

Каждое утро в Сельцах поднимали бело-красный государственный флаг Польши. На поле, за околицей, проходили военные занятия. Многие польские новобранцы никогда раньше не держали в руках автомат. Учили их воевать советские офицеры.

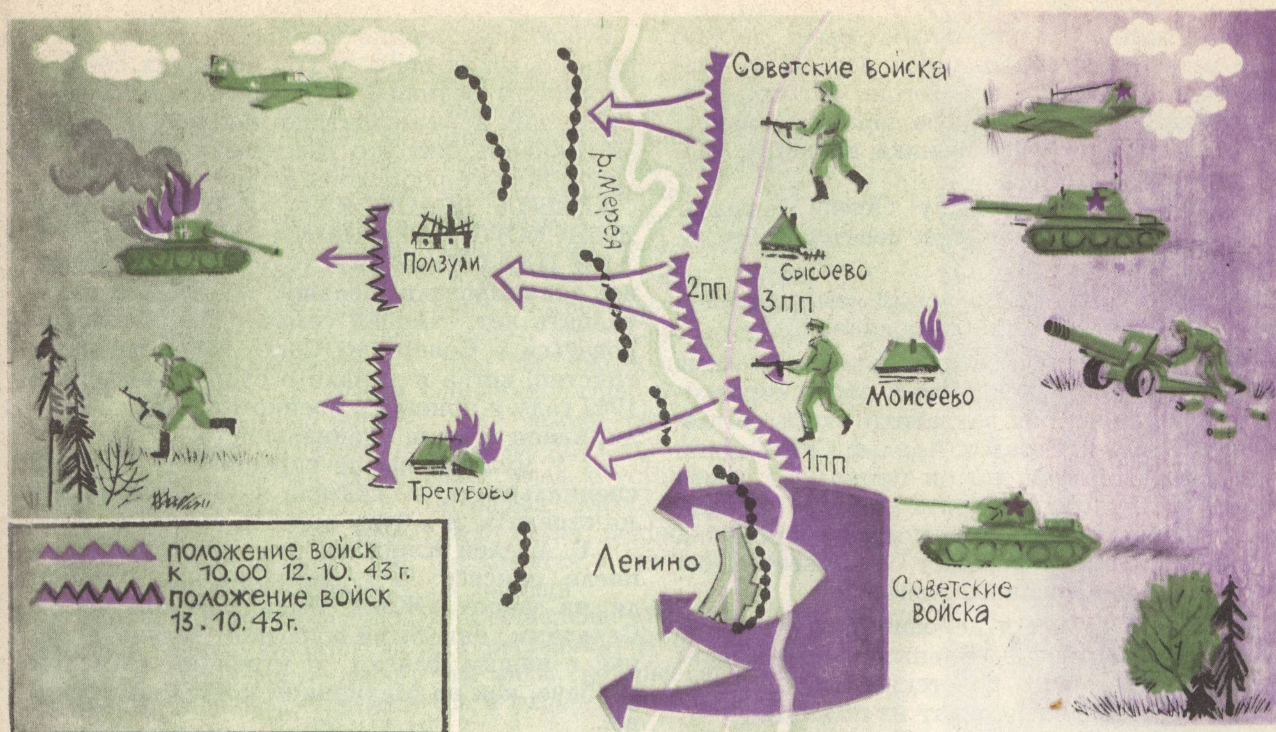
Польская дивизия была сформирована в рекордно короткий срок. Пятнадцатого июля 1943 года солдаты принесли присягу. «Присягаю земле польской и польскому народу...» Дивизия отправилась на фронт, в Белоруссию.

По следам польской дивизии, по местам, где она бывала, ребята прошли и проехали много километров. Шефы из военного училища дали им форменные, защитного цвета рубашки, пилотки, котелки, фляги. Теперь у них было полное обмундирование, сразу видно: отряд, а не какая-нибудь группа туристов. И имя появилось — отряд красных следопытов «Дружба». Они побывали в Сельцах под Рязанью, в Белоруссии, в селе Ленино. Обо всем, что они нашли, рассказать в одном очерке невозможно. Их трофеи — это рассказы людей о польских солдатах, фотографии, схемы сражений.

АНТОН ТЕОФИЛОВИЧ СИВИЦКИЙ, НАЧАЛЬНИК ШТАБА ПЕРВОЙ ПОЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ ИМЕНИ КОСТЮШКО В ГОДЫ ВОЙНЫ: «Наши солдаты сражались, как львы. Сейчас даже трудно представить, как много значила тогда для нас возможность воевать за Польшу, в которой погибло шесть миллионов человек».

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ МОРОЗОВ, ДИРЕКТОР ШКОЛЫ В СЕЛЬЦАХ:

«Я хорошо помню, как было положено начало Войску Польскому. Помню, как стояли в Сельцах поляки. Одна из учениц нашей школы, Шура Башмакова, стала связисткой штаба польской дивизии. В сентябре она ушла с дивизией на фронт и прошла с ней весь путь до Берлина».

Карта-схема совместного наступления советских и польских частей недалеко от белорусского села Ленино в октябре 1943 года.

Внимание! Победителем викторины «Наш друг Польша. Наши друзья харцеры» стал волгоградец САША ГРИНЯКИН, ученик школы № 50. Поздравляем Сашу с победой!

Вместе с пионерской делегацией Волгограда Саша поехал в Артек на VI Всесоюзный слет пионеров. В Артеке, как мы и обещали, Саша живет вместе с харцерами из Польши.

Подробно об итогах викторины и ее призерах читайте в десятом номере «Пионера».

ЖИТЕЛЬНИЦА ДЕРЕВНИ СЕЛЬЦЫ:

«Когда поляки уезжали на фронт из Сельцов, их провожала вся деревня. Женщины плакали, давали им на дорогу продукты. какие у кого были...»

В Белоруссии ребята шли от одной деревни к другой и записывали все, что люди вспоминали о польских солдатах.

СТАРОЖИЛЫ СЕЛА ЛЕНИНО:

«Бой под нашей деревней шел без перерыва двое суток. Все жители из Ленино и ближайших деревень ушли. Те, кто случайно остался, рассказывали: раненых в том жестоком бою было так много, что не хватало домов, чтобы их разместить».

СТАРИК ИЗ ДЕРЕВНИ КОСТЮШКОВО:

«Нашу деревню освобождали поляки. Тогда она называлась Ползухи. После войны мы попросили переименовать нашу деревню в честь костюшковцев, воинов дивизии имени Тадеуша Костюшко».

...Летом 1943 года советские войска стремительно наступали. На Украине вышли к Днепру. Освобожден Брянск. Линия фронта уходит на запад.

Недалеко от белорусского местечка Ленино гитлеровские части надежно укрепились на болотистых подходах к реке Мерее. Армия, в которую входила польская дивизия, должна была прорвать оборону гитлеровцев и освободить несколько населенных пунктов. Польской дивизии предстояло принять бой на главном направлении. Правый рубеж — южная окраина деревни Сысоево, левый рубеж — южная окраина местечка Ленино. Нужно было вместе с соседними дивизиями Советской Армии уничтожить гитлеровцев в районе деревень Ползухи и Трегубово.

Рано утром двенадцатого октября батальон первого стрелкового полка поляков отправляется в разведку. Задача — обнаружить огневые точки противника.

Батальон форсировал Мерею. Гитлеровцы подпустили его на очень близкое расстояние и открыли огонь. Фашистские пулеметы били длинными очередями, минометы стреляли

беглым огнем. Именно это и было нужно для разведки огневых точек. Польские разведчики, вызвав на себя огонь гитлеровцев, выполнили важную боевую задачу — нанесли огневые точки противника на карту. Началась артподготовка.

— За свободную Польшу! Огонь! — раздалась команда в дивизионах советской артиллерии.

Та же команда на польском языке прозвучала на огневых позициях поляков.

Под прикрытием артиллерийского огня воины форсировали Мерею и после короткого рукопашного боя захватили окопы гитлеровцев. Рядовой стрелок Адольф Скотницкий был дважды ранен, но он продолжал вести огонь до тех пор, пока рота не овладела окопами противника. За этот подвиг он получил польскую награду — Крест Отважных. И советский орден Красного Знамени.

На левом фланге у деревни Трегубово батальон был встречен сильным минометным огнем. Командир его, советский офицер Ляхович, решил вывести солдат из-под огня.

— За мной! Вперед! — скомандовал он и двинулся вперед на противника. Солдаты поднялись и пошли за офицером.

Ляхович был тяжело ранен. Позже узнали, что он погиб, не дойдя несколько километров до деревни Пранково, где оставил, уходя на фронт, жену и детей.

Бой продолжался и ночью с 12-го на 13-е. 13-го гитлеровцы предприняли многочисленные попытки вернуть свои позиции. В бой были брошены самолеты. Но отбить позиции им не удалось.

Под Ленино рядом сражались советские и польские солдаты. Советская артиллерия поддерживала наступление польской пехоты. Польские пулеметчики прикрывали наступающих русских солдат. Рядом с польскими танкистами воевали советские. Однажды на передовой обнаружили двух раненых: русский солдат выносил раненого поляка с поля боя. По пути его ранило, но он не оставил польского солдата.

После боя под Ленино Ванда Василевская, польская писательница, писала: «Героически сражалась наша дивизия. Именно так, как присягала... Не опозорила она имени поляка... Будем же гордиться этим, поляки в Советском Союзе. Будем же гордиться этим, поляки на родине и во всем мире».

МЕЧИСЛАВ ЯНКОВСКИЙ, СОЛДАТ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ ИМЕНИ КОСТЮШКО: «Когда кончился бой под Ленино, русские солдаты поздравляли нас с победой. Они говорили, что мы храбро сражались и что этот бой напомнил им самые тяжелые дни под Сталинградом».

ЖЕНЩИНА ИЗ СЕЛА ТРЕГУБОВО: «Говорят, теперь в Мерее не цветет вода, так много в ней металла от снарядов».

В бою под Ленино погибло семьсот двадцать польских воинов. Три польских солдата удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них девятнадцатилетняя девушка Анеля Кживонь. Вот что рассказала об Анеле в своем письме ребятам ее подруга.

ХЕЛЕНА ЯБЛОНСКАЯ, АВТОМАТЧИЦА ЖЕНСКОГО БАТАЛЬОНА ИМЕНИ ЭМИЛИИ ПЛАТЕР: «В 1939 году, когда гитлеровцы оккупировали Польшу, мне было шестнадцать лет. Нашей семье удалось эвакуироваться в Советский Союз. Было трудно и грустно, когда я думала о судьбе Польши. В 1943 году я пришла в военкомат. Там спросили, какая у меня специальность.

— У мужчин вы не спрашиваете, есть ли специальность, — сказала я. — Научите меня стрелять, и я буду воевать вместе с ними.

...С Анелей Кживонь мы познакомились после присяги. А 1 сентября нас отправили на фронт. Жаль было расставаться с Сельцами, они были кусочком нашей родины; с нашим флагом и утренним сигналом трубача, как на Мариацком костеле в Кракове...

Утром 12 октября Анеля ходила к командиру и просилась на передовую линию. Когда начался бой, поручик Орловский поручил Анеле, мне и Владе Высоцкой охранять штаб и документы дивизии. Началась бомбежка, все вокруг горело, мы перенесли ящики с документами в грузовую машину. Снова налетели самолеты... Шофер был убит, меня ранило в голову. В госпитале я узнала, что какая-то автоматчица погибла в горящей машине, спасая документы штаба. Я думала, что это Владя Высоцкая. Потом прочитала в газете, что погибла Анеля...»

Музей в 44-й школе Рязани продолжает пополняться. Поиск продолжается. Он не может остановиться, когда у следопытов появилось столько друзей, когда ребята увидели, что их работа приносит настоящую пользу. Уже семь лет, как у ребят крепкая интернациональная дружба со школьниками из Варшавы, Гданьска, Лодзи и еще двадцати городов и сел Польши.

Дружба бывает разная. Бывает, ребята обмениваются марками, бывает, дружат, потому что ровесники, потому что одни и те же книги читают. А здесь польских и советских ребят по-настоящему подружил поиск — они разыскивают русских и поляков, которые освобождали Европу от фашизма. И дружба эта очень крепкая... Наверно, потому, что это есть настоящая интернациональная дружба.

ВЛАДИСЛАВ МАСКАЛЯН, СОЛДАТ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ ИМЕНИ КОСТЮШКО: «Как было радостно мне и моим однополчанам, которые живут сейчас в Польше, когда мы совершенно неожиданно получили письма от ребят из Рязани и узнали, что о нас помнят, что нас разыскивают, что ждут от нас писем».

«Мы привыкли, что мир — зеленый. Ходим, мнем, затаптываем в грязь, сдираем гусеницами и колесами, срезаем лопатами... Льем на траву бензин, мазут, керосин, кислоты и щелочи. Высыпать машину заводского шлака, и накрыть, и отгородить от солнца траву? Подумаешь! Сколько там травы? Десять квадратных метров. Не человека же засыпаем — траву. Вырастет в другом месте», — с горечью пишет поэт Владимир Солоухин в своей книге, которая так и называется «Трава»...

Действительно, мы привыкли, что мир зеленый, что растения постоянно окружают нас, и не задумываемся над тем, какую гигантскую, поистине космическую работу они выполняют. Именно связаны друг с другом, и вместе они наилучшим образом используют все, что может дать им здесь природа. Нам нужно внимательно изучать законы этих сообществ, и тогда мы сможем лучше, разумнее распоряжаться природными ресурсами. Поэтому очень важно сохранить заповедные участки земли, где жизнь растений шла бы своим чередом без вмешательства человека.

Но важно сохранить дикую флору и вне заповедников. Ученые установили, что в нашей стране **около четырех тысяч видов растений** нуждаются в срочной охране и помощи...

Составлена «Красная книга растений». В нее записаны виды, которые нуждаются в охране в первую очередь. Их около семисот. Все эти виды разделены учеными на группы.

Сон-трава

Голубая печеночница

ЗАЩИТНИКИ ПРИРОДЫ! ДЕЛО ДЛЯ ВАС!

СБЕРЕЖЕМ ЗЕЛЕНЫЙ ОКЕАН

Н. ГРУЗДЕВА

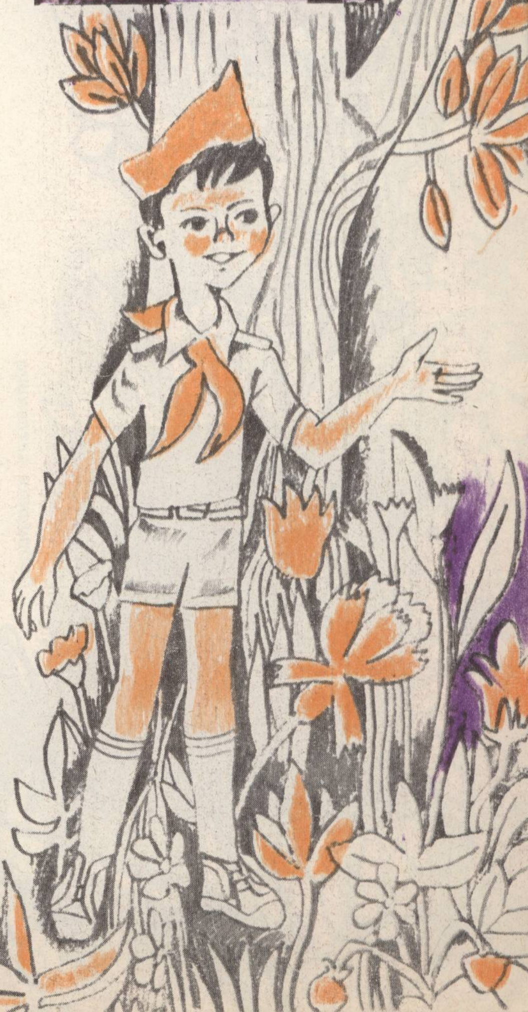
они, растения, поглощают солнечную энергию и перерабатывают ее для всех живых существ: они превращают безжизненные породы в почву, наполняют кислородом атмосферу, регулируют климат и водный режим — словом, во многом делают землю землею. Они защищают поверхность планеты: стоит нарушить растительный покров, и начинают расти овраги, приходят в движение пески, грохочут оползни, ревут пыльные бури...

Растения удивительно тонко приспособлены к окружающим условиям — к влажности, освещенности, химическому составу почвы. Вот почему в каждом месте подбираются свои сообщества растений. Они формировались тысячи и миллионы лет. Растения в них тесно

Группа нулевая. Может быть, они исчезли совсем?

В этой группе перечислены очень редкие виды. Прежде они встречались на территории СССР, но в последнее время ботанические экспедиции их не находят. Таких видов около двадцати.

...Всего два-три раза попадалось ботаникам в горах Средней Азии травянистое растение с крупными пурпурно-фиолетовыми цветками — **недзвецкия семиреченская.** Больше его никто не видел. Конечно, такие редкие виды должны быть

объявлены неприкосновенными.

Недзвецкия не встречается нигде в мире, кроме СССР. Такие растения называются эндемичными для СССР. За них мы в ответе перед мировой наукой.

Группа первая. Под угрозой вымирания

В этой группе много красивых, ярких, но редких растений. И если люди будут выкапывать и рвать их — ничего не стоит уничтожить целые виды.

Альпийский эдельвейс растет высоко в горах, у нас встречается всего в нескольких местах на Карпатах. Белые, густо опушенные листочки его на верхушке стебля собраны в изящную звездочку. В центре ее — мелкие соцветия-корзинки.

Все, кто побывал в горах, стараются привезти с собой цветок эдельвейса. Вот почему он стал таким редким и охраняется сейчас во многих странах Европы.

Надо сберечь от такой судьбы среднеазиатские тюльпаны и эремурусы (из семейства лилейных), южнокурильскую магнолию и другие растения.

Растения этой группы будут охраняться особенно строго. Главное — полное запрещение сбора. Даже ученые для массовых сборов в гербарии должны получать особое разрешение.

Места, где этих растений еще много, надо тоже взять под охрану. А тех, кто будет рвать редкие цветы для продажи, ждет уголовная ответственность: это такое же преступление, как хищение государственной собственности.

Группа вторая. Живые свидетели истории планеты

Эту группу составляют растения, чрезвычайно важные для ботаников. Они могут рассказать о том, как менялся климат и растительность на континентах, как перемещались океан и суша.

В Чукотской тундре немало травянистых растений, которые редко встречаются у нас, но обычны в США и Канаде. Присутствие их у нас доказывает древние связи материков Азии и Америки. Такие растения, остатки прежних флор, называются реликтовыми. С третичного периода, когда на большей части нашей страны был теплый и влажный климат, сохранился у нас лотос. У лотоса крупные темно-розовые или белые цветки. Они поднимаются над водой среди похожих на широкие воронки листьев. Лотос растет у нас в дельте Волги, в Закавказье и на Дальнем Востоке. По декрету, подписанному В. И. Лениным в 1918 году, лотос охраняется законом в Астраханском заповеднике. Необходимо объявить заповедными и другие

Лотос

Дубравная ветреница

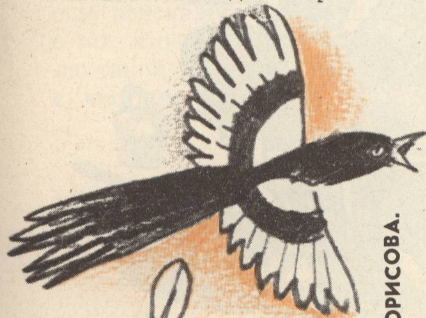
места его обитания. Сохранить живых свидетелей истории планеты очень важно для науки.

Группа третья. Пока их еще много...

В аптеки и на фармацевтические фабрики поступают тонны лекарственных растений. Из года в год эти растения собирают на одних и тех же местах, и заросли их быстро истощаются. Некоторые виды развиваются очень медленно, и в них не сразу накапливаются лекарственные вещества.

Так, например, от прорастания семян **горицвета весеннего** до первого цветения, когда появляются крупные желтые цветки, проходит десять лет. А собирают горицвет каждый год. Вот почему он уже сейчас становится редким. А ведь из него делают сердечные лекарства!

Такие виды ученые называют сокращающимися. Пока они еще часто встречаются, но очень уж велика в них потребность! Надо создавать плантации, устраивать заповедники и заказники, подсевать семена диких растений.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Но главное — собирать их по-хозяйски, чтобы не исчерпать природные запасы.

Группа сокращающихся видов — самая большая в «Красной книге». В основном это растения декоративные, пищевые, лекарственные. Их надо сохранить для будущих поколений.

Сейчас составлен список наиболее важных растений, которые надо охранять **на всей территории нашей страны.** Но это только начало. В каждой республике, в каждом районе, в колхозах и лесхозах надо выявить виды, которые нужно сберечь.

В средней полосе Европейской части СССР к ним можно отнести, например, многие весенние первоцветы. Их так безжалостно рвут для букетов, что они становятся все более редкими, особенно вблизи городов. Постепенно исчезают **дубравная ветреница** — нежное раннецветущее растение, которое часто срывают вместе с корневищем, **голубая печоночница, сон-трава.**

Задание тебе и твоему пионерскому лагерю

Отправьтесь к сотрудникам ближайших заповедников, ботанических и педагогических институтов, к своему учителю биологии, узнайте, какие растения требуют охраны, составьте списки и хорошо познакомьтесь с эти-

Альпийский эдельвейс

Горицвет весенний

ми растениями, чтобы легко узнавать их в природе.

Определите места, где сохранилось еще много редких растений, и возьмите под свою охрану. Не допускайте, чтобы их вытаптывали, пасли там скот, собирали букеты.

В школьном лесничестве тоже составьте такой список. На лесных полянках вы можете устроить плантацию лекарственных растений, скажем, валерианы, ландыша.

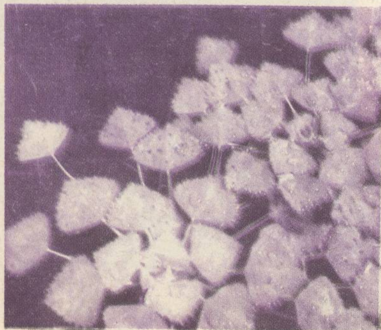
Все, что вы узнаете о редких растениях, свои рисунки и фотографии заносите в **Красную тетрадку.** Но не забывайте — в охране нуждаются не только редкие, а и самые обычные растения.

Посмотрите внимательно, что растет вблизи вашего жилья, вокруг пионерского лагеря. Постоянные спутники человека — сорные травы — следуют за нами повсюду, проникают в нарушенные людьми природные сообщества и вытесняют дикие растения. Постарайтесь не топтать напрасно траву, не рвать цветов и вообще относитесь к растениям как можно бережнее. Пусть вокруг вашего лагеря растут не лебеда и бурьян, а лесные и луговые травы.

Особое задание

Ботаники Московского университета исследуют редкие растения Европейской части СССР. Они обращаются к вам с такой просьбой. На рисунке — редкое растение **чилим,** или **водяной орех.** Оно растет в водоемах. Как и лотос, это — древнее реликтовое растение. Сообщите, встречается ли оно в ваших местах, где вы его видели, в каком количестве.

Свои сообщения направляйте в редакцию журнала «Пионер».

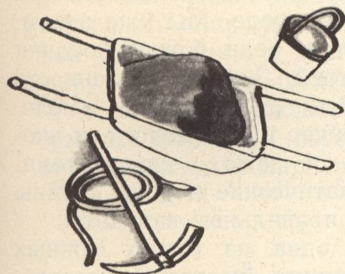

Чилим, или водяной орех

А. БЕЗБОРОДОВА

ПРО ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА И ДЕРЕВО-КОСМОНАВТ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Мы шли по лесу. На ходу машинально приподняла я обломанную ольховую ветку.

— Не почините, — сказал Володя, будто я и сама не знала, что ветка, как ее ни приставляй, не прирастет обратно. И вообще, он странно сказал: «починить». Как про сапог какой-нибудь или кран.

— Это не я выдумал, — объяснил Володя, вытаскивая из кармана клеенчатую тетрадь, .безжалостно скрученную и потрепанную. Там, среди цифр и пометок, сделанных во время обходов лесного хозяйства, были аккуратно выписаны слова писателя Леонида Леонова. Вот эти: **«Из всех работающих на нас машин лес — одна из самых долговечных, но труднее всех поддающаяся починке...»**

Про Володю, большого лесного начальника, я еще расскажу. Но сначала о других ребятах — о тех, кто помогает ученым сохранить нашу землю такой, какой мы ее любим: щедрой, зеленой, с чистыми ветрами...

Украденный каравай

По сравнению, скажем, с вулканом — что такое овраг? Так, щель посреди поля... Даже красиво: ручей по дну плещется. По песчаным склонам вода проложила затейливые бороздки. И вот вас уверяют, что овраг — настоящее чудище, истый Змей Горыныч. Змей о многих головах, лапах и нескольких хвостах. Прожорливый и бессовестный.

— Это не для красного словца! — говорил Петя Соколов и смотрел недоверчиво: согласна ли я. Потом взялся за карандаш и сказал: — Я докажу. Математически.

Правда, для этого хлопцы села Карыж — это на благодатных курских землях — делали сначала очень сложные замеры. Вычислили, сколько воды крадет овраг, перерезавший хлебное поле, сколько смывает почвы, самого плодородного слоя. Сколько земли у колхоза пропадает. И даже подсчитали, какой урожай можно было собрать на этой земле. По их подсчетам получилось, что крал овраг ежегодно огромный каравай хлеба.

— В сказке хорошо, — говорил Петя. — Знай маши волшебным мечом, руби Горынычу головы... А нам круглый год с ним возиться.

Это похоже на затяжной, долгий ремонт.

Поперек водостоков ставят плетневые запруды. Делают валики и канавки, чтобы отводить воду. Ранней весной, еще по снегу, сеют на склонах семена кустарниковых пород. А осенью подсаживают саженцы. И по верху оврагов тоже стражу надо ставить. Высаживать акацию белую, бузину, бирючину, жимолость, липу...

Не скоро, но все-таки уймется теперь разбойник.

Богатырю-одиночке, ясно, тут делать нечего. Хотя Петя Соколов характером, думаю, богатырю не уступит. Но действует он вместе с отрядом. Название у пионерского отряда довольно прозаическое — «Сводный отряд по борьбе с эрозией почв».

И если учесть, что русский чернозем по ценности ученые сравнивают с нефтью, углем и даже с золотом, то станет ясно, как рады колхозники таким отрядам. Их много уже, таких отрядов. Стало быть, минус столько же змеев горынычей.

Мундиры красные в черную крапинку

Удивительный десант высадился однажды на листьях яблонь в молодом саду. Таинственная армия была замаскирована на славу: на ветвях, еще не отряхнувших росу, висели берестяные туески.

Бесшумно, не спеша выбирались из берестяных укрытий хитрые воины. Блестели на солнце их нарядные красные мундиры. Красные в черную крапинку!

А нежно-зеленые маленькие насекомыши и не ждали ничего плохого. Сидели себе, расположившись на тех же яблоневых листьях. Сок у листьев вкусный, пей сколько угодно.

...Не гремели к вечеру победные барабаны, не пела труба. Да и кто бы взялся подсчитывать боевые трофеи? У кого бы хватило терпения осмотреть каждую яблоню, перебрать ветку за веткой! Неужто есть такие чудаки?

Есть. Знакомьтесь: Лева Яковлев. У себя в Чувашии, в окрестностях поселка Чернореченска, он давно уже прослыл чудаком, который часами сидит под яблоней и что-то все считает, считает... А божьих коровок собрать в берестяные туески? Надо иметь терпение! Еще какое!

Но вы спросите: для чего? Разве и так не известно, что божьи коровки — враги тлей? Известно-то известно, но чтобы понять, какое великое дело делают Лева и его приятели, придется немного заняться бухгалтерией.

Начнем с тли. На вид, конечно, это насекомыши не прыткие, малоподвижные... Но, как говорится, не уменьем, так числом... Еще весной, только зазеленела яблонька, на листке поселилась тля! Через неделю, глядишь — уже и обзавелась тля детенышами. С полсотни их, не меньше. Спустя еще неделю у детенышей — свои детеныши, а всего их уже 2 500, еще через неделю — 125 тысяч, а к осени потомство одной тли (если, конечно, с тлями не воевать) может вырасти до такого числа, которое и не прочтешь — в нем 28 цифр... Впрочем, о вреде тли все знают. И способов борьбы известно немало.

Но если все ясно, зачем же тогда Лева и его «научные сотрудники» так кропотливо подсчитывали степень зараженности яблонь? А подсчитав, подвешивали туески с жуками в кроны яблонь. Не как-нибудь, а так, чтобы на один гектар сада приходилось примерно 600 воинов в красных мундирах.

Это, оказывается, очень важно! Если божьи коровки съедят всех тлей, если божьих коровок станет очень уж много, они начнут поедать свои собственные личинки, есть других полезных насекомых. А в этом уже совсем нет ничего хорошего.

Не такое это простое дело — управлять «войной» насекомых. Известный советский энтомолог, член-корреспондент АН СССР Георгий Александрович Викторов, который много лет изучает эту проблему, говорит, что человек должен хорошо знать обе «воюющие стороны». Можно искусственно размножить насекомых, которые возьмут на себя оборону поля, сада или леса от вредителя. Иначе говоря, организовать биологическую защиту, но делать это надо умело, искусно, чтобы не нарушить закономерностей живого круговорота в природе. Мы уже знаем, например, что получится, если божьи коровки съедят начисто всех тлей. Значит, численность обоих противников надо регулировать умело. Над этим работают сейчас и энтомологи, и экологи, и паразитологи, и даже... кибернетики. Они составляют математические модели «войны насекомых». Ищут ее правильные варианты.

Биозащита сейчас одна из самых важных проблем науки. Биозащита позволит употреблять меньше химических ядов на полях и в садах.

Вот почему чернореченские мальчишки и девчонки так дотошно изучают жуков — красных в крапинку и прочих — изучают муравьев, шмелей...

Лесной начальник

Телефон звонил и звонил. Просто разрывался на части.

— Опять Владимира? Нету его... На пожаре.

Нянечка терпеливо отвечала на все звонки. Звонили соседние школы. Раньше Владимир командовал только своим школьным лесничеством в Кушве. А теперь:

— Позовите начальника лесхоза!

— Передайте: санитарную рубку кончили!

— Сколько саженцев кедра отгрузить соседям?

Я думаю: давно ли писали мы о самых первых, маленьких школьных лесничествах, где ребятам впервые разрешали быть хозяевами?

А теперь вон какая у парня должность. Начальник межшкольного лесничества «Урал». Размах. Масштабы. Идут научные опыты по разведению кедра. Ребята экономику леса изучают, думают, как удешевить лесопосадочный материал... Прямо-таки инженеры лесные.

— Не приехал еще. С пожара! — не уставала отвечать на звонки нянечка...

Володи не было два дня.

Наверно, это большой, плечистый парень, думала я, говорит обязательно басом. Ходит широко, важно. Начальник.

Через два дня он приехал — усталый, закопченный, веселый. За эти два дня ребятам самим удалось потушить таежный пожар. Копали канавы. Девочки носили им котелки с горячей кашей, картошку...

Не было у Володи Ширинкина ни густого баса, ни начальственных повадок. С этим длинным, худым, немного рассеянным пареньком мы ходили по лесу, с этого, помните, я и начала свой рассказ. Володя рассказывал о деревьях, о тайге, о птицах. Когда я попросила подробней рассказать про пожар, рассердился: не это главное! Пожаров не должно быть! Главное, молодые леса. Долго ждать, пока деревья станут взрослыми. Как сделать, чтобы они росли быстрее? Деревья живут долго, дольше, чем люди, — живут своей большой, таинственной жизнью.

— Их жизнь сложней, чем мы думаем, — заметил Володя и рассказал мне про то, что видел однажды в Карелии.

Дерево-космонавт

Оно опутано проводами с ног до головы. Провода — на вершине, на растопыренных ветках, вдоль ствола и у корней — делают его похожим на космонавта перед полетом. На космонавта, который еще не надел свой скафандр, и еще видны приборы, что будут чутко прослушивать его сердце, мозг.

Но ведь то человек! А как часто мы говорим: «Не человек, а дерево...» — про людей бесчувственных, равнодушных.

Молчаливо стоит дерево, опутанное проводами. Говорят за него датчики, пишут самописцы. Результаты здесь же, в лесу, обрабатывает электронно-вычислительная машина.

— Скоро будет дождь, — говорит научный сотрудник.

Слыхано ли? Оказывается, уже минут за сорок до дождя дерево начинает «волноваться», изменяются процессы в его клетках, и приборы сразу же фиксируют это. Если хотите знать, «волнение» в клетках фиксируется даже, если человек просто притронулся ладонью к коре... Вот вам и «бесчувственное»!

Физики, математики, кибернетики пришли на помощь биологам, чтобы глубже проникнуть в тайны леса. В сложные процессы, происходящие в живом организме. Полевая биофизическая лаборатория Института леса Карельского филиала АН СССР только недавно начала действовать в лесу неподалеку от Петрозаводска. Предположения, гипотезы биологов будут выверены математически. Открытия еще впереди.

Бесспорно одно: мы знаем много. Но жизнь дерева и всего живого на земле сложнее, чем мы думаем...

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПАРОЛЬ— НАДЕЖДА

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

ЗАСУХА

«Рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает» — говорит народная поговорка.

Но в этом году после майской грозы не выпало ни капли дождя, и колоски ржи качались на тонких стебельках сухие, легкие, бессильные, а иные гнулись под тяжестью скрутившей их спорыньи.

Вся деревня от зари до зари трудилась в поле и на огородах. Хозяйские ребятишки были теперь всецело на попечении Елизаветы Васильевны. Крестьяне любили эту красивую, спокойную и добрую женщину. Никто ее не называл барыней, все величали ласково и уважительно — «Васильна». Она умела лечить ребят и от простуды и от живота (а животами в это лето маялась вся деревенская детвора), прикладывала вытяжные пластыри к нарывам, давала питье от золотухи. Бабы тянулись к ней за советом, рассказывали о своих бедах, о своем безрадостном житье-бытье. Елизавета Васильевна, испытавшая и сама немало в жизни, умела ободрить, погасить ссору, поговорить по душам; составляла прошения о снятии штрафов за потраву, о списании недоимок.

А по вечерам обсуждала с дочерью невеселые деревенские новости.

— Ты, подумай, Надя, у нашего Якова Захаровича на десять душ семь с половиной десятин земли, а пахотной из них только около трех. И за эту землю семья вот уже двадцать восемь лет выплачивает выкуп и еще будет платить двадцать один год. Лишь через сорок девять лет после отмены крепостного права крестьянин освободится от кабалы... Я только сейчас по-

Ветер поднимал тучи пыли, рыжая метель кружила над деревней

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

настоящему понимаю, как был обманут мужик этой реформой.

— А я помню, — сказала Надя, — как папа пел:

Отпустили крестьян на свободу
Девятнадцатого февраля,
Только землю не дали народу,
Вот вам милость дворян и царя.

Без земли мужики голодают,
А дворяне и рады тому,
Что дешевле они нанимают
Батраков на работу свою...

Она вздохнула:

— Жуткая, беспросветная жизнь, и вместе с тем никакого чувства протеста, просто покорность судьбе. Фрося сказала, что у них недоимок накопилось почти двадцать рублей. Осенью явятся податные инспектора, и, если не будет урожая, платить опять нечем, отнимут корову.

— Да, урожая не предвидится. Дождя все нет и нет. Говорят: «В мае дождь — будет и рожь», а уже июнь...

Солнце в этом году превратилось в беспощадного врага всего живого. Земля словно состарилась, покрылась морщинами — глубокими трещинами. Ветер поднимал тучи пыли, пахнущей пеплом, рыжая метель кружила над деревней, над пашнями.

Надя работала вместе со всеми, научилась косить (блеклая трава уже к вечеру превращалась в ломкое сено), жала серпом по кустам и овражкам траву, где косой не возьмешь.

После захода солнца староста выгонял народ к речке по воду, поливать помещичьи огороды. Извилистая, с высокими обрывистыми берегами речка, обычно глубокая и норовистая, присмирела и мелела день ото дня. Колодцы высох-

ли. Сухая земля оставалась бесплодной, крестьянские огороды гибли...

В лесу не было ни грибов, ни ягод. Кусты малины и смородины пожухли. Истонченные листья на деревьях свертывались в трубочку. Коровы с пастбища возвращались полуголодные, и Милка стала давать молока втрое меньше.

В конце июня ночью засвистел вихрь, загрохотал далекий гром, зачиркали молнии. Деревня не спала — люди прислушивались, когда же по крыше застучит дождь, выходили на улицу, подставляли ладони. Наконец посыпались редкие капли. Запахло теплой мокрой пылью.

— Господи, разразись дождичком,— взывали люди, а туча, обронив скупые капли, урча и стреляя молниями, медленно проползла над деревней и скрылась за горизонтом.

«В июле на дворе пусто, да на поле густо»,— говорит пословица. В этом году и на поле было пусто и в лесу пусто. Шишки осыпались с елей и сосен с недозревшими и высохшими семенами. Даже комары исчезли. Птицы прилетали к колодцу, бесстрашно садились на край ведра и пили воду, ошалелые от голода, налетали стаями на поля и выклевывали из худых колосьев зерна. Ребята сгоняли дерзких птиц, возненавидели их, потому что они отбирали у людей последнее.

По деревне поползли слухи, зловещие, темные, как смрадный дым. То какая-то баба видела, как нечистый носился по небу и помелом разгонял тучи, то вспоминали, что весной в деревню приходил юродивый, шел по талому снегу босиком, в рваном армяке, на волосатой груди его висели тяжелые железные вериги. Был он покрыт болячками, и его не позвали ночевать ни в один дом. Это, говорили крестьяне, сам Христос через юродивого испытывал народ и наказал его голодом.

Послали от деревни ходоков к помещику, что жил верстах в пяти, с поклоном дать заработать на кусок хлеба, но помещик ответил, что у него рабочих рук и так избыток. Тогда на сходе поклонились старикам, просили их принести «чудотворную» икону из церкви, что была за двадцать верст от деревни.

Утром в воскресенье крестьяне потянулись в поле, женщины несли на руках детей, а в узелках яйца, холстину, кур, вымели по сусекам последние остатки жита, чтобы уплатить попу и дьякону за молебен.

Надя с Елизаветой Васильевной тоже пошли.

Уговаривать баб и мужиков было бессмысленно. Они надеялись на чудо. На какое? Сами не знали. Шли по окаменелой, оцепеневшей от жажды земле, по шуршащей траве, опушкой леса, мимо деревьев, с которых ветер срывал и кружил сморщенные, не успевшие пожелтеть листья.

Впереди процессии на вышитых полотенцах несли «чудотворную» икону. Поп помахивал кадилом. По ветру развевался и таял синий дымок. На стол, покрытый белой скатертью, служки поставили икону и сосуд со «святой водой».

Священник принялся служить молебен.

Люди рухнули на колени.

Встала на колени и Елизавета Васильевна. Надя прижалась к дереву. Жалко было людей, с таким отчаянием, с такой неистовой верой просящих, взывающих. Деревенские богатеи стояли впереди, крестились степенно, не торопясь. «Они-то голодными не останутся,— думала Надя.— Вон кулак Красноперов, у него восемь лошадей и земли в десять раз больше, чем у Якова. Он в убытке не будет. Втридорога продаст зерно мужикам, закабалит их ссудами, и люди будут готовы платить любые проценты, лишь бы не умереть с голоду».

— Пресвятая мать богородица, заступись за нас, грешных, спаси и помилуй! Спаси наших детушек, пошли дождичка! — истово крестилась Степанида Ивановна, пригибая голову к земле и с трудом выпрямляя спину.

Священник подошел к столу, окунул веничек из перьев в сосуд, взмахнул им и покропил вокруг землю. Вдруг по пыльному лику богородицы поползли струйки воды.

— Плачет, плачет богородица,— ахнула толпа.— Скорбит о нас,— кричали люди, протягивая к иконе руки.

Надя, уткнувшись лицом в дерево плакала от жалости, отчаяния и бессилия.

Мутное небо по-прежнему не сулило дождя.

Наде казалось, что теперь все должны разувериться, но люди в нужде, в беде боятся расстаться с богом. «Ты видела, Кстинна, как богородица плакала вместе с нами. Видно уж больно мы прогневили и господа бога и спасителя Христа, что даже богородица не допросилась у них нам дождя послать». Надя пыталась объяснить Фросе, но поняла, что это все впустую.

Перестала петь гармонь по вечерам. Девушки не ходили в лес и к речке водить хороводы.

Только мальчишки по-прежнему ездили в ночное. Егор тоже выводил лошадь, кликал своего друга Полкана и, взобравшись на клячу, прижав голые пятки к ее худым бокам, отправлялся пасти коней.

Егор напоминал Илюшу из Студенца, с которым она в детстве возила дрова из лесу. Десять лет прошло с той поры, а ничего не изменилось. Еще хуже стало. Здесь, в деревне, нет даже школы, и все ребятишки неграмотны. Ближайшая школа за пять верст. Надя спросила как-то Фросю, почему Егорушка в школу не ходит. «Обувки нет,— ответила Фрося,— одни сапоги на всю семью и те нужны отцу. Он зимой извозом занимается».

Наступила жатва.

Рука захватывала десяток тощих ломких колосков. На поле Сидориных выстроилось всего три копны. Люди ходили по черствому горячему жнивью, подбирая колоски, выискивая осыпавшиеся зерна ржи.

Ночью Елизавета Васильевна и Надя проснулись от отчаянного женского вопля и визга ребятишек. Наскоро одевшись, кинулись на хозяйскую половину. Пьяный Яков, взлохма-

ченный, с налитыми кровью глазами, таскал за волосы Степаниду Ивановну. Фрося ухватила отца сзади, пытаясь оттащить его от матери. Егор наскакивал на отца, но тот отшвырнул его.

— Щенок! Чтоб вы все подохли, окаянное племя. Одни рты кругом, а где работники? Народила мне дармоедов!

Елизавета Васильевна встала между Яковом и Степанидой Ивановной — гневная, сильная. И Яков вдруг сник. Сел на лавку и заплакал, размазывая грязным кулаком по лицу пьяные слезы.

— Ты, Васильна, иди к себе. Нечего на нашу беду смотреть. Иди...

Надя обняла дрожащую Фросю и прижалась к ней щекой.

...Осень наступила ранняя, безрадостная, бурая, ни одного яркого пятна. Земля не вернула даже тех семян, которые человек ей доверил.

«Вот она — гармония в природе!» — с горечью думала Надя. Они с Фросей копали картошку, обирали с тонких корешков мелкие сморщенные картофелины.

— Ишь, разнесчастная — чисто старушечка, а в прошлом году-то какие здоровущие картошки брали, каждая по кулаку, а то и боле... Что ждет-то нас, Кстинна? Отец вздумал Егорку в Петербург на заработки послать.

— Так ему десяти нету? Что он там делать будет?

— На фабрику пойдет. Все парни уйдут. Степан мой тоже собирается. Не то всем с голоду помирать. И свадеб ноне не будет... И посиделок зимой не будет... Лен не уродился, из чего холстину-то ткать? Отец зверь зверем стал, забьет он мать, она совсем хворая... И Милку кормить нечем и для лошади овса нет. Куры с голоду падают. Знать, прогневали мы бога. Как бы грехи отмолить? А, Кстинна?

Голос у Фроси был тихий, жалостный, слова ее ранили Надю в самое сердце.

И вдруг послышался смех — счастливый, смущенный.

Надя подняла на Фросю глаза. Девушка быстро заправила волосы под платок, одернула кофточку, вся преобразилась.

— Глянь, Кстинна, Степан идет, к нам идет.

Степан шагал по полю широким шагом, пыль дымком вилась из-под его лаптей.

— Бог в помощь! — Он заглянул в мешок, помял картошку. — Не богато!

— Какую бог послал! — ответила Фрося.

Степан сел на межу. Юношеская светлая бородка поблескивала на загорелом лице, выцветшие на солнце волосы спадали на лоб.

— Кстинна, — обратился Степан нерешительно, — вот хочу я в Петербург идти. Ты не знаешь, как там? Куда на работу берут, сколько платить будут? Чего там делать? Мешки таскать, что ли? На пристань податься?

— На работу возьмут, — сказала Надя. — Только советую, Степан, идти на большой завод. Может, там и трудновато придется и платить много не будут, но на большом заводе и мастерству обучитесь и товарищей найдете.

— А баб не берут там? — спросила несмело Фрося.

— Женщин берут на фабрики...

Но Степан прервал Надю:

— Я ж втолковывал, — поеду в Петербург, устроюсь на работу и тебя выпишу.

Фрося зарделась.

— Кстинна, запомни, при тебе Степан обещанку дал. Ты, Степан, Егорушку там не кинь, пусть он при тебе будет. Мать-то не хочет его в Петербург отпускать, пусть, говорит, наденет суму и пойдет по селам милостыню собирать.

— Нечего ему с протянутой рукой ходить, поедет со мной, — решительно сказал Степан.

— Я вам, Степан, свой адрес дам. Заходите. Может, смогу вам чем-нибудь помочь, — предложила Надя.

— Спасибочко!

— А я на зиму пойду к барину холсты ткать, — сказала Фрося, — он людей набирает. Как-нибудь зиму-то протянем, коли что, Милку продадим, лошадь продадим. А на следующий год бог урожай пошлет. Бабка Аксинья, что на выселках живет, говорят, сон вещий видела. Явилась к ней богородица: мол, уговорила я своего сына Христа ваши людские грехи простить, урожай послать. Хорошо будет. — Фрося с покорной нежностью смотрела на Степана.

...Утром в холодный, осенний день вся деревня провожала парней, уходящих на заработки. Они шли в старых, стоптанных лаптях — свежего лыка с сухих лип в этом году не надрали. Котомки за плечами были легки. У околицы постояли, потоптались на месте. Егорка сторонился матери, которая норовила его лишний раз прижать к себе. Парни отошли, потом повернулись, поклонились низко всему миру. Никто не плакал. Казалось, зной за лето высушил у всех слезы. Ветер носился по пустым полям, вздымал холодную желтую пыль. Пыльное облако долго вилось за парнями... Поплелся за Егоркой и пес Полкан. Егорка раза два оглянулся, махнул ему рукой. Полкан остановился, хрипло рявкнул, словно понимал, что расстается с хозяином навсегда.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ»

Четвертый год Надя дает уроки в интернате гимназии Оболенской. Завоевала себе славу педагога, способного самую отсталую ученицу вывести в успевающие. Желающих попасть в группу Крупской много, а должно быть всего десять учениц. И на педагогическом совете Крупской дают самых трудных. Прежде чем приступить к занятиям, Надя подолгу беседует с каждой девочкой, стараясь постигнуть ее внутренний мир, распознать круг интересов, добраться до тайников души.

В методе преподавания старалась сначала подражать своему любимому учителю естествознания Александру Яковлевичу Герду, часто

ходила к нему за советом. Но вот уже третий год, как он умер, и Надя вырабатывает свой метод, хотя часто заглядывает и в книги Герда. И теперь лучше, чем когда-либо, понимает, что человеку надо дать не разрозненные знания, а стройную систему, которая превратилась бы в крепкий сплав, выработала бы правильный взгляд на мир, явления природы.

Надя сидит, перелистывает дневник ученицы Натальи Черновой, густо украшенный двойками по русскому языку, естествознанию, географии. По математике много четверок. Наталья стоит с опущенной головой, ее крепкие, как налитые яблоки, щеки рдеют.

— Читаешь много? — спрашивает учительница.

— Нет, — признается девочка.

— Не любишь книги?

Наташа жмется.

— У нас дома нет книг. А четьи-минеи, евангелие и часослов мне неинтересно читать.

— А в библиотеке?

— В библиотеку платить надо.

Надя смотрит на упитанное лицо девочки, ее дорогое шерстяное платье, шевровые ботинки — не из нуждающихся.

— Кто твой отец?

— Купец. Второй гильдии.

Богатый, а на библиотеку жалеет пятнадцать копеек.

— В гимназической библиотеке книги берешь?

— Нет. Мама, кроме учебников, не разрешает ничего читать, работы по дому много.

«Надо поговорить с родителями» — решает Надя и вынимает из-за пояса часы.

— Поди скажи девочкам, что с остальными я буду беседовать завтра, — говорит Надежда Константиновна, укладывая книги в портфель.

Сегодняшний день особенный. Подруга Нина Герд пригласила Надю к себе домой на «интересное чаепитие». Будет заседание марксистского кружка, и руководитель кружка разрешил привести Надю.

Надя уже бывала несколько раз на заседании одного марксистского кружка, так называемого «Этического». Бывала, еще не читая Маркса. Там спорили о нравственности, религии, об общественном долге человека. Надя сидела молча, стесняясь вступать в споры, чувствуя себя неподготовленной, а главное — она не видела практической пользы в этих спорах. На этот раз Нина заверила, что это очень серьезный кружок, в него входят главным образом студенты Технологического института, которые изучают Маркса и ведут занятия с рабочими заводов.

«Ведут занятия с рабочими» — вот что привлекло Надю, вот о чем мечтала она.

В доме Гердов ей все было знакомо с детских лет, она часто бывала у своей подруги. В застекленных горках — коллекции минералов, собранные отцом Нины, по стенам развешаны гербарии, коллекции насекомых, бабочек. При жизни Александра Яковлевича гимназистки приходили сюда целым классом, чтобы познакомиться с богатыми коллекциями учителя. В столовой, за большим овальным столом, проходили практические занятия, а потом веселое чаепитие.

Надя пришла, когда все уже были в сборе.

— Ждут тебя, — сказала Нина, открыв ей дверь.

За столом сидело человек восемь молодых людей. Один стул за столом всегда оставался свободным. На нем обычно сидел Александр Яковлевич. После его смерти в торжественных случаях для него всегда ставился прибор. На стене висел портрет Александра Яковлевича. Красивое лицо обрамляла темная пушистая борода, седые волнистые волосы были зачесаны назад.

Надя обвела глазами присутствующих. Германа Красина она знала раньше, была знакома и со студентами-технологами поляками Цивинским и Лелевелем, но не знала, что они марксисты.

— Глеб Кржижановский, — представился ей совсем юный студент в форме технолога.

— Василий Старков, — привстал со стула плотный, с густой шевелюрой студент.

Представился и руководитель кружка Михаил Иванович Бруснев. Он был старше всех и походил больше на рабочего, чем на студента. Широкоскулое, поросшее редкой бородкой лицо, гладко приглаженные волосы, глаза серые, взгляд спокойный, уверенный.

— Милости просим, — пригласил он Надежду Константиновну к столу, как старую знакомую.

Нина разливала чай.

Бруснев встал и, опершись руками о стол, без всяких предисловий начал:

— Итак, наше «Социал-демократическое общество» продолжает свою работу, правда, в обновленном составе, поэтому я кратко скажу о наших целях и программе. Наша цель — воспитать из участников рабочих кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые будут вести пропаганду среди рабочих.

По мысли Бруснева, эта цель требовала от членов кружка отдачи всех сил, знаний.

— Не сразу мы понесем учение Маркса в рабочие массы. Сначала подготовим их к этому. Надо научить рабочего писать, читать, считать... Познакомить со строением Вселенной, с основами естествознания, чтобы рабочий избавился от религиозных предрассудков. Затем мы поднимем его еще на одну ступеньку — познакомим с дарвинизмом, с происхождением жизни на Земле, с историей мировой культуры, крестьянского и рабочего движения и подведем его к пониманию и восприятию марксизма. Сейчас в Петербурге действует двадцать рабочих кружков, которыми руководят интеллигенты. Есть уже кружки, которые ведут сами рабочие, — это грамотные, образованные люди. Им мы постепенно будем передавать руководство.

Надя слушала, и думала о своем месте в этой

работе, и невольно ловила себя на мысли, что пройдут многие годы, пока передовые рабочие овладеют марксизмом. А борьба? Борьба против царизма, за свободу. Как ее организовать? Но спросить не решилась.

— Наша конечная цель, наш боевой лозунг — Интернационал! — заключил Бруснев.

«Интер-национал, — повторила про себя Надя. — Что это?»

Это слово она слышала впервые. «Интер» — по-латински «между», «нацио» — «нация». Но слова «интернационал» в латыни нет, нет и во французском и в немецком. Междунациональность. Так надо понимать?

— Интернационал был. Интернационал возродится! Его идеи дремлют в миллионах сердец, и нам надо их разбудить! — с пафосом воскликнул поляк Цивинский.

Всем это слово было понятно и всех оно здесь волновало, а Надя сидит и гадает. Спросить неловко. Карл Маркс в первом томе «Капитала» доказывает необходимость классовой борьбы, Бруснев говорит о междунациональности. Но нация не едина. К одной нации принадлежат враждебные друг другу классы; буржуазия и пролетариат, помещики и крестьяне. Надя почувствовала себя несчастной. Как же мало она знает! Почему это слово озарило всех, а у нее не вызвало никаких эмоций?

Молодежь шумела. Новое для Нади слово произносилось на все лады.

И вдруг в этом гуле голосов прозвучал скептический голос:

— До интернационализма еще ах, как далеко. Русский рабочий темен и невежествен. Интернационал понятен только западным пролетариям.

Гул негодующих голосов покрыл голос скептика.

Надя не удержалась и спросила у сидевшего рядом Цивинского:

— Что такое «Интернационал?»

— Это международное товарищество рабочих для борьбы с капиталом. Его создали Карл Маркс и Фридрих Энгельс в 1864 году, и просуществовало оно восемь лет. У этого товарищества есть гимн, так и называется «Интернационал». Текст его написал французский поэт-революционер Эжен Потье, а музыку — французский композитор Пьер Дегейтер. Оба были пролетариями. Французские рабочие поют «Интернационал» на своих собраниях. Я не знаю, переведен ли он на другие языки.

Бруснев призвал к тишине.

— Всем товарищам, которые прочитали первый том «Капитала», я рекомендую самым внимательным образом изучить труд Фридриха Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». К сожалению, нет полного перевода его на русский язык. Я достал несколько экземпляров на немецком. Кто знает немецкий, возьмите, читайте, потом расскажете суть книги товарищам. Это энциклопедия марксизма!

У Нади в руках оказалась довольно толстая, продолговатая книга.

— Имейте в виду, царская цензура считает книгу опасной. Берегите ее от посторонних глаз...

Расходились поздно.

Надя шла с Цивинским. Газовые рожки на улицах гасли один за другим.

Цивинский спросил:

— Хотите знать, как звучит гимн «Интернационал»?

— Да, да. Вы знаете?

— Первый куплет звучит так.

Владислав вполголоса запел:

C'est la lutte finale
Groupons-nous, et demain
L'Internationale
Sera le genre humain...

Надя шепотом переводила:

— Это будет последняя битва — объединимся! И завтра род людской станет Интернационалом!.. Прекрасно! Это же программа наших действий: объединиться, чтобы пойти на битву и превратить весь род людской в международное товарищество.

Надя попросила Владислава повторить куплет.

В холодной ночи Петербурга, в темном переулке негромко звучало, как туго натянутая струна:

C'est la lutte finale
Groupons-nous, et demain...

Надя запомнит эти слова на всю жизнь. Память у нее была натренированная, отличная. Она помнила наизусть сотни стихотворений, заучивала их, прочитав один-два раза.

— L'Internationale
Sera le genre humain... —

пела она про себя, поднимаясь по темной каменной лестнице к себе домой.

КРЕПОСТЬ РАБОЧЕЙ РУКИ

Узкие и мрачные, как осклизлые колодцы, проходные дворы по Воскресенской улице заполнены молодежью. Здесь студенты и курсистки, литераторы и учителя. Застоявшийся чад горелого «постного» масла, запах кислой капусты, жареного лука, несвежей рыбы — ароматы великого поста перед пасхой сдобрены еще испарениями гниющих отбросов в высоких ларях.

Надя с трудом пробиралась сквозь плотную толпу, ища своих кружковцев, но в этом человеческом водовороте немыслимо было найти их. Все прилегающие улицы до Таврического сада были запружены народом.

Над Петербургом сияло вешнее солнце, такое редкое в апрельские дни. Оно растопило снег даже в этих темных дворах, и мутные потоки воды устремились на улицы. Надя уже не пыталась протиснуться к подъезду, из которого должны были выносить гроб с телом покойного писателя Николая Васильевича Шелгунова.

— Расступитесь, господа, идут путиловцы, — раздался чей-то баритон, и моментально образовался коридор, по которому медленно двигалась большая группа людей с обнаженными головами. У каждого под рукой был зажат картуз. Впереди, мерно шагая, шел атлетического сложения высокий человек с широкой окладистой бородой. На вытянутых руках он нес древко с прикрепленным к нему венком. Двое молодых людей придерживали концы черных лент. Крупными белыми буквами на них было выведено: «Поборнику демократических идеалов от сознательных рабочих Путиловского завода». Венок позвякивал металлическими дубовыми листьями. «Дубовые листья, выкованные из металла, — это символ крепости рабочей руки», — сказал какой-то студент с восхищением. «От сознательных рабочих», — отметила Надя слова на надписи, значит, от рабочих-марксистов. «Это наши рабочие-кружковцы», — с гордостью подумала она.

Кто-то тронул Надю за рукав. Она оглянулась. Рядом стоял Цивинский.

— Это наши организовали, — прошептал он, — а несет венок Фунтиков. Силач!

«Пришли путиловцы, это прекрасно! Благородно! Дерзкий вызов властям», — звучало вокруг.

Были венки от литераторов, студентов Технологического института, Военно-медицинской академии, Петербургского университета... Венок «От свободомыслящих» — в обрамлении темных листьев колючий терновый крест и надпись на лентах: «Николаю Васильевичу Шелгунову, почившему со знаменем в руке».

И снова широко расступилась толпа, пропуская депутацию от питерских заводов и фабрик. Развевалась на ветру широкая лента с надписью: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Возглавлял группу среднего роста худощавый рабочий в косоворотке, с темной бородкой клинышком, в очках, сквозь которые смотрели острые, умные глаза.

— Это ткач Федор Афанасьев, его рабочие называют «учителем жизни», настоящий вожак, — сказал Наде Владислав.

За депутацией рабочих, придерживая рукой шашку, шагал пристав в окружении чинов полиции и жандармерии, которые прокладывали ему дорогу в толпе, сомкнувшейся за депутацией рабочих.

— Господа, господа! — взывал пристав, ни к кому, в общем, не обращаясь. — Недозволенные венки. Революционные надписи. Это прямой вызов! Господа, господа!..

Толпа безмолвствовала. Все были ошеломлены участием рабочих в похоронах писателя-демократа. Рабочие впервые заявили о своем праве, впервые сказали свое слово о писателе, которого почитали за своего друга.

В прокламации, распространявшейся нелегально в России, Шелгунов писал: «Нам не нужна власть, мешающая умственному, гражданскому и экономическому развитию страны. Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране... чтобы личных землевладельцев не существовало... Мы хотим, чтобы все граждане России пользовались одинаковыми правами... Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть... выборная и ограниченная».

Когда Николай Васильевич был уже тяжело болен, к нему пришли петербургские рабочие и принесли адрес, который заканчивался словами: «...может быть, не одним еще вам придется пасть жертвою любви к бедному пролетарию, но это не удержит нас от стремления достигнуть указанной вами цели». Под адресом стояло шестьдесят шесть подписей передовых рабочих.

...Толпа увлекла Надю за собой по узкой лестнице, ведущей в квартиру писателя.

В квартире было невыносимо душно. Шла панихида. Мерцали свечи в высоких подсвечниках у изголовья покойного. Священник, бормоча слова молитвы, помахивал кадилом. Хор пел «Со святыми упокой...».

Когда кончилась панихида, пристав попросил руководителя похоронной церемонии вынести венки и сложить их на катафалки.

На улице, у ворот, стояло два катафалка, запряженных парой вороных лошадей с траурными черными султанами. Кучеры в черных цилиндрах и черных кафтанах держали лошадей под уздцы.

— Гроб понесем на руках, — раздался властный бас. Надя узнала голос Михаила Ивановича Бруснева.

Он был нетороплив, серьезен, чуть скошенные наплывами век глаза, большой рот под обвислыми усами придавали ему усталый и вместе с тем энергичный вид.

— На руках! — эхом откликнулись в толпе.

— Не дозволено на руках, — вмешался пристав. — Гроб должно везти на катафалке.

— Мы понесем на руках, — спокойно, но властно возразил Михаил Иванович.

Какой-то старик примирительно поднял ладонь.

— Не будем спорить, поставьте гроб на катафалк.

— Нет, понесем! — раздались голоса.

Гроб поплыл над головами.

По знаку пристава полицейские стали отрывать руки, державшие гроб.

Студенты оттаскивали полицейских за полы шинелей. Гроб качнулся. Вдова Шелгунова закричала:

— Умоляю вас, не уроните, поставьте гроб на катафалк!

— Давайте гроб поставим, а венки понесем, — сказал Федор Афанасьев.

И эта фраза, произнесенная спокойным тихим голосом, прозвучала как приказ.

В одно мгновение венки были разобраны и подняты высоко, как знамена. Гроб опустили на погребальные дроги.

— Нести венки высочайше запрещено. Законом запрещено! — надрывался пристав.

Полицейские подбежали к группе путиловцев.

— Давай сюда твою крамолу, — протянул руку к древку венка полицейский, но атлет Фунтиков так смерил его взглядом, что полицейский отскочил.

— Рабочие, вперед! — приказал Федор Афанасьев.

Пристав уже не стеснялся нарушить приличествующую случаю тишину, он рявкнул изо всех сил:

— Приказываю сложить венки на катафалк!

Впереди катафалка с гробом протянулась длинная процессия с венками. Второй катафалк двигался пустым.

С панели на мостовую вышло несколько сот студентов и курсисток. Впереди них — высокий студент в форме Технологического института.

Когда пристав, ощетинившись усами, собирался еще раз крикнуть «Приказываю!», студент снял с головы зеленую фуражку, взмахнул ею, и многоголосый хор грянул:

— Святый боже, святый крепкий, святый бессмертный...

— Помилуй нас! — подхватила вся процессия.

Надя, которая шла вслед за хором, оглянулась. Многотысячная толпа протянулась по Воскресенской улице.

Пристав растерялся. Петь молитву «Святый боже» никакими законами не было запрещено. Но как студенты ее поют? Кощунственно поют!

Пристав пошел впереди процессии.

Зеленая фуражка дирижера фонариком мелькала над головами. Зеленые венки плыли в воздухе, словно знамена. Зеленый цвет — цвет надежды. В венки вплетены красные розы, герань. Красный цвет — символ борьбы рабочих, символ будущего.

Пешеходы, ломовые извозчики, пролетки сворачивали во дворы и переулки, чтобы дать дорогу процессии, которая двигалась словно река. На углу Кирочной пристав дал знак, чтобы процессия следовала за ним по Знаменской, но токарь Фунтиков, возглавлявший процессию, повернул направо — в сторону Литейного. Пристав остался один. Он понял, что не в силах помешать рабочим и студентам пройти по главным улицам Петербурга, и думал о том, что ему грозят большие неприятности.

Процессию возглавлял рабочий, токарь Балтийского завода Фунтиков, человек богатырского вида и роста, живое олицетворение силы и воли рабочего класса.

С Литейного проспекта процессия двинулась на Невский.

Хор, то разделяясь на два, то сливаясь вместе, поддержанный всей процессией, исполнял «Святый боже...».

Старый священник за всю свою сорокалетнюю службу в церкви провел много сотен заупокойных служб. Но никогда не пели эту молитву на похоронах. Ее исполняли на восьмой неделе после пасхи, и пели ее благостно, а здесь, прости господи, поют, как на гулянке.

На Невском проспекте, у дома обер-прокурора святейшего синода Победоносцева дирижер взмахнул фуражкой, и тысячеголосый хор с особой силой пропел «Святый боже». Энергично размахивая фуражкой, выставив вперед подбородок, на котором едва пробивалась светлая бородка, молодой дирижер сумел придать смиренной молитве боевой характер. Тенора и девичьи голоса выводили «Святый боже», басы вторили им. Все участники процессии поняли замысел студентов, поняли это и полицейские, но что поделаешь, когда поют самую что ни на есть святую молитву.

Молодые люди повернули венки к окнам обер-прокурора — составителя самых черных законов против науки, просвещения, всей передовой литературы, преследователя великого Толстого. Чья-то невидимая рука задернула тяжелые портьеры на зеркальных окнах.

Никогда Надя не переживала такого душевного подъема. Новое, счастливое чувство причастности к чему-то огромному охватило ее. Тысячи молодых, воодушевленных лиц... Рабочие во главе процессии... Незнакомая девушка крепко сжала Надину руку, ее лицо выражало те же чувства. Надя ответила на пожатие. Ей захотелось запеть «Интернационал». Может быть, она доживет до такого дня, когда по Невскому пройдут не депутации рабочих, вкрапленные в огромную толпу, а многотысячная пролетарская манифестация. И все будут петь «Интернационал», по-русски будут петь.

Шесть часов двигался людской поток до Волкова кладбища, с одного конца Петербурга на другой. Внутрь кладбища, на Литературные мостки, Надя не попала. Повернула обратно.

Подходила к дому, когда уже опускались на землю густые перламутровые сумерки. И очень обрадовалась, когда застала дома и мать и Бориса Андреевича. Перед профессором стояла большая чашка с крепким чаем.

— Ты, конечно, мамочка, волновалась, — сказала Надя, целуя мать. И без сил повалилась в кресло.

— Пока не пришел Борис Андреевич и не рассказал мне, что это были за похороны...

— Нет, это были не похороны, это было рождение чего-то нового, необычного, светлого. У меня нет ощущения, что я была на траурной церемонии. — Надя порывисто встала. — Во главе колонны шли рабочие. Их было не так уж много, человек сто, полтораста, но их участие придало энтузиазм, торжественную взволнованность!.. Если бы вы слышали, Борис Андреевич, как хор студентов в несколько сот человек пел «Святый боже...». А полиции не позволили даже дотронуться до гроба и венков...

— Я сам только что оттуда, — сказал Борис Андреевич. — У меня такое же ощущение: это

были не похороны, а рождение нового. Николай Васильевич заслужил, конечно...

— Да, его «Очерки русской жизни», — сказала Елизавета Васильевна, — не просто описание нравов и быта. Он так убедительно показал деспотизм и мракобесие Александра III. Шелгунов — революционный публицист. Недаром же его выслали из Петербурга.

Надя с радостным удивлением смотрела на мать. Елизавета Васильевна, оказывается, читала то, что приносила домой Надя.

— Мамочка, дорогая! — горячо обняла она мать.

Борис Андреевич не понял ее порыва. У матери же навернулись слезы на глазах. Да, она читала все, чем увлекалась Надя, желая понять интересы дочери и, может быть, помочь ей в чем-то, и, сама того не подозревая, она тоже включилась в поиск нового пути.

Борис Андреевич ходил по комнате.

— Да, Шелгунов, бесспорно, был бесстрашным обличителем. Его голос был не такой могучий, но чистый, честный и смелый.

— Похороны его были открытым вызовом властям, — задумчиво сказала Надя.

— У нас в России, — вздохнул Борис Андреевич, — только на похоронах и можно выразить общественный протест, все остальные «сборища» запрещены! По улице нельзя пронести даже погребальный венок. Я представляю, как перепуган сейчас царь. Теперь нужно ждать расправы — арестов, высылки, исключений из университета студентов, увольнения рабочих. Полиция, наверно, уже с ног сбилась, разыскивая зачинщиков, а зачинщик-то вот он — сам царь-батюшка и весь его растреклятый режим! — горячо закончил Борис Андреевич.

У АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ

Надя с Борисом Андреевичем шли по Литейному проспекту, блестевшему мокрыми квадратами торцов. Со стороны Невы дул порывистый ветер, кидал в лицо пригоршни дождевой воды, выворачивал зонтик, Надя с трудом его удерживала. Городовой, втянув голову в поднятый воротник, прохаживался по панели, прогонял нищих, стоявших почти на каждом углу и нырявших во дворы при виде полицейского.

— Расступись, идут путиловцы!

Борис Андреевич рассказывал Наде о Калмыковой, к которой они сейчас направлялись. Она была женой сенатора Калмыкова, года два назад овдовела, всю жизнь занимается делом народного просвещения. Никогда не любила светского образа жизни, усиленно занималась самообразованием, переписывается со Львом Толстым, который ее высоко ценит. Александра Михайловна написала книгу о древнегреческом философе Сократе, увлеченная его учением о воспитании. Работу свою она послала на отзыв Льву Николаевичу. Толстой с большим интересом отнесся к этой книге и даже взялся ее редактировать, из тринадцати глав девять переписал почти заново. Александра Михайловна отказалась поставить свою подпись, постеснялась быть соавтором великого писателя, а Толстой, которому, по его словам, не нужно было «авторского удовлетворения», тоже не подписал. «Сколько бы я ни переделывал, основа ваша...». Книга вышла в 1886 году в типографии И. Д. Сытина без указания автора.

— Читала я эту книгу! — воскликнула Надя. — Читала с удовольствием, хотя и не знала ее истории.

Калмыкову они застали на книжном складе, разбирающей новую партию книг. Она встретила Бориса Андреевича как старого, доброго знакомого. Цепким взглядом серых глаз окинула Надю, крепко, по-мужски пожала ей руку.

Надя с нескрываемым интересом стала осматривать полки с книгами.

— Барышня читает по-немецки? — спросила Калмыкова. — У вас есть какой-нибудь особый интерес?

— Да, — ответила Надя, — мне очень хотелось бы иметь книги Карла Маркса и работу Фридриха Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом».

— Ишь куда хватила! — повернулась к ней Калмыкова и еще раз окинула взглядом. Заметив, как румянец заливает щеки Нади, отметила про себя, что девушка застенчивая, замкнутая, но... настойчивая.

— Мой приемный сын Петруша тоже проявил интерес к этой книге. Но, прямо скажу, книжка философская, написана не для барышень, так что, если за модой гонитесь, читать Марксовы книги — разочаруетесь. Покажется скучно.

Надя вспыхнула еще больше. В ее глазах блеснул огонек обиды.

— Ну, ладно, ладно, не сердитесь на старуху, я попросту. Вот вам книга про этого самого Дюринга, из которого Энгельс сделал мокрое место. — Надя поняла, что Калмыкова читала эту работу. — Заплатите в кассу два рубля сорок копеек. Вы чем занимаетесь?

— Преподавала алгебру и геометрию в школе Поспеловой, веду группу гимназисток в гимназии Оболенской, даю частные уроки.

— Ну, и как у вас идет дело? Любите педагогическую работу?

— Очень!

Калмыкова села в кресло. Умные карие глаза Александры Михайловны, казалось, насквозь видели стоявшую перед ней девушку.

Надя полистала книгу. Экземпляр, который дали ей в кружке, пришлось вернуть Брусневу. Окончив Технологический институт, он уехал в Москву. Отсутствие сильного и умного организатора сразу ослабило кружок.

«Не проста, не проста», — раздумывала Калмыкова.

Она взяла со стола колокольчик, позвонила. Вскоре наверх влетела девушка.

— Принеси-ка нам чаю. Мне и профессору покрепче, а вот барышне — девичий чай, да захвати пирожных.

— Скажите, ради чего вы преподаете? Для заработка? — спросила Калмыкова.

— Да, — просто ответила Надя. — Ну, и люблю это дело.

— Жаль, жаль, — вздохнула Калмыкова.

Надя посмотрела на нее с недоумением.

— Я приглядываюсь к вам и думаю: хорошо бы вас затянуть в вечерне-воскресную школу для рабочих. Это на Шлиссельбургском тракте. Какие там люди! Каждый — алмаз чистой воды, только весь опутанный грязью, невежеством, не знающий себе цены. Я там преподаю, и, ей-богу, это мои самые благословенные часы.

Надя умоляюще посмотрела на Калмыкову. Преподавать в воскресной школе! Вот где она войдет в настоящий контакт с рабочими. Бруснев так и не дал ей рабочего кружка. «Интеллигентов, желающих заниматься с рабочими, у нас много, а рабочих кружков мало», — сказал он.

Калмыкова молчание девушки поняла посвоему.

— Что, боитесь рабочих? Народ, я вам прямо скажу, светским манерам не обученный, иной раз ввалится какой-нибудь пьяный да такое понесет, хоть святых выноси!

— Вы даже не представляете себе, Александра Михайловна, за какое счастье для себя я почитаю преподавание в такой школе. Поверьте мне, я справлюсь! — взволнованно сказала Надя.

«Верно, справится», — подумала Калмыкова.

Девушка принесла чай.

Александра Михайловна наколола щипчиками сахар, налила в блюдце чаю.

Надя ждала ответа.

Калмыкова поставила блюдце на стол, спросила Бориса Андреевича:

— Читали новую пиесу Льва Николаевича «Плоды просвещения»? Ну, как вам нравится?

— Я пиесы предпочитаю смотреть в театре, не люблю их читать.

— Зря, — отрезала Калмыкова. — А вы?

— Тоже не читала. Не успела, — призналась Надя.

И дала себе слово сегодня же разыскать и прочитать. Произведения Толстого она любила так же, как и Елизавета Васильевна, и никогда ничего не пропускала из вновь напечатанного. Эта пиеса была опубликована в прошлом году, когда Надя с матерью были в деревне.

— Очень злая, по-толстовски умная сатира на наш век, на наше безделье, барство... Спиритизм! Модно! А ведь мода на спиритизм — это знамение времени. Уйти от жизни, от ее сложностей и эдак, уютно устроившись в полутемной гостиной, держать пальцы на опрокинутом блюдечке и вызывать дух, скажем, Наполеона. Кто, Наполеон поможет нам одолеть голод? Сейчас в России сотни тысяч умирают от голода! Надо всю жизнь перевернуть, иначе русскому народу грозит вымирание.

Александра Михайловна в сердцах отодвинула от себя блюдце и встала.

Борис Андреевич и Надя тоже встали, понимая, что надо уходить. У Нади был холодок на душе.

— За вами, дорогой профессор, лекция по анатомии на наших курсах. Выбирайтесь, выбирайтесь из вашего Саргассова моря.

— Всегда к вашим услугам, дорогая Александра Михайловна, — ответил Борис Андреевич, целуя руку хозяйке.

Надя замерла. Разбередила Калмыкова ей душу своим предложением и... забыла.

— А вы, Надежда... Надежда...

— Константиновна, — подсказала Калмыковой Надя.

— А вы, Надежда Константиновна, если всерьез надумаете идти преподавателем в воскресную школу, поторопитесь подавать бумаги: аттестат зрелости, рекомендации от гимназии и из училища Поспеловой. Приходите утром 29 августа на Шлиссельбургский тракт. Смоленские воскресно-вечерние курсы.

— Это Варгунинская школа? — спросил Борис Андреевич.

— Да. Николай Александрович, скажу вам, человечище. Фабрикант, богач, ученый...

— Это, наверное, его брат — владелец бумажной фабрики в Угличе? — спросила Надя. — Мой отец работал там инспектором.

— Подумайте, как тесен мир! — воскликнула Александра Михайловна. — Я поговорю с Николаем Александровичем о вас, но все равно ему нужны две рекомендации. Это я устрою.

— Спасибо. Я вас, кажется, перебила. Извините.

— Что я хотела сказать? Да, о Варгунине. Он человек весьма просвещенный. Юрист по образованию. Защитил диссертацию на тему «О рабочих союзах Англии». На Шлиссельбургском тракте его знает каждый рабочий и каждый снимает перед ним шапку. Семь лет назад он открыл воскресную школу для взрослых. Это вторая такая школа в России. Первую создала госпожа Алчевская в Харькове. Варгунин дал для школы помещение, привлек отличных преподавателей, первого попавшегося он не берет. Несколько лет содержал школу на свои средства. Однако школа росла, нашлись пожертвователи, но все равно львиную долю расходов Варгунин берет на себя. Отличный человек! Отдает школе не только средства, но и свою душу. Работать у него интересно, хотя и трудно.

— Спасибо! Спасибо! — сердечно благодарила Надя.

— Ругать меня потом будете, — погрозила пальцем Калмыкова. — Преподавать там не сахар. И, кстати, вам надо познакомиться с моим Петрушей, Петром Струве. Он окончил университет и ходит сейчас в марксистах, ужасно важничает и внимательно изучает вот эту литературу, — кивнула она на книгу Энгельса. — Я эти книги не очень-то жалую. Для меня главное — народное просвещение. А Петруша — модник, модник.

— Я знакома с Петром Бернгардовичем Струве, — сказала Надя.

— А-а, понимаю, понимаю. И вы туда же! Думаете, изучите политэкономию и из своей головы в головы рабочих будете ее вталкивать? Ну, узнает рабочий, как образуется прибыль с капитала, ему-то от этого легче не станет. Обволакивает эта модничающая молодежь свои мозги знаниями, как чалмой, и ходят такие важные, а ведь рабочему надо показать, как из кабалы вырваться, вот он чего ждет.

— А вы, милейшая и глубокочтимая Александра Михайловна, вы-то знаете, как это сделать? — с горечью воскликнул Борис Андреевич.

— Если бы знала! Все в отдельности знаю: и как люди мучаются и как они жить хотят. А вот как к хорошей, справедливой, доброй жизни народ повести, не знаю. У Сократа ответ искала, даже книгу о нем написала... Да плохо написала... Лев Николаевич тоже увлекся Сократом, переделал мою книгу, вложил свое видение, свою философию. И главная его мысль — учиться жить, не мешая людям, делая им добро. Но вот как заставить фабрикантов быть добрыми — ума не приложу!

— Если бы знать... — сказал Борис Андреевич.

— А вас, батенька, я в покое не оставлю. Будете преподавать у нас анатомию. И то добро.

Надя и Борис Андреевич стали прощаться с хозяйкой.

Калмыкова задержала Надину руку в своей,

— Обязательно приходите в школу, Надежда Константиновна. Такие люди нам нужны.

Надя уходила с ощущением счастья.

— Удивительная женщина Александра Михайловна, — произнес Борис Андреевич. — Мертвого добудится. Богатая барыня, вдова сенатора. Не только Толстой правит ее книжки, но и она не боится ему сказать, какой конец должен быть в его рассказе, или дать ему совет относительно украинского фольклора. И Толстой ее слушает. Она вместе со всеми на паровой конке ездит в воскресную школу. Умеет с рабочими говорить на равных. А министр Делянов страсть как боится ее колючего языка. Замечательная женщина.

— Вы не представляете себе, Борис Андреевич, как я вам благодарна за это знакомство. Передо мной, кажется, распахнулась дверь в новый мир!

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Утро

Как будильник — круглое,
солнце! Как часы,
разбудило дерево
в капельках росы.
Улыбнулось дерево,
подсушив лицо,
и глядится в круглое
озерцо.
Хитрыми морщинами
зарябила гладь.
Улыбнулось озеро
и на небо—глядь!
А по небу облако
круглое плывет,
вымазано в солнышке,
будто солнце —
мед!

Костерок

Давай с тобой из палочек
построим
костерок.
Добавим щепок парочку,
а сбоку —
ветерок.
Пускай
огонь шатается,
щекочет
тишину.
Скорей бы ночь растаяла,
да кинуть
на блесну!
Река-тихоня вежливо
вздыхает
в камыше.
Вот и заря забрезжила,
как песенка
в душе...
Луна-бродяжка плавала
в клочках
редевшей мглы.
А костерок расплавился:
осталась
горсть золы.

Морские камушки

Перед самою зимою
мы пришли
на этот пляж.
Было холодно у моря,
был он
голым —
берег наш.
На песке мороз-умелец
вставил в лужицы
стекло.
А волна песочек мелет
и вздыхает тяжело.
Никого на пляже сонном...
Лишь маячит
вдалеке
неподвижная ворона,
словно точка на песке.
И тогда-то я
впервые
их увидел,
разглядел —
эти камушки морские,
что барахтались
в воде...
Как на дне большой
корзины,
в море,
в солнечной игре,
до чего ж они
красивы
не весной,
а в ноябре!
Летом пташки с мотыльками,
летом
много красоты.
А сейчас
и эти камни
так похожи на цветы...

Старинный замок

Мы стоим, глаза таращим.
И спросил один из нас:
— Этот замок настоящий,
или только так—для глаз?
Неужели в нем когда-то
жили рыцари? Чудно́...
Говорят, его солдаты
штурмовали, как в кино?..
— Штурмовали!— отвечает
старичок экскурсовод.—
Но давным-давно, вначале,
этак, лет тому пятьсот!
Как зубчатый древний ящер,
замер замок на века...
Пояском его блестящим
опоясала река.
Перед этим домом диким
зеленеет сосен медь...
И вообще вокруг так тихо,
что не хочется шуметь.

Радист

На пустынном островке,
в домике
подснежном,
у радиста
ключ в руке
прыгает потешно.
...Если вдруг
моряк раскис
в бурю штормовую,
передаст ему радист:
«Жду», мол, и «Целую»!
Если станет кораблю
туго или тошно,
передаст радист:
«Люблю»!
И кораблик
ожил!
...А к радисту
под окно
белые медведи
ходят дружно,
как
в кино
культпоходом— дети.
...Светит добрый огонек
смелого радиста.
И пурга—без всяких ног—
бегает со свистом!

Будущий геолог

У самого порога
манящая, дразня,
который год,
дорога
уходит от меня...
А я колю дровишки,
карасиков ловлю,
читаю деду книжки,
которые
люблю.
Хожу пешочком в школу
и бегаю в кино...
И все же я геолог!
Тут твердо решено.
Я подожду немного,
Все будет там,
потом...
И умная дорога
виляет мне хвостом.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Юрий КОВАЛЬ

РАССКАЗ

Рисунки И. УРМАНЧЕ

Гроза над

Был странный августовский туман. Он клубился оранжевым и так занавесил ручей, что трудно было разобрать, где же солнце. Но оно взошло и подсвечивало влажные валы тумана, а от ручья по низкому лугу тянулся запах таволги и хвоща.

Я шел берегом, надеясь поднять уток, но видел только сплетения тумана и метелки — языки приболотной травы. С каждым шагом сочно лопались под ногами ее стебли, мягко хлестали, обдавая росой, и скоро я стал мокр и облеплен созревшими семенами.

Не много я прошел, как дрогнула сеть тумана, обрушился на меня близкий выстрел, а за ним — шум поднимающихся с воды крякух.

— Тпрррyyyy...— закричал кто-то им вслед. Потом, видно, еще раз насупонил губы, как делают, останавливая лошадь, и снова: — Тпррруyy...

Уток я не мог увидеть, только слышал, как они сделали круг и утянули к лесу.

— Эй,— послышалось недалеко.— Эй, Николай...

— А-а...

— Чего убил?

— Ко-лен-ку-у-у...— тягуче сказал Николай.

В тумане ответ Николая показался особо глупым и безнадежным. Я присел на коряжку — спешить было некуда, уток перешумели. Было слышно, как медленно чопают впереди охотники. Они перекрикивались каждые две минуты, боялись, что ли, в тумане потеряться.

Скоро снова впереди лопнул выстрел.

— Эй, чего убил?

— Колен-ку-у-у...

— Тьфу ты,— плюнул я и низким голосом пустил вдоль ручья:— Э-э-э-э-эй...

картофельным полем

— А-а-а? — дружно отозвались Николай с приятелем.

— В трясину у-тя-нуууу...

— А-а?

— Уу-тя-нууу... у-тя-нуууу...— снова пригрозил я.

— Ты кто? — крикнул Николай.

Я ответил таким нелепым голосом, какого и сам от себя никогда не слышал:

— Леший я! Лэ-э-э-ший...

Тут прозвенело что-то. Овалы тумана зашевелились, задрожали, и солнце разом развалило их.

Вспыхнул ручей. Стало видно, как он стелется по низкому лугу в глубину леса. Нигде не было охотников — вдали стояли стога, нахлобученные на обкошенные пригорки. От них лился запах свежего сена...

Ясны обычно и солнечны августовские дни. Этот день был особый. То вдруг пригонял ветер облака, становилось темновато, но облака быстро раскисали в воздухе. При светлом небе громыхало неподалеку, и находил на лес пасмурный свет, только какая-нибудь сосна вспыхивала под одиноким лучом.

Когда солнце пошло к закату, я бросил пустую охоту, набрал маслят и на краю сосняка у картофельного поля поставил палатку. Надо было костер палить — грибы варить.

Над полем собиралась грозовая туча, да как-то все не решалась плотно обхватить небо и колебалась над закатом.

— Дочк, Дочк, Дочк...—послышалось с поля. По меже шел парнишка в ковбойке и покрикивал.

— Телку потерял?

— Овцу,— сказал он, подойдя.

— Ты из Шишкина?

— Нет, с Екатериновки. Генка я, дяди-Пашин. Дом-то у нас под красной крышей.

Я знал дядю Пашу—перевозчика из Екатериновки. Он не раз перевозил меня через речку, и мы всегда толковали с ним о погоде.

— Ну, садись, суп с маслятами пробуй.

— Искать надо... Дочк, Дочк, Дочк...

Генка был невелик, лет двенадцати. Он пошел дальше по опушке, покрикивая свое.

За краем неба начался глухой скрежет. Он все нарастал, нарастал, превращаясь в отчетливые удары грома. Неожиданный луч пал на картофельное поле, зажег ботву зеленым светом, и быстро земля всосала его.

Я залез в палатку и прихлебывал понемногу суп. Было слышно, как тяжело повертывались в небе огромные жернова, но выбить искру им еще не удавалось, они еще не разгулялись и только притирались друг к другу.

— Ссссссссссссссссссссс...— услышал я и подумал, что это мелкий дождик шелестит. Высунулся из палатки узнать — было темно и сухо, и ни капли не упало на руки, на лоб.

— Дядень...— крикнул издали Генка.

— Эй!

— Гроза собирается.

— Лезь в палатку,— сказал я.— Пересидим...

Генка залез в палатку, и я сунул ему ложку.

— Только от стола,— сказал он, но ложку взял, и мы стали есть суп, прихлебывая по очереди.

— Ну как супок? — спросил было я, но тут возникла ослепительная искра, просветила каждый шов палатки, и так грохнуло, что зазвенело в затылке, а Генка охватил меня руками, железными от страха.

Снова все стихло, и даже жернова перестали в небе переворачивать друг друга.

— Во долбануло,— сказал Генка.

Я хлебнул супа, и показалось, будто вкус его после удара молнии изменился.

— Сссссссссссссссссссссссс...— снова начался непонятный звук, вначале как шелест капель, потом набрал скорость и потянулся над головой томительной длинной пулей.

— Что это, а?

И со звоном ударило по крыше палатки — она туго загудела — брезентовый колокол. Я высунулся наружу, и на голову мне обрушился поток воды, пригнул голову к земле, в глазах возник корень огненного дерева. Страшный удар лопнул над нами и полетел окрест, выворачивая наизнанку картофельную ботву.

И снова молния — пляшущая береза — вонзилась в поле. А земля ухватила ее с таким звуком, как будто болотная трясина выпавший нож. Задергалась, затряслась другая молния, ища место, в которое ударить, и — пропала. И, бешено чередуясь, возник будто бы лес ослепительных корней...

— Дядень, дядень...

...но только корни эти не высасывали из земли соков, а сами вбивали в нее свою белую голубую кровь.

— Дяденька... овцы-то не видать?

Я втянул голову в палатку, как втягивается черепаха в панцирь. Генка прижался ко мне покрепче, зажмурился, и я плотно закрыл глаза, но все равно рассекал их свет молний, проникал в голову.

Ливень заливал, и брезент не гудел уже, палатка обмякла, стала вялой и прозрачной, не плотнее блина.

— Глянь, дядь, не видно овцы-то?

Я снова высунулся наружу, и в свете молний увидел, как мечется по краю поля лохматое призрачное пятно. Это была овца. При каждом ударе грома она выпрыгивала из травы, как собака.

— Дочк, Дочк, Дочк!—закричал Генка и выскочил из палатки, побежал через поле. Птичьей клеткой вспыхнула перед глазами его ковбойка, и Генка плеснул руками в сполохе света.

Я вылез из палатки и побежал следом за ним.

Ливень навалился на плечи, хотел расплющить, растворить, вогнать в землю. Щербатым гребнем, частоколом стояли вокруг молнии—сочные, разветвленные, как вилы. Гром бил, и небо вскидывалось в пене...

— Обходи! Обходи ее... обходи!

Зачарованная вспышками овца прыгала на одном месте, будто дожидалась, когда же влепит прямо в нее. Между молниями вдруг слышалось:

— Е-е-е-е-е-е-е...

Я бежал и тоже подпрыгивал —Дочк, Дочк, Дочк!—давил картофельную ботву. Она лопалась, хрустела, вскрикивала под ногами, подкидывала вверх, под молнию. Я ждал, как молния настигнет меня, ударит в затылок и — в землю. Я чувствовал эту пустую точку на затылке. Вот упаду, расколюсь со звоном, как бутылка, разбитая дробью.

Генка бежал шагах от меня в десяти. Голова его за картофельными кустами вдруг загоралась серебряной кочережкой.

— Заходи!.. Заходи!

— Уах! — влип в поле дрожащий гвоздь — белая молния. Выбрызнула из земли недозревшая картошка. Овца, подпрыгнув, повисла над черной ботвой.

Я кинулся на нее, выставив руки, и она снова прыгнула — шальной невиданный зверь, вроде единорога.

Я схватил ее за шею, и тут же ослепительный огонь вывернул глаза, растянул их до ушей. Вскипел воздух, и голова моя закружилась над картофельным полем, плавно и мягко светясь...

— Башку ей прикройте, дядь! — кричал поспевший Генка и лупил овцу по чем попало.

Оттянув с живота свитер — Дочк, Дочк, Дочк!—я подсунул под него овечью голову, пятясь потянул ее к палатке — вот наткнусь спиной на столб молнии, стоящий в земле. И медленная молния, плавная, как масляная струя, потекла, подрагивая, прямо по щеке и, сухо расколовшись, угасла.

Мы затянули овцу в палатку. Шерсть на ней слиплась, припала к ребрам — овца казалась ягненком.

— Сссссссссссссссссссссссс...— снова послышалось над головой. Вспыхнула молния— и я увидел, как бьется в углу палатки прозрачными крыльями изогнутая коромыслом синяя стрекоза...

Скоро гроза вколотилась в землю, смягчила резкие удары ливнем, иссякла. Молниеносные тучи ушли. Иногда только раскидывался на небе сполох — небо передергивалось и темнело.

— Пойдем к нам, дядь,— сказал Генка.— Обсохнешь хоть.

— Да ладно... У костра обсохну. Палатку собирать неохота.

Я взял ружье и, посвечивая фонарем, пошел проводить Генку да заодно поискать в сосенках сучков, пригодных для костра. Луч фонарика освещал пучки сосновых иголок. От ударов ливня они повернулись остриями к земле.

— Эй...— донеслось откуда-то.

Мы остановились, прислушиваясь, и даже Дочка, Генкина овца, замерла на тропинке.

— Эй, кто там с фонариком? — снова донеслось с другой стороны картофельного поля.

Мы постояли немного, помолчали и снова пошли потихоньку краем поля. Рыхлой была земля под полегшей травой, и слышно было, как жадно, взахлеб, булькая, журча, подавливаясь, всасывает она воду. Лужи разлились под ногами. Глинистая тропинка была скользкая рыба налим.

— Эй, с фонариком...

— Эй,— ответил я.

— Помогите...

Голос тревожно оборвался, заглох в сыром воздухе.

— Дядь,— сказал Генка,— мне домой надо. А то поздно. Отец будет ругать.

— Давай,— ответил я.— Будь здоров. А я схожу узнаю, чего он там орет.

Я включил фонарик и пошел по меже, прямо через поле. Генка остался было на тропинке, но потом, обругавши для чего-то овцу, потянул ее за собой, догоняя меня.

— Узнаю, хоть чего он там орет,— сказал Генка, и мы побежали через картофельное поле. За мутью, проплывающей быстро по небу, то взмахивала, то застывала небольшая луна — плавно, как стеклянный поплавок от рыбацких сетей в волнах.

Плод на невидимом стебле — покачивалась луна в дрожащей пелене.

На бегу я светил фонариком и перед нами прыгало круглое электрическое пятно, выхватывающее черные султаны картофеля и соцветия его, сочные после дождя, как сирень. Овца то путалась где-то сзади, то, как гончая, выскакивала вперед и спотыкалась, дико оглядываясь.

В электрическом пятне, над волнами картошки я увидел темную фигуру. Человек, очень длинный, жердеобразный, кланялся земле и кричал, размахивая руками:

— Эй, с фонариком, беги шибче...

Он горстями захватывал землю и скидывал ее в одно место, насыпал земляной холмик. Неприятной, чем-то опасной показалась мне эта фигура, не хотелось к нему подходить, да и Генка тормозил меня за рукав.

— Ты кто будешь? — спросил я, остановившись шагах в пяти.

— Да Грошев я с Большой Волги! — закричал он, как будто я всех должен знать на Большой Волге. — Охотимся мы здесь.

— А зачем звал-то?

— Молния друга зашибла! Помогай! Заваливай!

— Погоди, — не понял я. — Молния? А где ж друг-то?

— Дак вот он, — сказал Грошев и ткнул под ноги, наклонился, ухватил земли в пригоршни.

Ливень навалился на плечи. Щербатым гребнем, частоколом стояли молнии — сочные, разветвленные, как вилы.

Землею он покрывал человека. Торчала наружу из холмика голова, и ясней лица видны были круглые картофелины, вырытые из земли. Страшным, обугленным показалось мне это лицо, и я не решался направить на него фонарик.

— Насмерть?

— Да не знаю я! — испуганно закричал Грошев. — Как молния лопнула — зашипел и лежит, а я-то в сторонке был, у сосенок.

— Что ж ты его хоронишь? Может, он жив?

— Так полагается. Полагается землей засыпать. Посвечи-ка.

Он нагнулся, и захлюпала земля под его руками, чмокнуло что-то в ботве.

— Это верно, дядь, — зашептал Генка. — Земля молнию из человека обратно высасывает.

— Засыпай, засыпай скорее, что стоишь!

Я скинул куртку, бросил ружье, ковырнул ладонями землю. Взрыхленная ливнем, она легко расступалась под руками, выламывалась жирными, тяжелыми комьями. Генка захлестнул овечью веревку петлей на руке и быстро-быстро стал выгребать землю из-под кустов картошки.

— Коля, вставай! Коля! — бормотал Грошев, обращаясь, как видно, к человеку, лежащему в земле.

Мгновенно прошиб пот. Я не видел в темноте, куда бросаю землю, и не разбирал, где земля, где картошка. Генка прерывисто дышал рядом, и подпрыгивала овца на соседней меже.

Горстями, комьями безостановочно кидали мы землю.

— Давай, давай, — подгонял Грошев и тут же сбивчиво начинал объяснять, как было дело:—Кругом блестело, кругом. Ну, гроза! А я-то в сторону глядел. Вдруг смотрю — лежит... Куда она ударила? В голову или нет?

— Земля молнию высосет, — шептал Генка и вдруг покрикивал: — Дочк, Дочк...

— Е-е-е-е-е... — отвечала Дочка и дергала веревку, рвалась домой.

— Хватит, — сказал я. — Толку нет. Так мы его землей задушим.

Со стороны я осветил фонариком лицо лежащего. Оно было черно, неподвижно. И глаза были закрыты. Надбровные дуги, вобрав свет, казались особо выпуклыми. От сполохов мертво, свинцом блестела вокруг картофельная ботва.

— Надо сердце послушать.

— Какое сердце! — раздраженно закричал Грошев. — Пускай ток в землю уйдет.

— Видишь, не уходит.

— Что ж делать! Что ж делать! В деревню что ль, бечь! Сынок, беги в деревню, зови врача! Куда я дену-то его, если не встанет?!

Я наклонился и стал разгребать грязь с груди лежащего — Николай звали его.

Засветилась медная военная пуговица. Так холодно показалось прижимать к ней ухо, безнадежно — слушать под ней, как слушать отпиленную чурку. Я прислонил ухо, но не услышал ничего: ни боя, ни толчка,— всхлипывала, пищала дождевая вода, пропитывая землю.

— Ну что там? Бьется или нет?

— Земля мешает, надо разгрести!

— Не разгребай! — закричал Грошев и толкнул меня. — Ток в землю уйдет!

— Дядь, дядь,—чуть не закричал Генка.— Ведь он одетый! Одежда не пускает ток!

— Фу, черт... Разгребай, разгребай скорее... Надо раздеть...

Я схватился за пуговицу, рванул... где нож?

— Как же я забыл, — стонал Грошев, — Раздеть надо... Где нож? Режь, разрезай китель.

— Ген, погоди... посвети. Да нет, сюда свети!

Намокшая одежда выскальзывала из рук, растягивалась, как резина, коробилась, как жесть.

— Оставь сапоги... Сюда свети...

Мы разорвали, разрезали одежду, узлом сложили под голову Николая и снова стали закидывать его землей.

Сейчас, сейчас, еще немного, и все будет в порядке, земля высосет молнию, выпьет, вберет в себя вместе с дождевою водой.

— Высосет... высосет...

На миг замерли мы, отряхивая от земли руки.

— Не отходит...

— Железо... надо железо...

— Дядь, он шевелится!..

— Надо железо приложить!

— Какое железо! Засыпать полагается...

— Дядь, дядь, ружье, оно железное.

Я поднял ружье, грязное и мокрое, разрядил. В замках его влажно заскрипела земля. Положил стволами на грудь Николая и стал водить по груди, по лицу. Нет, поздно уже, все это чепуха, никому все это не нужно.

— Хорошо, хорошо, сейчас оживет, — говорил Генка. — Оживает, оживает.

— Надо больше земли, — твердил Грошев и снова принялся копать под кустами. — Засыпать полагается — ток в землю уйдет!

Он покидал еще немного землю и опустил, наконец, руки.

— Поздно, — снова сказал он. — Беги, сынок, в деревню. Зови мужиков.

— Води, дядь, води, он оживет, вот увидите...

— Беги, Ген, в деревню.

— Да нет, дядь, еще не поздно. Води ружьем...

Голос Генкин дрожал, он хватал меня за локоть, подталкивал, торопил. Видно, в голове его не укладывалось то, что в моей уже уложилось. Я бросил ружье.

— Дядь, дядь, надо что-то придумать. Придумай, дядь. Ну, скорее

— Надо искусственное дыхание, -- сказал я.

— Какое дыхание! -- раздраженно вдруг крикнул Грошев. -- Засыпать полагается! Ток в землю уйдет! -- И сник вдруг. — Ну, ладно. Делай, делай дыхание...

— Да я не знаю, как его делать.

Нет, я не знал, что делать. Мелькали в голове какие-то неясные мысли, но не было в них ни толка, ни порядка. Хотелось просто схватить лежащего за плечи и закричать: вставай!

— Руками же надо разводить, — умоляюще сказал Генка.

Ткнув руку под затылок, я приподнял с земли голову Николая, а другой рукой надавил на грудь, отпустил, еще надавил, отпустил. Генка схватил его руку и принялся быстро раскачивать ее к груди и обратно, и Грошев подхватил другую.

— Сейчас оживет, — убеждал Генка. — Еще, еще...

— Раз-два... — стал приговаривать я.

— Раз-два... Раз-два,—поддержал Генка.-- Дыши, дыши...

Мы сами дышали сильно и шумно, как будто хотели увлечь, заразить своим дыханием человека, лежащего на земле. Сколько же времени прошло, как кончилась гроза?

— Вставай, дядь, вставай... Раз-два. Раз-два...— приговаривал Генка и не давал нам остановиться.

Наконец, Грошев отпустил руку Николая, снял шляпу.

— Что я бабе его скажу?

— Тише, тише... Он дышит!

В голосе Генки прозвучала такая уверенность, что мы замерли, затаили дыхание, а он склонился, прислушиваясь, к самым губам Николая.

Где-то далеко на шоссейной дороге за рекой заворчал автомобильный мотор. Шумно вздохнула овца. Последние, особенно тяжелые капли падали на землю с листьев картошки.

— Надо снова железо, — сказал Генка. — Теперь поможет.

— Да ведь прикладывали.

— Теперь-то другое дело,—возразил он и замолк, не зная, как подтвердить свои слова.

Генка дрожал, наверно, от холода, и я обнял его за плечи. Мы с ним были уже вроде родственники — вместе прятались от грозы, ловили овцу.

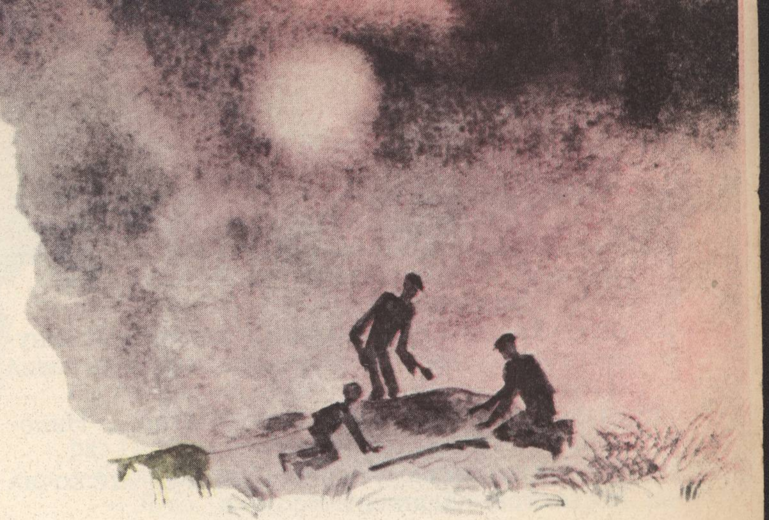
— Придумай что-нибудь, — зашептал Генка. — Придумай, дядь. Он оживет.

— Можно воздух вдуть, — нерешительно сказал я.

— Вдувай! Вдувай! — сразу обрадовался Генка. — В нас воздух живой. Он войдет в него и оживит.

— Да уж поздно.

— Вдувай, дядь, — просил Генка, обнимая мою руку, гладил рукав, как будто я был

— Коля, вставай! Коля! — бормотал Грошев, обращаясь к человеку, лежащему в земле.

человеком, способным вдуть живой воздух. Грошев настороженно слушал нас. Измученная овца легла на землю.

— Ну, посвети.

Я отдал фонарь и наклонился над человеком, пластом лежащим на земле. Огромной картофелиной казалось в свете фонаря его лицо. Ладонями я сжал его щеки, вздохнул глубоко, собираясь нырнуть, и — не решился.

И тут же за спиной шумно вздохнул Генка, поддерживая меня. Медленно приблизил я губы ко рту Николая и с силой выдохнул весь воздух, нажал локтями на грудь.

Гак — вылетел вдутый мной воздух и рассыпался, как пыль.

Николай дрогнул, повел рукой под землей. Приоткрылись его глаза, хрипнуло в горле:

— Чтой-то?

Час прошел или больше, как кончилась гроза?

У палатки горел уже костер. Дым от него шел влажный, утяжеленный, особенно горький. Он уплывал к полю, смешивался с ночным туманом.

Николай лежал в палатке, накрывшись мокрыми плащами. Он высунул к костру заляпанное землей лицо, тяжко дышал, закашливался дымом.

Грошев снял брюки и размахивал ими над огнем.

Генка сидел у костра, обхвативши за шею овцу, которая бессмысленно пялилась в огонь.

— Я прямо не верил, что все обойдется,— весело сказал Генка.

Он восхищенно глядел на Николая, не мог отвести глаза, будто боялся, как бы снова чего не случилось.

— И папиросы-то намокли,—хрипло сказал Николай, ни к кому не обращаясь.

— А мы их посушим!— обрадовался Генка.

Николай вяло махнул рукой: дескать, ладно, суши.

Я снял мокрую куртку и стал помахивать ею над костром. Под взмахами загудели сучья, располыхались. Лопались и скрючивались в жару сосновые иголки.

— Сбоку молния ударила или как?— спросил я Николая.

— Прям под ноги.

— Тогда б ты не встал. Она тебя тряхнула только и об землю бросила,—возразил Грошев.

— Говорю я, под ноги,— повторил Николай.

— Ух, жара,—сказал Грошев, отскочил от костра,—Ташкент.

— Это еще не Ташкент,—ответил Генка, протягивая к огню руки. —Сейчас-сейчас, разгорятся...

— Генка-а-а!— послышалось недалеко. — Гена-а-а-а!

— Батя!—испуганно вскочил Генка.— Батя меня ищет!

Он дернул овцу за веревку и побежал в темноту, сразу позабывши нас.

— Иду-у-у!— закричал он.

— Идешь?—слышался сердитый голос.— Ты куда провалился, а?

Я узнал по голосу перевозчика дядю Пашу и крикнул:

— Эй, дядя Паша! Иди к огню!

— Тебя мамка ждет или не ждет?—кричал дядя Паша, не обращая на меня внимания.—Ты где был, а?

В голосе его звучала такая гроза, что я схватил фонарь и поспешил за Генкой.

— Мамка кричит, что тебя молния убила! Ты думаешь об ней или нет?

— Бать, бать,—толковал в темноте Генка.—Я думаю... Правда, думаю...

— Эй, дядя Паша, да погоди ты!—сказал я, догнавши их на тропинке.

— Тебя мамка ждет или нет?—кричал дядя Паша.—А ты костер жгешь! Я те дам костра!

Тут дядя Паша действительно дал костра и добавил овечьей веревкой. Генка сразу, не сходя с места, заревел басом.

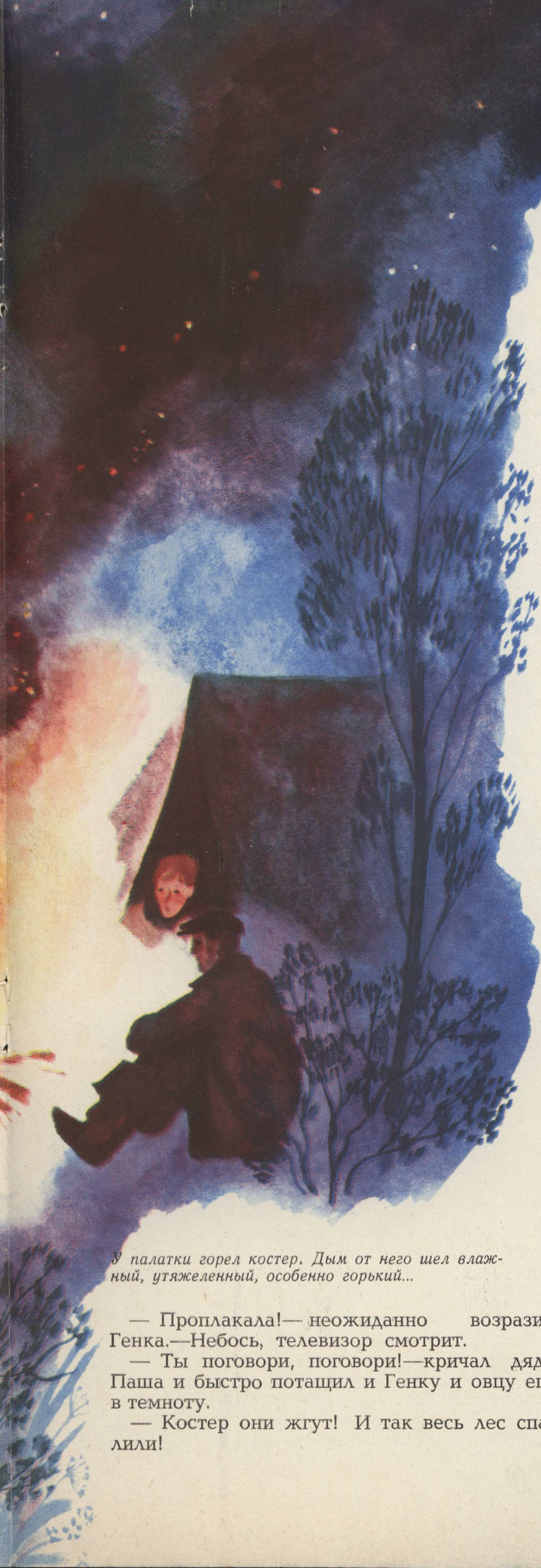
— Да погоди ты!—закричал я, ослепляя дядю Пашу фонарем.—Генка не виноват. Тут человека молнией зашибло, а он помогал!

— Чего?—кричал дядя Паша, не признавая меня.—Тебя не спрашивают! Если тебя не ждут, так ты жги костер, а парня не приваживай!

— Да тут несчастье случилось!

— А ну пошли домой! Тебе мамка даст! Все глаза проплакала!

У палатки горел костер. Дым от него шел влажный, утяжеленный, особенно горький...

— Проплакала!— неожиданно возразил Генка.—Небось, телевизор смотрит.

— Ты поговори, поговори!—кричал дядя Паша и быстро потащил и Генку и овцу его в темноту.

— Костер они жгут! И так весь лес спалили!

Я остался на месте и долго еще слышал, как дядя Паша ругал сына.

— Тебя мамка ждет или нет?

Почему-то он особенно напирал на то, что Генку ждала именно мамка, а он вроде бы и не ждал.

— Бать, бать,—послышался в последний раз Генкин голос и затих.

Грошев все махал брюками над костром.

— Я-то в сторону глядел,—объяснял он Николаю.—Потом смотрю—тебя нет. А ты в картошке лежишь!

— Пыхнула только,—ответил Николай.— А дальше—не помню.

Грошев махнул брюками—с костра взлетел пепел, закружились его хлопья, словно моль, серые мотыльки. Сосновые искры потянулись в небо, остановились высоко над костром.

— Дома,—сказал Грошев,—я б сейчас телевизор включил. Семечек насыплю в блюдо и весь вечер сижу.

Он махал брюками и отскакивал от костра, когда искра попадала на голые колени.

— Ну гроза была! Только пыхнула—тебя нет! А ты в картошке лежишь.

— Прям под ноги ударила,—добавил Николай.

— Я давай тебя засыпать. Сыплю, сыплю, а ты не отходишь. Тут этот прибежал с фонариком. Искусственное дыхание, говорит, надо. Ты не врач, а?

— Китель бы мне зашить,—сказал Николай.

Я залез в палатку, устроился рядом с ним, подложил под голову рюкзак.

Грошев перестал махать брюками, надел их, присел на корточки у костра.

— Ну и денек сегодня был,—сказал он.— Ну и денек. И ведь утром все началось. Кудлатый какой-то выскочил из тумана! Прямо на меня! Руками машет и кричит: «Леший я, леший!» Морда страшная!

— Да,—вспомнил Николай.—Верно. Утром все началось.

— Что ж,—спросил я,—и ты, Николай, видел лешего?

— Видать-то не видел. Слышал только, как он рычит.

— А я видел,—зашептал Грошев и оглянулся тревожно на темный за спиною лес.— Кудлатый, белый. Прямо на меня выскочил. Я хотел врезать ему с правого ствола—осечка! С левого — опять осечка!

Николай, засыпая, дергался, будто колола его под локти и под колени электрическая искра. Жар костра доходил до палатки, горячил лицо.

— Леший!—все вспоминал Грошев, глядя в огонь.—Да что же это такое, а?

— Так,—ответил я, уже задремывая.— Так, наверное, явление природы.

Есть у югославских пионеров журнал «Змай» — в этом году ему исполнилось двадцать лет. Есть в этом журнале «Страничка дяди Йована», где, как и в нашем «Кораблике», печатаются стихи и рассказы ребят.

И эта страничка и весь журнал названы в честь одного человека — великого сербского поэта ЙОВАНА ЙОВАНОВИЧА-ЗМАЯ.

Более ста лет тому назад молодой поэт Йован Йованович стал издавать журнал «Змай». Это был смелый и боевой журнал. В первом же его номере прозвучали такие слова: «Покуда бурьян и крапива не выполоты, нельзя сеять доброе семя; покуда не уничтожен рабский дух, не может быть свободы; покуда трусы не осмеяны, не могут богатыри встать в полный рост; покуда дремотное болото не всколыхнуть, нельзя пробудить народ».

Стихи Йована Йовановича сделали журнал таким популярным в стране, что и сам поэт вскоре стал известен в народе под именем Змай.

Йован Йованович-Змай был настоящим народным поэтом. Многие его стихи стали песнями — их поют, не зная имени автора. И кажется, будто они существовали всегда.

Змай — один из самых любимых поэтов Югославии. Его стихи переводят и читают во многих странах. Он и сам переводил на сербский язык Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Добролюбова, Гёте.

Йован Йованович-Змай — первый югославский поэт, который не только писал стихи для детей, но и издавал для них журнал. Стихи Змая, печатавшиеся в этом журнале, и по сей день читают и любят дети Югославии.

Каждый год третьего июня в городе Сремска Каменица собираются детские писатели Югославии и их читатели на праздник детской поэзии, посвященный Йовану Йовановичу-Змаю. В этот день за лучшую книгу года присуждается премия имени Змая.

Л. ЯХНИН

* * *

Ты хочешь знать, дитя,
Откуда песни эти?
Ты просишь, чтобы я
Тебе, мой друг, ответил,
Зачем я отдаю
Строкам стихотворенья
Дни жизни, мысль мою,
Мгновенья вдохновенья?
Я радость и беду
В груди своей лелею.
Как яблоки в саду,
На сердце песни зреют.
И если ночь зажжет
Звезду на небосклоне,
Я знаю — день придет,
Уста улыбка тронет.
И вот,
Как зрелый плод,
Нежданно упадет
Строка в твои ладони.
Ты хочешь знать, мой друг,
Откуда эти песни?
Они идут от сердца.
Бери. В груди им тесно.

Яблоко

Смотреть на это яблоко,
Над головой висящее, —
Мученье настоящее!
Оно на тонкой ветке
Качается слегка,
И листиков касаются
Румяные бока.
Неслышно тень прозрачная
По яблоку скользит...
Оно такое сочное
И сладкое на вид.
И солнце протянуло
Свои лучи к нему,
А мне не дотянуться
До ветки самому.
Оно такое крепкое,
И кожица блестящая...
Смотреть на это яблоко —
Мученье настоящее!

Чудесное село

В одно прекрасное село
Хочу я вас позвать.
Тому немало повезло,
Кто смог там побывать.
На все село лежит ковер.
Цветами он увит.
И каждый дом и каждый двор
Зеленой крышей крыт.
Там нет заборов и дверей,
Открыты окна в сад.
Там встретят песнями гостей,
На славу угостят.
Кому бывать там повезло,
Тот повидал чудес!..
А необычное село
Зовут зеленый лес.

В полночь

За низкие крыши
Солнце зашло.
Ночь наступила.
Уснуло село.
Луна выплывает,
И вместе с луной
Брожу я по улицам,
Сторож ночной.
Тряхну я в руке
Деревянное било,
Брякну погромче:
Полночь пробило.
В своем фонаре
Я фитиль запалю
И тихую песню
Под нос запою.
Я сон охраняю,
Село сторожу.
Все шорохи слышу
И в оба гляжу.
Не сплю по ночам
Я один на селе.
Я сторож, и цену
Я знаю себе.
Мне платят, конечно,
Но плата не в счет.
Мне важно другое —
Любовь и почет.
Село обхожу я,
Сторож ночной,
И пес мой по улицам
Ходит со мной.

* * *

Что мне все богатства —
Серебро и злато?
Россыпями песен
Жизнь моя богата.
О своем богатстве
Помню дни и ночи.
Жемчуг слов я нижу
В ожерелья строчек.
Девушке на шею
И в ладошки детям
Все, чем я владею,
Отдаю — владейте!
Раздарю я щедро
И без сожаленья
Все мои владенья —
Все стихотворенья.
Счастлив я и знаю:
Жизнь моя богата,
Хоть и не имел я
Серебра и злата.

Сказочка

Маленький мальчик
В маленькой лодке
В маленьком море плывет.
Маленький ветер
По маленьким волнам
Лодочку гонит вперед.
К маленькой пристани
В маленький город
Мальчик приплыл наконец.
Маленький парус
Спущен на мачте,
И маленькой сказке конец.

Перевел с сербскохорватского Л. ЯХНИН.
Рисунок И. КРАСУЛИНА.

Анатолий Георгиевич любит встречаться со своими читателями, и встречи эти всегда проходят живо и интересно.

Действующие лица и исполнители

Помнишь повесть Анатолия Алексина «Оля пишет Коле, Коля пишет Оле»? Помнишь Колю Незлобина, Кольку Сыча, Кольку Свистуна, как прозвали его ребята, угрюмого, замкнутого, любившего разговаривать только с птицами? Какое же чудо произошло с ним, почему из Кольки Сыча, Кольки Свистуна он превратился в Кольку-друга, умеющего приносить людям добро, поверил в себя и даже в девчонок, хотя раньше называл их «предательницами»? Да потому, что одна из них, Оля Воронец, стала переписываться с Колей, узнала его ближе. И он сам поверил людям. «Через четыре месяца,—пишет ей Коля,— снова начнется лето. И... в пионерском лагере возле старого дуба нам с тобой не поручат больше переписываться. Но мы, может быть, все равно будем, а? И в будущем году, и через шесть лет, и через десять?»

Оля вошла в жизнь мальчика, потому что в тяжелое для него время она горячо и решительно вмешалась в его судьбу.

...Сколько раз, проходя мимо театральной афиши, ты почти механически читал: «ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И ИСПОЛНИТЕЛИ». Но эти привычные слова, став названием повести Анатолия Алексина, вдруг ожили, засверкали, и в них высветился какой-то второй, неожиданный смысл. Так бывает, когда смотришь пристально в реку и вдруг начинаешь видеть то, что происходит в самой глубине ее. Постепенно входя в повесть, ты начинаешь понимать, что она не только о театре, но и о жизни, о том, кем быть в ней — «действующим лицом» или «исполнителем». Оля Воронец и Коля Незлобин — они, конечно, «действующие лица», и жить будут смело, красиво, оставят после себя добрый след.

С каким нетерпением думалось когда-то: «Поскорее бы вырасти! Казалось, детство— только подготовка к чему-то самому главному, а самое главное начнется потом. Но перелистаем томик стихов Маршака...:

Существовала некогда
пословица,
Что дети не живут,
а жить готовятся.
Но вряд ли в жизни
пригодится тот,
Кто, жить готовясь,
в детстве не живет.

О настоящей, полной жизни детства, в которой дети самостоятельно принимают трудные решения,—вот о чем все книги Анатолия Алексина.

Открой книгу «Говорит седьмой этаж», или «В Стране Вечных Каникул», или «Необычайные похождения Севы Котлова», и ты попадешь в радостный, смеющийся мир шутки, игры, удивительных приключений. Он захватит, закружит... Но ты вдруг остановишься и подумаешь: «А ведь все это о серьезном: о том, как, оказывается, скучно жить в Стране Вечных Каникул, ничего не делать; о том, что открыл для себя Сева Котлов: «Считаться совершеннолетним человеком — это, в общем, не такое уж простое дело. Да, совсем не простое!»

Замечал ли ты когда-нибудь, что иногда писатель шутит и сам словно бы громко смеется вместе с тобой? А иногда, тоже желая рассмешить, он говорит серьезным и даже печальным голосом, но ты все равно весело смеешься...:

Умереть, умереть,
умереть!
Мне во прах
Превратиться не жалко,
Чтоб уже никогда не
смотреть,
Как с другим ты идешь
в раздевалку.

Это строки из поэмы мальчика, которому очень нравится изображать из себя страдальца и которого в школе шутливо зовут Покойником. Но разве не смешно говорить о смерти только потому, что знакомая девочка идет с другим в раздевалку («Очень страшная история»)?

Одноклассница Покойника Наташа Кулагина говорит: «Возьмем пап и мам на себя... Дети должны отвечать за родителей». Ну как не засмеяться: ребята привыкли к обратному. Может быть, вся эта фраза — просто веселая шутка? Но вглядись повнимательнее в такие повести, как «А тем временем где-то...», «Поздний ребенок» или новое произведение Анатолия Алексина «Вчера и позавчера», и ты окажешься в самой гуще событий, встретишься со «знакомыми незнакомцами», своими ровесниками Сережей Емельяновым, Ленькой, с девочкой Женькой, с Мишей Кутусовым. Они как бы сами расскажут о себе, и тогда в словах Наташи Кулагиной ты увидишь уже не шутку, но правду жизни.

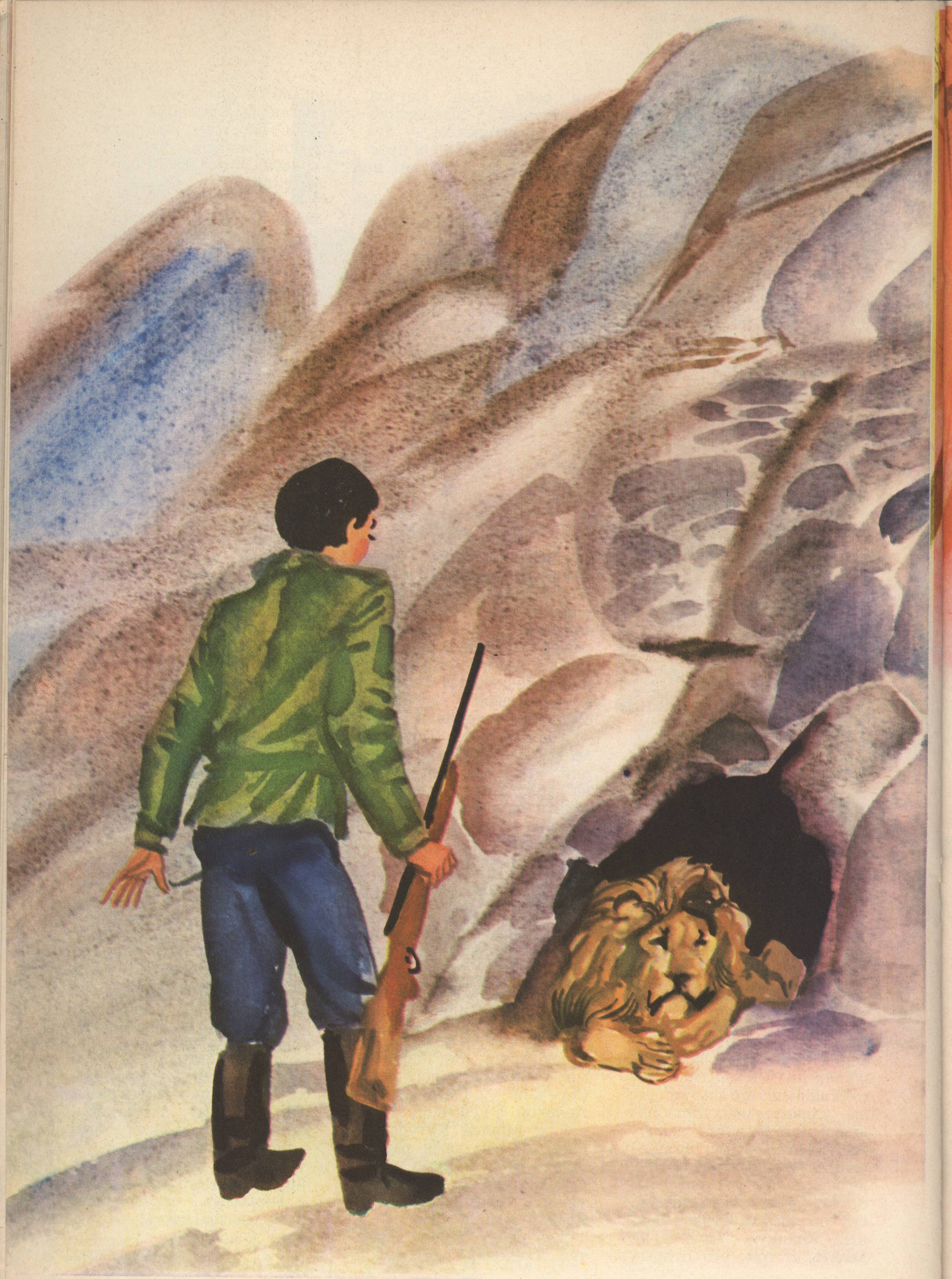
Для ребят, героев повестей Алексина, нет чужих судеб, и беспечное счастье выглядит жестоким и наглым. Поэтому они принимают живое участие в судьбах взрослых и действительно отвечают за них, как, например, «поздний ребенок» Ленька, не желающий жить, как «чашка, которая... стоит за стеклом, но из которой никогда не пьют чай». Его попытка помочь счастью сестры Людмилы кончилась крахом. Жених Людмилы Иван полюбил другую девушку, и именно Ленька должен принести сестре эту весть. Никогда ему не было так трудно подниматься на свой третий этаж, никогда он не думал, что так трудно взрослеть.

Не правда ли, здесь, как и во многих других повестях Анатолия Алексина, не очень веселый конец? Однако закрываешь эти книги со светлым чувством, потому что ребята вышли из всего, что им пришлось пережить, обогащенными, узнали чувство сострадания, высокую цену доброты, дружбы и верности. Нет, все-таки эти книги с хорошим концом!

Пускай ты уже прочитал последнюю страницу и закрыл книгу, но ведь судьба ее героев не кончилась, потому что писатель всегда оставляет их на пороге новых событий. И, думая об их судьбе, представляешь себе длинную, убегающую вдаль дорогу — долгую дорогу жизни, и чувствуешь, что она не будет легкой, но непременно мужественной и честной.

Любимые герои лауреата премии Ленинского комсомола Анатолия Алексина — «действующие лица», да и сам писатель приходит к своему пятидесятилетию как «действующее лицо» нашей жизни и литературы, потому что с ним всегда его серьезность и веселость, человечность и взыскательность, его талант и доброта.

Н. ПАВЛОВА

У меня есть лев

Юрий ЯКОВЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 7.

Рисунки С. ОСТРОВА.

Вечером вся семья была в сборе. Они сидели за столом и ужинали. Ромка пил молоко из большой глиняной кружки, отчего у него появлялись большие белые усы. Сестра терпеливо вытирала ему рот, но «усы» вырастали снова. Все молчали.

— Дед.— Рад встал со стула и подошел к леснichему. Его черные, как у олененка, глаза заблестели.— Дед, а может быть, лев приживется в наших краях? Пусть у нас будет лес со львом.

Лесничий удивленно уставился на Рада, но ничего не сказал. Он взял со стола глиняный кувшин с молоком и поднес ко рту. Он как бы не пил, а внимательно разглядывал дно кувшина. Потом поставил сосуд на стол.

— Мне жалко косуль... Жалко изюбров.

— Их убивал не лев, а браконьеры. Лев не тронул твоих детей, Дед.

— Вчера не тронул. Сегодня может тронуть...

— Нет,— неожиданно заговорил Ромка.— И сегодня не тронул.

Дед и Рад удивленно посмотрели на мальчика.

— Фантазируешь? — спросил Рад.

— У него на лбу конопушки,— сказал Ромка.

— Конопушки? — Теперь со стула поднялся Дед.— Какие еще конопушки?

— Обыкновенные,— сказала Ева,— как у Ромки.

— Вы... видели льва? — растягивая слова, спросил отец.

— Большая рыжая собака... с конопушками,— пояснил Ромка.

— Вы сидели дома, и к вам пришел лев? — спросил Рад.

— Нет, мы сперва не сидели дома,— сказала Ева,— разве дома помоешь ему голову? Он брыкается... Папка, лев лизал ему нос и щеку!

— И ухо! — добавил Ромка.— Потом он лег спать, а она потащила меня домой и щипалась... А он ушел.

В доме воцарилась тишина. Стало слышно, как за окном звенят цикады.

— Вот видишь,— сказал лесничему Рад,— но ты еще не знаешь, что произошло у базальтовой стены. Эти бородачи хотели меня прикончить. Им помешал лев. Пусть он живет себе...

Дед подошел к окну и повернулся спиной к своему семейству. Он думал. Мучительно думал.

— Ты хочешь устроить сафари, Дед? Ты позвал егерей? — спросил Рад.

— Позвал! — жестко ответил Дед.— Со львом надо покончить. Лев есть лев! Рано или поздно произойдет непоправимое. Хищник покажет себя. Зачем ждать жертв? Надо убить его, и скорее. Ты понял меня, Рад?

— Понял, Дед,— сказал юноша.

— Ты хочешь убить большую рыжую собаку? — спросил Ромка у Рада.

Рад ничего не ответил.

Теперь Рад знал, где находится логово зверя. Он уверенно шел к базальтовой стене, чтобы исполнить свой мужской долг — убить льва. Он помнил о своем обещании подарить Тане шкуру грозного хищника, и сознание того, что это в его силах, подогревало его и заглушало смутную симпатию, которую он питал ко льву. Он старался не думать об этом. Быстро шагал по узкой лесной тропе, держа ружье наизготовку.

На перекрестке стоял свежий, только что вырубленный столбик с табличкой: «Осторожно! Лев!»

Потом он шел по каменистому плато, вдоль базальтовой стены, где были изображены сцены из жизни охотников каменного века. Солнце стало садиться. Юноша свернул за угол и очутился у входа в пещеру. Черная дыра зияла в теле горы. Оттуда веяло жутковатой прохладой.

У входа в пещеру, как у двери собственного дома, лежал лев. Рад остановился на почтительном расстоянии, взвел курки. Так они долго разглядывали друг друга. Каждый пытался разгадать намерения другого. Оба не шевелились.

Лев лежал перед ним неподвижно, как мишень. Нужно только хорошенько прицелиться. Промахнуться невозможно. Рад поднял ружье. Оно показалось ему непомерно тяжелым. Какая-то невнятная сила удерживала

— Она пришла! — сказал Ромка. — Большая рыжая собака пришла...

юношу. Он все медлил. Все смотрел в глаза зверю, стараясь найти отгадку его поведения. И вдруг Рад вспомнил, как на этом месте ему выкручивали руки два безжалостных бородача. А лев его пожалел и не тронул детей. Сейчас он лежит у входа в пещеру, доверчиво смотрит на Рада и не допускает мысли, что Рад вдруг прицелится и шарахнет! Каким же надо быть ничтожеством, чтобы обмануть доверие льва!

Рад опустил ружье, потом прислонил его к стене. Подошел к погасшему костру и, сложив его шатериком, разжег.

— Я назову тебя Кингом,— сказал Рад льву.— Согласен?

Вместо ответа послышался глубокий вздох, похожий на вздох человека, только посильнее.

— Откуда ты пришел в наши края? Тебя кто-нибудь обидел? Или ты почувствовал опасность? Но здесь сейчас тоже опасное место, понимаешь?

Рад разговаривал со львом, как с человеком. И по умным, осмысленным глазам чувствовал: лев понимает его.

— Кто тебя научил верить в людей? Разбираться в людях? Если бы ты мог хоть на минуту заговорить, рассказать, кто был твоим другом, кто врагом...

Рад говорил тихо, чтобы никто, кроме Кинга, не услышал его голоса.

— Эх, Кинг, Кинг, что мы с тобой будем делать дальше? Как будем жить?

При свете костра изображенные на стене животные как бы ожили и окружили Рада и его нового друга льва Кинга. Они слышали разговор Рада со львом и как бы одобряли его и замерли, чтобы не пропустить ни слова.

Рад сел к огню, достал из сумки тетрадку, карандаш и при свете огня принялся писать письмо Тане.

«Здравствуй, Таня! В моей жизни большие перемены. У меня есть лев. Я назвал его Кингом. Он мой друг. Еще совсем недавно я мечтал убить его. И даже пообещал тебе львиную шкуру. Сегодня я шел к пещере с намерением убить льва. Но я этого не сделал. Я стыжусь своего намерения. Ведь вчера Кинг спас мне жизнь...»

И письмо полетело над зелеными горными лесами, над хребтами, которые кажутся меловыми, оттого что на них лежит снег, над голубоватыми ледниками, которые не тают, а только подтаивают, потому что солнцу не под силу растопить их раз и навсегда. Вероятно, среди тысячи писем, которые летели вместе, это письмо было самым удивительным. Таким удивительным, что ему и поверить было трудно.

Ему и не поверили.

— Ты слышишь, что он пишет? «У меня есть лев!» Таня держала в руке исписанный Радом листок и смотрела на свою подругу Фатиму, которая улыбалась в ответ.

Девочки лежали на песке, на пустынном морском берегу. И ленивая морская волна порой касалась их локтей и подбородков.

— Выдумывает? — спросила Таня.

— Выдумывает,— согласилась Фатима.— Что он еще выдумывает?

«Сейчас вечер. Лев лежит у входа в пещеру. Мы сидим с ним у костра. Нас со львом никто не понимает!..»

— Он красиво выдумывает! — сказала Фатима.— Если бы мой Самед так выдумывал... Как зовут льва?

— Кинг.

— Дай мне письмо,— неожиданно попросила Фатима.

Таня протянула подруге листок. Та долго рассматривала его. Потом тихо, как бы самой себе, прочитала:

«Я должен спасти льва! Я буду его охранять, чего бы мне это ни стоило».

Потом она положила листок. Встала. Осмотрелась. И вдруг превратилась в птицу, которая взлетала, и приземлялась, и снова взлетала. Она проделывала удивительные акробатические трюки, от которых земля казалась пружинистой, а тело — лишенным веса.

На мгновение Фатима остановилась и сказала подруге:

— Если бы мой Самед прислал мне такое письмо, я была бы самой счастливой. Но Самед не дружит со львами, он укрощает их.

Рад оглянулся и увидел льва...

Вечером в лесничество прибыл отряд егерей. Они подъехали на лошадях и остановились у закрытых ворот.

— Эй, Дед, принимай гостей! — крикнул одутловатый крупный мужчина в форменной фуражке лесного ведомства с ружьем, которое, как автомат, висело на шее. Он был похож скорее на партизана, чем на охотника.

Навстречу отряду вышел Рад. Он быстро отворил ворота и пропустил отряд.

И сразу маленький тихий двор стал похожим на крепость, в которую накануне штурма прибыло подкрепление. Ржали кони. Звучали голоса людей. Дымилась печка, сложенная прямо во дворе, а на ней жарко дышали, звенели крышками чугунки.

— Эй, парень,— спросил невысокий усач с трубкой, как бы приросшей ко рту,— пойдешь с нами на льва?

Рад пожал плечами.

— Такая возможность представляется раз в жизни. Я годов тридцать зверя бью, а со львами дел не имел. Может, боишься?

— Чего бояться! Этот лев детей не трогает.

— Детей большинство зверей не трогает,— сказал седой щуплый егерь. Его большие руки отдыхали на коленях.

— Я однажды наблюдал, как волк отгонял степного орла. Любопытно мне стало, кого волк охраняет. Подошел, а в траве лежат зайчата. Это волк их защищал...

— И у вас поднялась рука убить этого волка?

Седой покачал головой.

— Зря считают, что все охотники жестоки. Настоящий охотник с любовью относится к зверю... И подло не убьет его.

— Как же вы на льва идете? Он детей не тронул...— не выдержав, вспылил Рад.

— Он опасен. Большую беду может причинить,— сказал усатый и выпустил облако дыма.

— А если он домашний? — стоял на своем Рад.

— Где это ты видел домашних львов? — воскликнул командир отряда.— Если домашний, то пусть сидит себе дома.

— Он, может, и сидел бы, да дома нет,— буркнул Рад и стал подкладывать в печку дрова.

Дед почесал затылок и сказал:

— Лев действительно странный. Не тронул детей.

— Если бы отловить его,— сказал усатый,— но у нас нет специалистов по львам. Тигроловы есть, в Приморье...

— Подожди, подожди,— перебил его командир.— Его еще надо выследить. Еще надо отгадать загадку, где лев. Ты часом не знаешь, где его логово? — спросил он Рада.

Рад поднял глаза на командира и покачал головой.

Стемнело. Кончился ужин. Погасла печь. Егеря улеглись спать.

Рад отправился к себе на сеновал. Душистые волны сена долго не могли его укачать. Юноша лежал с открытыми глазами. И ему казалось, что он слышит топот коней, крики, свист, стрельбу и рев потревоженного льва. Перед его глазами проносились вытянутые морды коней, егеря, пригнувшиеся к седлам и не выпускающие из рук ружей... Потом ему показалось, что это не егеря мчатся за львом, а браконьеры: Чернобородый, Клок сена и Кофейная борода. Они погоняют коней, и их главарь Чернобородый кричит: «Здесь места безлюдные и пропасти глубокие!»

В проеме окна показалась луна. Большая, теплая, чем-то похожая на солнце. Луна успокоила Рада. Он закрыл глаза.

Рад спал так крепко, что не слышал, как на заре запели ранние птицы, зазвучали голоса людей, заржали кони. От печки потянуло дымком. Егеря выходили во двор, раздетые до пояса, и мылись прямо из ручья.

Потом Дед стал звать Рада:

— Рад! Вставай! Пора завтракать!

Дед стоял внизу возле лестницы, ведущей на сеновал. Никто не откликнулся.

Когда Рад открыл глаза, на сеновале стоял полумрак. В лучах солнца, проникающих сюда во все щели, кружились пылинки. Рад сел. Потянулся. Протер глаза. Он открыл дверцу сеновала и выглянул наружу. Солнце еще не взошло. Но его близость уже ощущалась. Край неба потеплел, а высокие облака были выкрашены алой краской зари. На траве лежала густая роса, словно только что прошел дождь.

Рад прислушался. И за спиной, внутри сеновала, услышал шорох. Он оглянулся и увидел льва. Вытянув

вперед лапы огромный зверь лежал в сене всего в нескольких метрах от Рада. Его желтые с черной сердцевинкой глаза смотрели на юношу.

Некоторое время Рад и лев выжидающе смотрели друг на друга. Юноше казалось, что он не проснулся, что продолжается сон.

Лев сидел неподвижно. Он, видимо, не заметил ружья. Теперь надо рассчитать каждое движение. Начинать отползать и в случае чего вскинуть ружье...

Сердце Рада замерло. Жилка на виске забилась от напряжения, Рад почему-то вспомнил базальтовую стену с изображением льва. Перед львом стоял юноша, такой же, как Рад, только в барсовой шкуре. В руках у юноши не было ружья. Он держал зубило и молоток. Он рисовал льва своим первобытным способом.

И тут случилось непредвиденное. Дверь скрипнула, распахнулась, и на чердаке появилась заросшая, нечесаная голова Ромки.

— Рад! Вставай! Идем есть мясо!

— Тише! Не двигайся! — прошептал Рад и ближе придвинул к себе ружье.

Мальчик удивленно посмотрел на Рада, потом вглубь сеновала. Он увидел льва, но не испугался, а скорее удивился.

— Она пришла? — спросил Ромка.— Большая рыжая собака?

— Это лев,— прошептал Рад.

В следующее мгновение маленький юркий Ромка очутился между Радом и львом. Он прыгнул в сено и стал подползать ко льву.

Рад зажмурился. Лев зевнул, широко раскрыв огромную пасть.

— Я знаю, она хочет мяса,— сказал Ромка.

Рад опустил ружье.

— Ромка, это лев,— безнадежно прошептал Рад.— Уходи, Ромка!

Не зная, что делать, он стоял на коленях в сене, как будто в морских волнах, и сжимал ружье со взведенным курком. Но между ним и львом был Ромка, маленький мальчонка, для которого лев был не грозным хищником, а всего-навсего большой рыжей собакой.

— Ромка, уходи!

— А ты? — Мальчик оглянулся на Рада.

— Я с тобой!

Они оба, маленький Ромка и Рад, стали отползать к выходу.

— Не стреляй,— сказал Ромка, увидев в руках у Рада ружье.— Она добрая.

— Я не буду стрелять. Только пойдем со мной, Ромка. Я за тебя боюсь.

Они выбрались из чердака. Рад нащупал перекладинку лестницы и помог Ромке. Они стали спускаться, не сводя глаз с чердака.

Когда оба очутились на земле, Рад схватил мальчика за руку и потащил его в дом. Малыш упирался. Его удерживало любопытство. Страха он не испытывал: чтобы испугаться, надо быть большим, а он был маленьким.

Рад медленно добрался до угла дома. Он все еще не выпускал ружья, словно не до конца доверял льву.

Когда оба очутились дома, Рад задвинул задвижку и некоторое время стоял, прислонившись спиной к двери, словно боялся, что лев, несмотря на запоры, ворвется в дом.

Потом Рад сказал Ромке:

— Ты у меня герой!

— Рад, дай ему мяса,— сказал Ромка, дыша в затылок.

— Мяса? Надо дать ему мяса,— согласился Рад и направился к двери.— Только ты сиди здесь. За мной не ходи, слышишь?

Когда он медленно приоткрыл дверь и вышел во двор, лев сидел на лужайке. Рад оторвался от стены и, пригнувшись, как под огнем, добежал до погреба, нырнул в низкую дверь. Вышел он оттуда с куском мяса.

Лев съел мясо и, с благодарностью посмотрев на дом под черепичной крышей, нехотя пошел прочь.

И тогда Рад пошел за львом. Он шел за ним по узким тропам и по широкой просеке. Мимо дощечки с остерегающим плакатом: «Осторожно! Лев!» Потом они поменялись местами, и впереди пошел Рад.

Временами они прислушивались и снова шли согласно: впереди юноша, за ним лев. Над ними синело небо и кружили орлы. И травы резко пахли, словно подавали голос.

После часа пути горы расступились, открылось озеро.

Рад сбросил с себя одежду, разбежался и, поднимая брызги, исчез в голубоватой воде озера. Он появился где-то впереди, и снова вода сомкнулась над ним. Кинг стоял у кромки озера и наблюдал за своим другом. Потом он сделал несколько шагов по мелководью, погрузился в воду и бесшумно поплыл туда, где появлялся и пропадал Рад.

Увидев плывущего льва, Рад помахал ему рукой и стал ждать. Дальше они плыли уже рядом. Временами Рад нырял и смотрел на льва из глубины. Под водой огромный зверь казался фантастическим существом, вокруг которого рыжей медузой колыхалась грива.

На середине озера был зеленый остров. Небольшой, похожий на кораблик, плывущий по воде.

— Давай, давай, Кинг! — кричал юноша льву и манил его рукой вперед.— Скоро прибудем! Здесь нас никакие охотники не найдут!

Дальше они плыли рядом, бок о бок. Иногда Рад клал руку на спину льва, а греб другой рукой. Лев плыл легко, свободно, не ощущая тяжести.

Когда они достигли острова и выбрались на берег, Кинг долго отряхивался, и с его гривы слетал целый дождь капель. Рад прыгал на одной ноге: ему в ухо попала вода. Они улеглись на прибрежном песке и, закрыв глаза, отдыхали. Было тихо и покойно. Словно на свете не существовало ни сафари, ни охоты, ни браконьеров, ни егерей.

Они лежали до тех пор, пока где-то совсем близко не грянул выстрел. Лев и юноша открыли глаза и тревожно прислушались. Выстрел повторился.

Рад встал:

— Идем, Кинг.

Они скрылись за зеленой завесой ветвей.

В это время на берегу показался отряд егерей. Они спешились и, пока кони неторопливо пили воду, принялись осматривать берег. И Рад и Кинг следили за ними из своего укрытия.

Охотники походили по берегу в поисках львиных следов, о чем-то посовещались, несколько раз пальнули в воздух и повернули туда, откуда появились.

— Не нашли,— сказал Рад Кингу.— Даже не подумали об острове. Это хорошо!

И тогда Рад стал сочинять новое письмо:

«Здравствуй, Таня! У нас с Кингом новые приключе-

ния. Прибыли из области егеря для отстрела. Убить благородного льва на их языке называется «отстрелом». Чем им мешает лев? Мы перебрались на маленький необитаемый остров на озере Зур. Сидим сейчас рядом, как Робинзон и Пятница. Что будет дальше, не знаю. Каникулы кончаются. Надо возвращаться в город. Но Кинга я не могу оставить. Посоветуй, Таня, что мне делать. Кинг шлет тебе привет. У него на лбу рыжие конопушки. Очень забавные. Будь здорова. Рад».

— Письма писать нетрудно. Льва устроить в человеческой жизни невозможно. Рад благодарить меня будет. Говорить с Тофиком?

— Говори,— согласилась Таня,— говори!

— Если б можно было взять льва домой! — мечтательно сказала Фатима.— Я бы хотела иметь льва.

— Лев — не кошка и не собака,— сказала Таня.— Я вообще не очень верю Раду. Может быть, он фантазирует!

Они лежали на прибрежном песке до тех пор, пока где-то совсем близко не грянул выстрел.

Это письмо Таня показала не только Фатиме, но и Самеду. Они сидели в пустом цирке, а Самед — плотный, загорелый, густоволосый, черный — вертел в руках письмо и что-то бормотал про себя. Он думал, строил планы, а девушки терпеливо ждали, пока он скажет свое слово.

— Спасти льва может только цирк,— наконец сказал Самед.— Куда еще можно устроить льва? В зоологический сад? Это для него как тюрьма. В цирке звери играют. Я поговорю с Тофиком,

— Может быть, Рад не захочет? — робко вставила словечко Таня.

— Не захочет?! — вспыхнул Самед.— Пусть тогда строит для льва особняк, если он у тебя такой богач.

— Он не богач. Он совсем не богач. Но он любит льва,— сказала Фатима.— Он пишет про него такие письма...

В это время сверху из темноты опустилась большая круглая решетка, охватившая всю арену.

— Мне пора на репетицию,— сказал Самед.— А то Тофик меня убьет.

Звякнула железная дверка. И на арену стали выбегать львы. Они бегали по кругу, и лапы их утопали в опилках. Потом на манеже появился дрессировщик — невысокий человек в барашковой шапке, надвинутой на глаза. Шапка скрывала брови, и прямо из-под завитков шерсти смотрели два острых глаза. Костистый с надломом нос, похожий на клюв большой птицы, впалые щеки, небольшие колючие усики. В руке он держал шамберьер. Это и был тот самый Тофик, который не прощал опоздания Самеду.

Рад лежал на сеновале и смотрел в от рытую дверку. Он видел темное, густо-черное небо с множеством яр-

ких звезд. Смотрел на звезды и что-то напевал. Кажется, у этой песни были такие слова:

По городу медленно движется лев.
И люди глядят на него, обомлев.
И даже мальчишки — отчаянный народ —
С испугом глядят на него из ворот.

Он мягко ступает по серым камням,
Он ищет друзей, и он верит друзьям.
И он испытующе смотрит на нас
Зеленым огнем немигающих глаз.

Пора привыкать нам к дельфинам и львам,
Прислушаться к их непонятным словам,
От черствых людей их в бою отстоять,
И сердце свое им бесстрашно отдать.

Потом песня умолкла. Погасла. Только звезды продолжали гореть. А Рад уснул. И ему приснился сон.

Раду снилось, что он очутился на раскаленном каменном плато. Над головою высокое расплавленное солнце. И не было ни облачка, ни зеленой ветки, которые могли бы ослабить жар отвесных полуденных лучей. На Раде не было ни рубахи, ни другой подобающей одежды. Все заменяла пятнистая шкура леопарда, которая держалась на одном плече. В руке он держал короткое копье с каменным наконечником, а на поясе у него висел турий рог.

Рад шел по каменистой тропе, а над ним нависала базальтовая стена, испещренная рисунками. Рад рассматривал рисунки, и ему казалось, что он стоит на месте, а мимо него движутся звери и охотники. Лев бежал за буйволом, его нагоняло несколько охотников, одетых, как Рад, в леопардовые шкуры. Потом появились собаки и овцы. Барс прыгал со скалы на скалу, а над ним кружил большекрылый орел.

Рад шел под стеной, пока не очутился рядом с человеком, который стучал каменным молотком по каменному зубилу. Это он рисовал на камне животных. Увидев Рада, художник перестал стучать и сказал:

— Стой! Я тебя нарисую.

— Зачем? — спросил Рад.

— Чтобы люди знали о тебе, когда тебя уже не будет.

Не дожидаясь ответа, человек застучал своим каменным молотком. Все вокруг заполнилось музыкой рисующего молотка. И вскоре на стене появился Рад в барсовой шкуре с копьем в руке. Но художник не остановился на этом, он продолжал рисовать зубилом и молотком, и на камне возник большой, головастый, гривастый лев.

— Откуда лев? — спросил Рад.— Здесь не водятся львы.

— Водятся,— ответил художник.— Оглянись.

Рад оглянулся и увидел льва. И тут же увидел двух ребятишек. Они были в маленьких шкурах, и Рад не сразу признал в них Ромку и Еву.

— Стойте! Здесь лев! — закричал он.

Но дети словно не слышали его голоса. Они радостно бежали навстречу льву. А лев двинулся им навстречу.

Дети начали играть со львом. Они забирались ему на спину, тянули его за гриву, запускали руки в львиную пасть. Лев довольно ворчал.

Неожиданно перед ними раскинулось море и все четверо — Рад, лев, Ромка и Ева — устремились в воду. Волны сбивали их с ног, они поднимались, прыгали, брызгались, ныряли, кувыркались, плавали.

Лев плыл, а у него на спине, вцепившись в гриву руками, сидел Ромка.

Кружились чайки. Вдали белели паруса древних кораблей. И волны весело накатывались на берег, на котором лежали три барсовых шкуры — одна большая и две маленькие.

Рад сжал ружье со взведенным курком.

Рано утром из ворот цирка выехала машина-амфибия, похожая на катер, поставленный на колеса. Слово «Госцирк», выведенное на высоком борту, казалось названием корабля.

Необычная машина затерялась в потоке автобусов, самосвалов, троллейбусов. И только внимательные глаза мальчишек находили ее в обычном потоке и провожали до поворота.

Рядом с водителем сидел человек в барашковой шапке, надвинутой на глаза и скрывающей брови. Это был Тофик. На коленях у него лежала развернутая карта, на которую он время от времени поглядывал. За его спиной сидели двое с ружьями.

Сперва машина ехала по городу. Потом она мчалась по шоссе. Потом стала карабкаться в гору. К исходу дня амфибия остановилась. На указательной табличке на обочине дороги было написано: «Озеро Зур».

— Сворачивай вправо,— скомандовал Тофик.— Заряд не подведет?

— Не подведет,— отозвался один из охотников.— Лев уснет, как мертвый.

Машина мягко съехала на пыльный проселок и закачалась, как корабль на волне. Дорога была неровной и извилистой. Сперва она шла по открытому месту, потом нырнула в лес. Несколько раз на пути амфибии возникали таблички с грозным предупреждением: «Осторожно! Лев!»

Наконец под колесами сухо зашуршала галька. Амфибия выехала на берег озера. Впереди зеленел остров.

— Озеро Зур, остров Кинга,—произнес Тофик.— Прибыли по адресу. Теперь держитесь!

Его спутники безмолвно взяли ружья и зарядили их не патронами, а ампулами с острым жалом на конце. Машина съехала в воду и превратилась в настоящий корабль. Сзади заработал гребной винт. По озеру потянулись морщинки волн. Корабль взял курс на остров. Он двигался медленно, с опаской.

В это время на острове раздвинулись ветки, и на берег вышел лев. Он стоял и доверчиво рассматривал приближающееся судно. Может быть, он рассчитывал увидеть на нем Рада? Не увидев друга, лев скрылся.

Рад заболел. Он лежал в постели. Ему не хватало воздуха. Его кашель звучал, как выстрелы. Веки закрывались, свет резал глаза. Он был болен, а ему, как никогда, надо было быть здоровым, потому что, кроме него, у льва не было друзей. Некому было накормить Кинга. Некому было его защитить.

— Дед, ты все знаешь. Дай мне какого-нибудь зелья, чтобы сразу поправиться. Хоть самого горького...

— Горького нет,— отвечал лесничий, садясь на край постели.— Пей малиновый отвар.

Рад откидывался на подушку и закрывал глаза. Малиновый отвар он уже пил.

— А со львом у нас ничего не получилось,— вдруг признался Дед.— Ушел он из нашего района. В неизвестном направлении. В лесу тихо.

— В лесу тихо...— повторил Рад и едва заметная улыбка засветилась в его глазах.— Скажи, Дед, сколько дней может прожить без пищи большой сильный зверь?

— Летом неделю протянет,— ответил лесник,— зимой голодному трудней... Ну, ладно, мне пора! Надо наметить делянки для вырубки... Лечись! Тебе скоро в интернат ехать.

— Я не поеду — ответил Рад.— Я здесь останусь. Буду помогать тебе.

— Это еще почему? — спросил Дед.— Ты же на будущий год в мореходку собираешься.

— Я раздумал.

— Вот как! — Дед пожал плечами.— Ну, ну, как знаешь! Лечись!

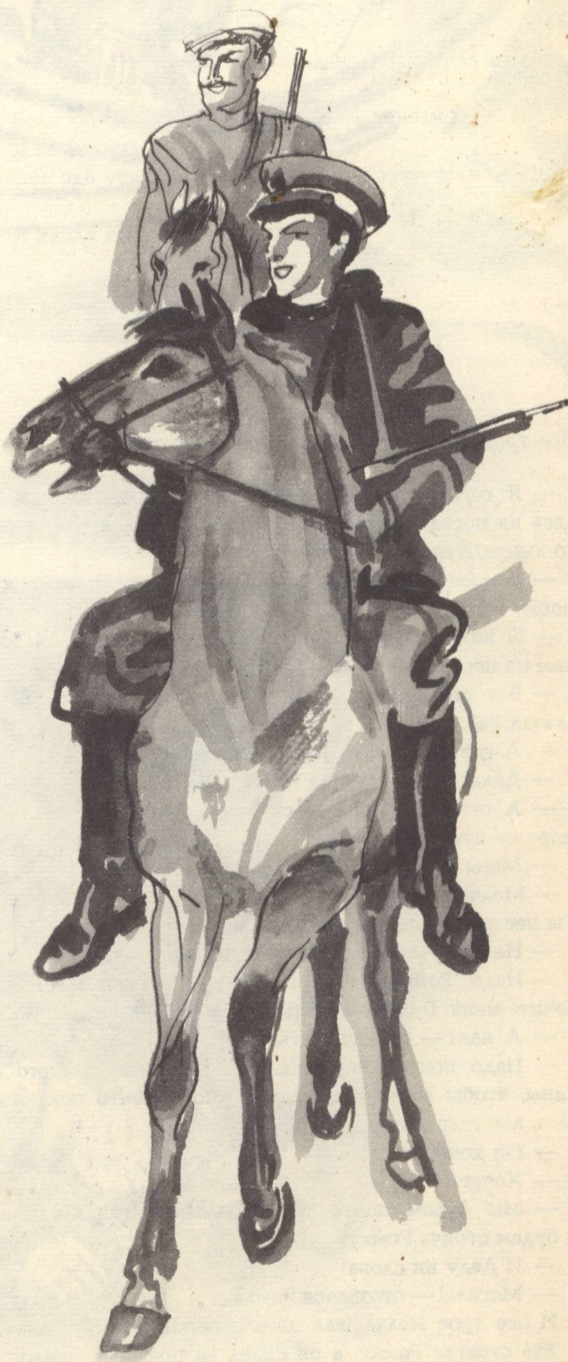
— Буду лечиться! Всю малину дома съем. Как медведь,— сказал Рад, глядя вслед Деду.

Когда Дед ушел и за окном смолкли подковы Орлика, Рад позвал Ромку:

— Иди сюда! И Еву приведи!

Дети вошли в дом.

Приехали егеря, и сразу тихое лесничество стало похожим на крепость.

Все трое выжидательно смотрели на остров.

— Я сегодня ночью видел сон,— сказал юноша, садясь на постели,— я видел, что вы, Ромка и Ева, играли со львом. Купались в море.

— В море? — переспросила Ева.— Я никогда не видела моря.

— Я видел льва,— сказал Ромка,— я хочу валяться с ним на песке.

— Вот поправлюсь, и мы с вами поедем ко льву,— сказал Рад.

— А где он живет? — тихо спросил Ромка.

— Далеко... на острове Кинга.

— А остров в море? — спросила Ева.— Нас папка на море не пустит без мамы.

— Меня пустит,— вставил словечко Ромка.

— Молчи!—Старшая сестра дернула Ромку за руку.— Ты нестриженый. Ты сам, как лев.

— Не буду стричься,— твердо сказал Ромка.

— Надо, Ромка,— сказал Рад,— надо стричься и надо лечить меня. Будешь лечить?

— А как? — с готовностью спросил Ромка.

— Надо поить меня малиной. Надо много-много малины, чтобы вся хворь вышла... Потому что пока я болею, лев голодает.

— Он хочет мяса?

— Хочет.

— Мы будем поить тебя малиной,— сказала Ева,— и будем стричь Ромку.

— И Деду ни слова!

— Могила! — отозвался Ромка.

И все трое молча, как заговорщики, улыбнулись.

Ева стригла Ромку, а он сидел на бревне с зажмуренными глазами. Казалось, он закрыл их, чтобы не видеть, как под беспощадными ножницами его волосы превращались в клочья. Иногда он нетерпеливо мотал головой. И тогда Ева прикрикивала на него:

— Сиди смирно! Не крути головой! А то отрежу ухо!

— Не смей ухо! — откликался на угрозу Ромка и закрывал ухо ладошкой.— Стриги скорей.

Он рычал от нетерпения, как маленький львенок. Будешь рычать, если так безжалостно стригут твою гриву!

К ребятам подошел Рад. Он был бледен. Покашливал. На плече у него висел большой рюкзак.

— Как работает парикмахер? — спросил Рад.

— Плохо,— простонал Ромка, все еще не решаясь открыть глаза.— Не хочу больше.

— Терпи, а то лев тебя испугается!

Ромка открыл глаза. Он увидел Рада в походном снаряжении и вскочил с места.

— Пошли, а то опоздаем.

— Не опоздаем,— сказал Рад.

— Дай-ка мне ножницы.

Он взял из Евиных рук ножницы и сам достриг Ромку. Хорошо, что Ромка был маленький и ничего не понимал в красоте. Его интересовало только одно: поскорей бы отвязаться от этой стрижки!

Потом трое ушли из калитки, и лес поглотил маленькую компанию, идущую в гости ко льву.

Лодочка была легонькой, как скорлупка. От каждого движения она покачивалась, и тогда на поверхности озера появлялись едва заметные морщинки. Ромка стоял на коленях на носу. Он был впередсмотрящим. Ева сидела на дне. Она видела только Ромкин затылок и грязные, неотмываемые пятки. Рад сидел на корме. Он греб веслом-лопаткой. И от каждого гребка лодочка напрягалась, а нос слегка приподнимался над водой. С весла падали капли, по воде от них шли круги.

Все трое молчали. Все трое выжидательно смотрели на остров. Ева наклонялась то влево, то вправо: младший брат заслонял весь вид.

— Где большая рыжая собака-лев? — время от времени спрашивал Ромка.

— Лев спит,— отвечал Рад, нажимая на весло.

— Не знает, что мы приедем?

— Нет. Я не сказал ему.

— Он ждет мясо?

— Ждет.

Ромка умолкал. Он снова вглядывался, стараясь первым увидеть таинственного хозяина острова. Но зеленая стена деревьев скрывала от его глаз все тайны маленького материка.

— А ты, Ева, не боишься льва? — спросил Рад.

— Не знаю,— ответила девочка.

— Он же не тронул тебя.

— А почему он не тронул? Он добрый?

— Он благородный.

Ева оглянулась на Рада. Он смотрел в сторону острова. Остров был совсем близко. Он стал большим, и теперь уже Ромкин затылок и пятки не могли заслонить его.

Днище заскрипело о песок. Лодка остановилась. Все пассажиры подались вперед.

— Прыгайте! — скомандовал Рад.

Ромка выпрыгнул первым. Ева, слегка наклонив лодку, ступила в мелководье.

Последним вышел Рад.

Он сложил руки рупором и крикнул:

— Кинг! Кинг!

Потом прислушался. Никто не отозвался.

— Кинг!

— Так крепко спит? — спросил Ромка.

Рад ничего не ответил. Раздвигая ветви, он быстро зашагал в глубь острова. Ребята спешили за ним.

Смутное беспокойство овладело Радом. Он остановился, прислушался и пошел дальше.

Когда на пути попадались песчаные залысины, Рад наклонялся в надежде увидеть следы своего друга. Так вся компания добралась до шалаша. Рад заглянул внутрь. Там никого не оказалось.

— Кинг! Кинг!

Только эхо отозвалось на его крик.

— Где же он? — спросила Ева.

— Он спрятался от нас? — спросил Ромка.

В это время Рад наклонился и поднял с земли стреляную гильзу. Он сжал ее в кулаке, словно хотел раздавить, смять, уничтожить.

— Его нет,— прошептал он,— я не уберег его. Кому-то не спалось оттого, что на земле живет прекрасный лев.

— Кому не спалось? — спросила Ева.

— Тем, кто стрелял! Для них самый лучший лев — это мертвый лев. Чучело!

Рад шагал по заросшему острову. Ветки задевали его за лицо. А он шел. И все говорил, говорил:

— Кому он помешал? Кого обидел? Не зарезал ни одной косули. Люди убили косуль... А лев прошел мимо спящих детей так, что они даже не проснулись.

— Может быть, он убежал или спрятался? — спросил Ромка.— Давай искать. Побежали!

— Куда бежать? Если бы вы были постарше, вы бы помогли мне. Одному трудно со львом. Одному трудно защитить льва, понимаете?

Ничего они не понимали. Бежали за ним, смотрели на него, слушали и ничего не понимали.

Когда, обойдя весь остров, они садились в лодку, Рад протянул Ромке стреляную гильзу.

— Держи,— сказал он,— и храни всю жизнь!

— Зачем? — спросил мальчик, разглядывая подарок.

— Чтобы помнить о льве. Чтобы беречь львов.

Они уже отплыли далеко от острова, когда Ева сказала:

— А если лев жив?

Рад перестал грести и внимательно посмотрел в глаза девочке.

— Если он жив, я найду его. Льва невозможно спрятать. Я найду его...

Горное эхо усилило его слова, и они зазвучали на весь мир:

— Я найду его!..

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

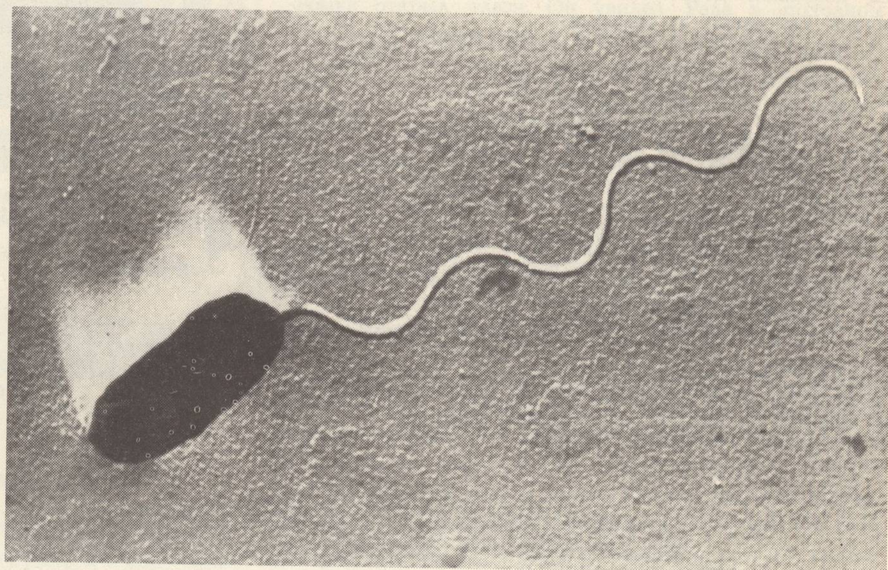
Живые микро- лампочки

К. ЛЕВИТИН

В одной из лабораторий Красноярского института физики имени академика Киренского мне показали стеклянные пластинки с узорами, которые светились в темноте. Свет излучали живые бактерии. Их обнаружили в Тихом океане сотрудники института, когда ходили на «Витязе» в далекую экспедицию. Позже я увидел эту редкую находку на фотографии, увеличенной в несколько тысяч раз электронным микроскопом...

— Наши бактерии — просто находка для биолога! — рассказывала мне руководитель лаборатории Раиса Ильинична Чумакова. — Раньше было известно только шесть видов светящихся бактерий, мы открыли новый, седьмой, и назвали его «фотобактериум белозерский» в честь академика Андрея Николаевича Белозерского.

Всякая бактерия — это простейший одноклеточный организм. В единственной клетке есть все необходимое для жизни. У светящихся бактерий в этой внутриклеточной тесноте расположена еще и специальная светящаяся система. Коэффициент полезного действия (кпд) обычной лампочки накаливания — всего около пяти процентов, люминесцентной — пятнадцать. А бактерии превращают химическую энергию в свет почти без потерь — их кпд около девяноста процентов! Уже за одно это их следует изучать!

Свечением бактерии как бы сигнализируют о своем состоянии. Они как бы сообщают: «Мне прекрасно!» — и светятся в полную силу. Если же свет их блекнет или вовсе пропадает, это сигнал: «Мне очень плохо». На бактериях ученые испытывают новые химические вещества, лекарства, яды. Бактерии улавливают даже самые ничтожные количества этих веществ. На американских космических кораблях, например, с помощью светящихся бактерий узнают, нет ли в кабине примесей вредных газов. Специальный прибор — фотоумножитель — следит за свечением бактерий и, если оно угасает, дает сигнал тревоги.

Удалось установить, что «фотобактериум белозерский» светится не непрерывно: вспыхивает на несколько десятичных долей секунды и гаснет. Ни один прибор не мог уловить свечение отдельной бактерии — так малы эти природные микролампочки. Только электронный мозг сумел исследовать запись свечения нескольких бактерий за длительное время и рассчитать, как ведет себя каждая светящаяся клетка...

МЫ— ЛЕСНИЧИЕ

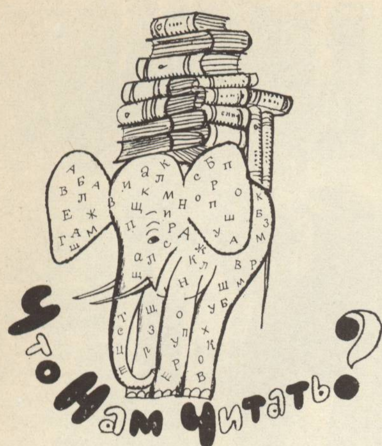
Фотографии А. МИХАЙЛОВА.

Идут по тенистым лесным тропкам строгие, подтянутые ребята. Идут, внимательно оглядывая свое зеленое хозяйство — нет ли залежей сухостоя и валежника, не пора ли проводить санитарную рубку... Это будущие лесничие, инженеры лесного хозяйства — здесь, в школьных лесничествах, они овладевают основами лесной науки.

По всей нашей стране — в Карелии и на Рязанщине, в знаменитых Брянских лесах и в Подмосковье — стоят на государственной службе школьные лесничества. На нижних снимках — ребята из Пайского школьного лесничества. Вместе со взрослыми мастерами из Прионежского опытно-показательного лесхоза они берегут и умножают леса, славу Карелии: в прошлом году одной только карельской березы высадили 1800 саженцев! А еще и сосну сажали и ель.

На верхнем снимке — ребята из школьного лесничества Головановской восьмилетней школы Рязанской области. Они ухаживают за лесом, предупреждают лесные пожары.

Пути-дороги Страны Пионерии

На свете много самых разных карт. Ты уже хорошо разбираешься в географических и политических картах мира, может быть, даже умеешь читать топографическую, слышал о картах геологических. А карту деятельности пионерской организации нашей страны ты видел? Недавно вышел целый атлас, в нем тридцать четыре карты, которые рассказывают о том, как жили, учились, боролись за освобождение нашей Родины пионеры разных лет, как они помогали Родине, старшим. За любым условным знаком на этих картах стоят интересные пионерские дела, в которых участвовали твоя дружина, твой отряд. На всех картах ты увидишь такой знак: современное здание, обрамленное лучами солнца, и бегущий рядом олень. Это знак операции «Чукотка». В отряде многие ребята, наверное, смотрели по телевидению, как пионеры приветствовали XVII съезд комсомола и как они вручали чукотским ребятам ключ от нового Дворца пионеров в Анадыре. Пять лет наша пионерия собирала средства на постройку этого Дворца. И вот Дворец построен!

Атлас расскажет тебе много интересного: где установлены памятники пионерам-героям, где и когда проходили всесоюзные слеты, с пионерами каких стран дружат наши ребята, в каких городах проходили всесоюзные финалы клубов «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Зарница». Ты увидишь, что сделали пионеры каждой союзной республики. Рассмотри карты внимательно. Может быть, вы с ребятами из твоего отряда, дружины продолжите хорошее дело и составите карту пионерских дел своей области, района, города, села. Мы будем рады получить такие карты от наших читателей.

Атлас «Пионерская организация СССР» посвящен 50-летию присвоения имени В. И. Ленина Всесоюзной пионерской организации. Его подготовили для тебя Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР и Центральный Совет Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

С. СЛАВИН

О героических делах флота

Кого из юных читателей не интересуют книги о флоте, о подвигах моряков, об истории прославленных боевых кораблей! И поэтому хорошие подарки делает для них издательство «Детская литература», часто выпуская такие книги. Недавно читатели познакомились с «Детской Морской Энциклопедией» С. В. Сахарнова. А до этого вышла в свет книга писателя-моряка **Н. А. Бадеева «Высылай устав».** В ней рассказывалось о боевых кораблях Балтики, которые по приказу В. И. Ленина вошли в Неву для участия в Октябрьском вооруженном восстании. Теперь мы берем в руки еще одну книгу этого писателя. **«Принимаю бой»** — так назван сборник рассказов. Их много — целых пятьдесят четыре рассказа о делах дней, давно минувших и памятных нашему поколению, незабываемых годах Великой Отечественной...

Мне говорили бывалые моряки, что многие из историй, которые вошли в эту книгу, им самим были неизвестны. Да, автор проделал большую исследователь-

скую работу. Ведь каждый рассказ, пусть в нем всего несколько страничек, опирается на подлинные, архивные документы, музейные экспонаты, рассказы и воспоминания самих очевидцев.

В книге две части. Разные по содержанию и близкие друг другу. Близкие, так как в каждой говорится о подвиге, о том, как хранят наши моряки добрую славу своих предков, берегут, умножают славные флотские традиции...

Первая часть — «Потомству в пример». Со страниц встают события далеких времен. Как ходили новгородцы в XII веке в шведский город Сигтуну и победили врага. О пушке, найденной при раскопках на месте села Липовка, где для Азовского флота ковались якоря и готовилось оружие. О тяжелом якоре, поднятом со дна Невы в Ленинграде, — а принадлежал он кораблю петровских времен.

Но больше всего рассказов о людях, тех, кто воевал с врагами. О сержанте Михаиле Щепотьеве, который с отрядом лодок захватил бот «Эсперн». Герой погиб, хоронили его в Петербурге, полк сопровождал тело героя... И о Кононе Зотове, который вместе с Петром I работал над Морским уставом и другими для корабелов нужными книгами, — прочтут здесь читатели, и о боях при Гангуте, Чесме, о катере «Шутка» и миноносце «Страшный»... А разве не интересно узнать, что балтийские моряки в 1917 году спасли знамя флотского экипажа, с которым моряки выступили вместе с декабристами в 1825 году на Сенатской площади. Или, как пароход «Усердный», скрытно поставив мины, преградил путь к Кронштадту целой эскадре из ста одного корабля... Или... Нет, всего не перечислить. Только одни рисунки рассматривать — и то интересно. Нарисовал их художник Л. Дурасов — они очень точно воссоздают героев, корабли, морские сражения.

А во второй части речь идет уже о близких днях, о том, как советский флот вместе с армией громил врага. Здесь рассказано и о подводниках, и об экипажах миноносцев, и даже — ледокола, который вел бои в Арктике, сопровождая суда, прокладывая им путь во льдах и отстреливаясь от фашистской авиации.

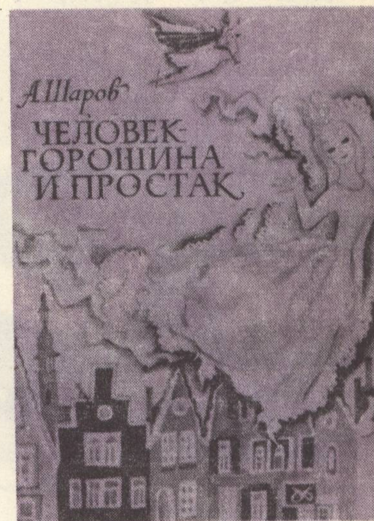
Многие, наверное, видели фильмы с участием Гургена Тонунца, игравшего роль большевика Камо. Так вот, артист в войну плавал на сторожевом корабле «Семен Дежнев», участвовал в боях.

Мне эту книгу дал посмотреть один знакомый мальчишка. Сначала я ее перелистал — ведь она для «среднего возраста». А потом увлекся и стал читать от начала и до конца. И пока не закончил, ничем другим не занимался. Вспомнились тяжелые военные годы, пришлось тогда многим воевать. Да, именно так вели себя люди в дни суровых испытаний.

В книге есть рассказ — «Кортик прапорщика» о старом артиллеристе, герое Октября, погибшем в боях за город Ленина. Когда моряки узнали, что «артиллерийского деда» убили, то артиллеристы дали залп по врагу под команду — «За Синицына!». А кортик ветерана сейчас хранится в музее.

О многих кораблях-героях пишет автор. Среди них подводные лодки «С-56», «Щ-408». И все они знамениты. На «С-56» плавал Г. И. Щедрин — первый кавалер ордена адмирала Нахимова на Северном Флоте. На «Щ-408» — П. С. Кузьмин, в честь которого названа в Ленинграде улица. Да, о многих славных людях, их подвигах во славу Родины эта книга. Ты полюбишь ее, читатель!

Роман ВОЛКОВ

Кто сильнее?

Как ты думаешь, кто сильнее — человек величиной с горошину или большой злой колдун? Что он может, такой маленький? Оказывается, очень много. Он умеет дружить, смеяться. Умеет быть верным и понимать других. За это мальчик-простак и полюбил его, человека-горошину по имени Ганзелиус.

И когда мальчик вышел на бой со злыми силами, ему помог метр Ганзелиус. А борьба была трудной. Пришлось летать верхом на мухе, изучать свойства капли росы и выяснять, кто живет в лунном луче.

В сказках всегда случаются невероятные чудеса. А в этой сказке они случаются ну просто на каждом шагу. Сочинил ее, эту сказку, писатель **Александр Шаров.** Сначала ее напечатал журнал «Пионер». Теперь вышла книга **«Человек-Горошина и Простак».** Очень красивая книга, нарядная, задумчивая, кажется, что от нее пахнет синими колокольчиками и утренним дождем. А рисунки какие прекрасные! Их сделала художница Н. Гольц.

Если прочитаешь эту книгу, обязательно обрадуешься.

Людмила МАТВЕЕВА

Юннатский огород, о котором написала двенадцатилетняя Ира **КРУТИЛОВА**, возможно, находится возле школы № 24 города Мелитополя, где Ира учится.

* * *

На пустыре, где раньше было пусто,
Растет теперь картофель и капуста.
Юннаты зорко смотрят за кустами,
Которые они растили сами.
Малина алая таится где-то в травке.
Не съесть ее сороке или галке.

Это стихотворение написал двенадцатилетний житель Новосибирска Алеша **ЛУКЬЯНОВ**.

Лес

Я люблю этот лес,
Почему—сам не знаю...
Если вдруг загрущу,
Я сюда прибегаю.

И все кажется мне,
Что без этого леса
Я прожить на земле
Не смогу даже месяц.

И зимой и весной,
В октябре или в мае
Я люблю этот лес,
Почему? Сам не знаю.

Динка — это собака. Ее хозяйке Лене **САВЕНКОВОЙ** тринадцать лет. Лена и Динка живут на берегу Азовского моря, в городе Жданове.

Динка

Рыжая, вертлявая она.
Участь ей бесхвостая дана.
Гавкает, кусается, рычит,
Умная она, но все ж ворчит.
Большие лохматые ушки
Смешливо торчат на макушке.
Штаны. И жабо на груди.
Носик—пуговка впереди.

Игорь **БОГОУТДИНОВ** живет в Полтаве. Он еще не пионер. «У меня день рождения летом,— говорит Игорь,— но я люблю осень. Я придумал про осень стих».

* * *

Вот настала осень.
Холодно на улице.
В луже возле сада
Плавает листок.

Тринадцатилетний **Миша ТИМОФЕЕВ** из города Волжского сочиняет фантастические рассказы. Вот один из них.

Ошибка в чертеже

Этот эксперимент проводился впервые. Хотя ничего удивительного не было (как-никак XXI век), но мы все же очень волновались, когда залезли в машину, которая должна полететь быстрее времени.

Мой партнер ждал приказа начать эксперимент.

10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1. Пуск!

Машина отделилась от Земли. У нас есть возможность полететь в любое из созвездий, которые астрономы видели только в мощные телескопы. Мы выбираем созвездие Гончих Псов. Через три минуты мы будем там. Осталась одна минута... Стоп! Приехали.

Надеваем скафандры, отвинчиваем крышку люка. Светит солнце, вокруг песок, перед нами небольшое здание. Возможно, что именно здесь обитают разумные существа. Неслыханная удача! О, да вот и одно из существ, несомненно, разумное!

Это было не существо, а наш биохимик Вася.

Он, конечно, очень удивился, увидев нас у дверей базы № 5.

— Как вы сюда попали?

Я молча сел на песок. Скорее всего, небольшая ошибка в чертеже. А может...

Хотя, кто знает, что это может быть.

Наташе ГУСЕВОЙ двенадцать лет. Она живет в Подмосковье, в городе Ногинске.

* * *

Тихий июньский вечер.
Свод—как из бархата
соткан.
Западный край лишь
немного
бархата черного порван.
Будто заткали все небо.
Кончилась ткань— подлатали
Розово-синим кусочком,
Звезды вразброс пришивая.

Люда ПАРЬЕВА с лошадьми знакома достаточно близко. У нее в совхозе их целый табун. Живет Люда в селе Мордвинцеве, Волгоградской области.

В ночное

Вечер. Копны в поле.
Грязь из-под копыт...
Вот оно, раздолье—
Мимо глаз летит.

Я коня пришпорю
И пригнусь к спине.
Хорошо в ночное
Мчаться на коне!

Нет, не сойдет!

Он похож и в то же время не похож на настоящего детектива — на того, который темной ночью крадется с фонариком и пистолетом в руках по страницам приключенческих повестей.

Лицо простое, приветливое, плечи широкие, рукопожатие крепкое, как у настоящего самбиста, глаза... Вот глаза как раз — они чуть внимательней, чем у обычного внимательного человека...

Что он умеет лучше всего? Ловить преступников. Его должность имеет самое, наверное, длинное название на свете: старший инспектор уголовного розыска отделения по особо важным делам. Название длинное, а работа — быстрая, решительная, опасная, смелая и очень интересная.

Мы попросили **Сергея Михайловича КАМЕНЕВА** рассказать о своей работе. Потому что он не только преступников здорово ловить умеет, но и рассказывает об этом отлично.

Значит, давайте слушать.

Рисунки Ю. ФОМЕНКО.

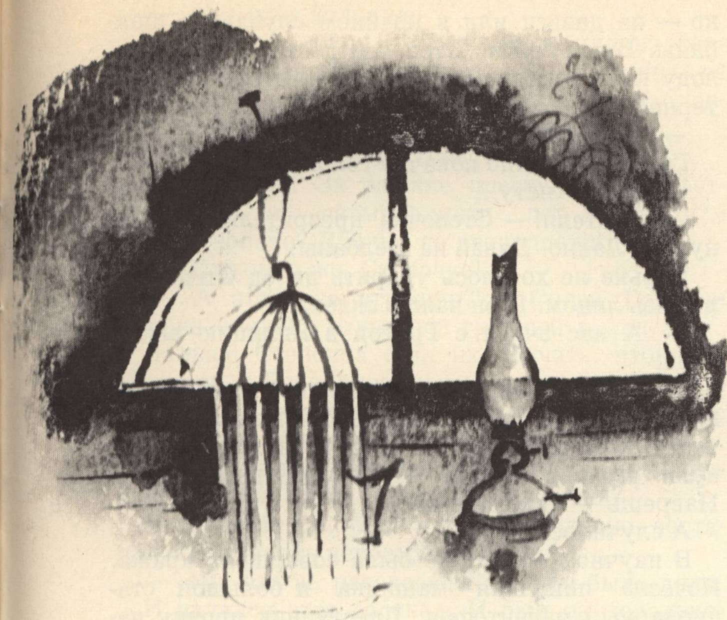
Кавалерийская шашка

Заныли тормоза, и почти тотчас дверь отделения милиции распахнулась.

— Помогите, беда! Похитили ценный подарок!

Иностранный гость (по иронии судьбы криминалист) приехал в СССР для обмена опытом работы. Кроме того, он был страстным собирателем оружия. И вот гостю для криминалистского музея его страны поднесли подарок — старую гусарскую шашку, которая сверкала еще на Бородинском поле.

Шашка лежала на заднем сиденье автомашины, гость отправился пообедать. Вернулся — дверцы распахнуты, шашки нет!.. Вести это дело поручено было мне.

Признаюсь, не совсем обычное дело. Да и пропажа какая-то странная. Шашка не золотая, не серебряная — словом, особой ценности как будто не представляет. Какой же вывод? Или ее украл человек, понимающий толк в оружии, коллекционер, или... или мальчишка.

Кого же искать?

Из рассказа пострадавшего (вот он, протокол, лежит передо мною) известно: в машине оставались плащ, шляпа, еще какие-то ценные... Ценные для взрослого вещи!

Решаю искать мальчишку. Отправляюсь в ближайшую от места происшествия школу, пока, признаться, без определенного какого-то плана. А в школе переменка — шум, гам, беготня. В уголке знакомая учительница отчитывает ребят. Завидев меня, говорит:

— Вот я на вас в милицию сейчас пожалуюсь, будете знать, как носиться сломя голову!

Я молчу: не нравится мне, когда людей милицией пугают. А ребята оборачиваются, мол, что за дядька. Учительница опять:

— Чего смотрите? Это инспектор уголовного розыска!

Тут лица ребят изменились. Нет, не испуг на них появился, а жгучее любопытство, Мне почему-то сразу подумалось: эти помогут.

— Тайну, — спрашиваю, — хранить умеете? — Кивают утвердительно. — Чтоб даже Лариса Петровна не знала? — Учительница пожала плечами и отошла. — Тогда жду вас в пять часов в ЖЭКе. Точка.

Явились они не то что минута в минуту, а секунда в секунду. Я кратко изложил суть дела. И снова предупредил: не болтать, но слушать, смотреть. Шашка такая штука, что обязательно кому-то похвастать ею захочется!

— Не беспокойтесь, — сказал один из троих, рыжеволосый парнишка. — Гнаповцы тайну хранить умеют.

— Кто-кто?

— Сокращенно: готовы на подвиг всегда, Генка — Никита — Васька.

— Ладно, договорились, — сказал я серьезно. — Особо прошу вас обратить внимание на ребят, которые интересуются иностранными машинами.

— Понятно!

И мы расстались.

Шли дни, Я действовал по своим каналам, гнаповцы по своим. Однако дело двигалось слабо. Иностранный гость волновался, не сегодня-завтра ему надо было уезжать на родину. Я подключил к делу ребят из других школ, но почему-то особая надежда была у меня именно на первую тройку.

И я не ошибся! Однажды, примерно через неделю после нашей первой встречи, на моем рабочем столе затарахтел телефон. И так нетерпеливо затарахтел он, что я сразу почувствовал: будет серьезный разговор.

Звонили гнаповцы!

— Дядь Сереж!... Сергей Михайлович! Обнаружена подозрительная личность. Это знаете кто!.. — Ребята назвали имя и фамилию мальчишки. Я специально не пишу здесь его имени и фамилии по причинам, которые станут вам понятны несколько позже.

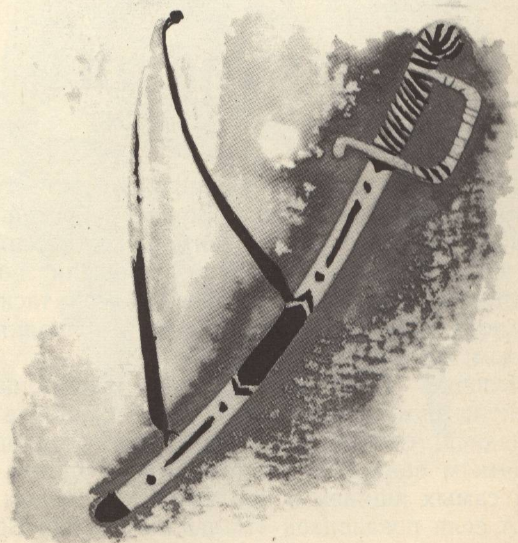
Парень тот, по данным Гнапа, любил крутиться возле иностранных машин, не брезговал объедками жевательной резинки, окурками заграничных сигарет.

— Он мог это сделать, — заключили гнаповцы, — мелковатый парень...

Меня однако взяло сомнение. Улик-то нет. Одни голые подозрения. Поэтому я приказал своим друзьям: 1) держать любителя иностранных машин под наблюдением; 2) ничего решительного не предпринимать; 3) на глаза ему попадаться поменьше.

На том и расстались. Но уже в тот же вечер опять позвонили ребята:

— Дядь Сережа! Нашли шашку!

— Где?!

— На чердаке того дома, где он живет.

Я немедленно приехал. Дом это был старый, трехэтажный. По черной лестнице мы поднялись к чердачной двери. На ней висел полупудовый замок, однако дверь легко открывалась: гвозди в одной из кованых петель были кем-то аккуратно вынуты. Спасая головы от низких балок, спотыкаясь о какую-то заросшую пылью рухлядь, мы прошли в самый темный угол. Я посветил фонарем — на ржавом крюке висела шашка! Я взял в руки и сразу понял: та самая!

Вот и конец истории.

Вы спросите: а что же стало с тем, кто выкрал шашку из машины иностранного гостя?

Он, как говорится, живет и здравствует, кончает свой седьмой класс.

Распрощавшись с гнаповцами, я отправился к нему домой. Разговор был неприятный — и для меня и для него, конечно. Андрей (имя здесь я называю условное) во всем сознался. Дал слово никогда больше не становиться на скользкий этот путь. И, как я знаю, слово свое он держит!

Когда мы уже расставались, я спросил его:

— Андрей, на что ты надеялся, когда воровал эту шашку?

Он ответил:

— Думал, никто не узнает!

Знакомый ответ! К сожалению, ребята — и пока что их не так уж мало, — которые совершают хулиганские, антиобщественные поступки, часто надеются: сойдет, милиция не узнает!..

Да нет, не сойдет. Знает милиция таких ребят, внимательно следит за ними. И только потому не принимает крутых мер (которых в нашем арсенале предостаточно), что верит в этих ребят, верит в их человеческие качества.

По сути, милиция — строгое учреждение, но скажу вам по секрету: у нас работают люди, которые больше всего на свете не любят отправлять ребят в колонии.

Магнитофон

За сараями на старых ящиках сидели трое: Борька, Грига и Степочка. Борька с Григой были в общем-то обычные ребята, пятиклассники: прилежно учили географию, дрожали перед контрольной по алгебре, двоек домой таскали не много, общественные поручения выполняли. Словом, все как положено.

Степочке было лет около шестнадцати. В школе он не учился уже год, на работу не устраивался, однако деньжата у него водились. Любимым занятием Степочки было сидеть на этих самых ящиках и поплевывать в синее небо. А если показалась «малышня» вроде Борьки с Григой, то можно и «придрать» их в очко — на деньги или в крайнем случае на щелбаны. Вот и сейчас Степочка достал пухлую колоду карт, шлепнул по ней не очень чистой пятерней и сказал небрежненько:

— В банке рупь... поехали?

Грига смущенно покачал головой:

— Денег нету...

— Деятели! — Степочка презрительно хмыкнул. — Ладно. Давай на щелбаны.

Борьке не хотелось ударить перед Степочкой в грязь лицом. И он важно сказал:

— А нас вчера с Григой в милицию вызывали!

— Чего?! — вдруг неожиданно заинтересовался Степочка. Лицо его резко изменилось. Исчезла кривая ухмылка, а в глазах промелькнули огоньки страха. — А ну-ка докладывай. Наврешь — схлопочешь!..

А случилось вот что.

В научном институте была совершена кража. Исчезла пишущая машинка и большой стационарный магнитофон. Преступник проник через окно. Обычная в таких случаях сигнализация была не подключена: институт недавно въехал в новое помещение.

Бабушка-сторожиха охала, плакала, но сообщить нам ничего толкового не могла. За дело взялся милицейский пес Мурат. Он быстро взял след, чуть походил по комнате, затем вскочил на подоконник, с подоконника спрыгнул в садик (это был первый этаж), рванулся к кустам. Проводник, не выпуская поводка, бежал следом.

Я только и успел подумать: «Отличный пес!» И тут раздался громкий лай — под одним из кустов стояла... пишущая машинка. Вот так удача!

Однако затем дела пошли хуже. След вывел Мурата на улицу и здесь потерялся среди тысячи других следов.

Я вздохнул про себя: все ясно. Начинались наши милицейские будни — поиски и опрос свидетелей, поиски подозреваемых лиц. Долгая, кропотливая, обычная работа.

Вдруг сторожиха вспомнила:

— Тут двое мальчишек все крутились!.. Я-то думаю, чего они крутятся? А дело, вишь, как обернулось!

«Подозрительных» ребят мы нашли быстро. Ими оказались «те самые» Грига и Борька. Побеседовали с ними и отпустили. По всему было ясно, что к краже они отношения не имеют: просто играли во дворе да и все...

Забытые карты валялись на земле. Степочка держал обоих друзей за грудки и ласково втолковывал:

— Сейчас пойдете и скажете: «Дядечка, миленький! Больше не будем. Это мы залезли».

— Ты что?! — изумился Борька. — Что мы, чокнутые? Раз мы не делали...

— А ты кореша выручить можешь?!

— Какого кореша?.. Так это?!

— Молчи! — Степочка поднес к самому Борькиному носу здоровенный грязный кулак.

Вдруг заплакал Грига:

— Нас же в колонию!

— Не ной, дура! — Степочка вынул из кармана затрепанную книжицу. На обложке ее Грига и Борька с трудом разобрали: «Уголовный кодекс». И почтительно замерли.

Степочка уверенно открыл страницу:

— Читайте! За тяжкие преступления ответственность с четырнадцати лет. Поняли?.. А вам сколько? Дай бог по двенадцати!

— Страшно же, Степочка!

— А этого не страшно?! — Снова Грига и Борька увидели огромный грязный кулак.

Дальше Степочка стал их обучать, что надо говорить. Взбадриваемые подзатыльниками, Грига и Борька быстро выучили «урок» и уже часа через полтора были у меня в кабинете.

— Дяденька! Это мы своровали! — и заплакали: сперва Грига, а за ним и Борька.

Я, признаться, был удивлен. Однако постарался сохранить невозмутимый вид.

— Ну, что ж, рассказывайте, как было дело.

И начался этот рассказ. И был он довольно-таки странный. В чем именно его странность, сразу определить мне было трудно. Слушал я их, слушал — все вроде б сходится. Грига даже штанину задрал.

— Во, — говорит, — оцарапался, когда через кусты лез.

Смотрю я — царапина действительно свежая... И эта «неоспоримая улика» окончательно меня убедила: врут!

Обычно, когда преступник «делает признание», он обязательно что-то путает, что-то не так говорит: или хитрит, или просто волнуется, забывает. А эти так гладко все излагают, словно хорошо выученный урок (я тогда не знал, что они и в самом деле «урок» отвечали).

Но, несмотря ни на что, я был рад даже и этой ниточке. Ребята, рассуждал я, каким-то образом связаны с преступлением. Иначе зачем бы они явились?

А мы, между прочим, ни преступника пока не нашли, ни магнитофон... И тут вдруг у меня мелькнула идея:

— Так, значит, говорите увидели распахнутую форточку, потом открыли окно?..

— Ага...

— Залезли внутрь, взяли машинку, взяли магнитофон, так?

— Так-так!..

— А как все это на улицу вытаскивали?

— А вот он, Грига... Григорий на окне стоял, а я ему подавал...

— Понятно.

— А потом мы магнитофон и машинку в кустах оставили, чтобы их после забрать, и когда через кусты пробирались, он ногу...

— Поцарапал. Это я знаю... Давайте-ка вернемся немного назад. Гриша, значит, стоял на окне, а ты ему магнитофон подавал?

— Да...

— А ну-ка, Боря, подойди сюда. Подними-ка мой стол.

Борька взялся за край стола, подергал-подергал, попыжился... Не выходит!

Я говорю:

— А может, вы напутали? Может, ты на окне был, а Гриша подавал?

Они обрадовались:

— Ага, точно, перепутали...

— Ну, тогда иди сюда, Григорий, подымай!

И у Григи ничего не вышло!

— Так как же, — спрашиваю, — вы сумели украсть вещь, которую даже с места стронуть не можете?

«Преступники» молчали. И постепенно их сопение перешло в чистосердечный рев.

Говоря по правде, я тут немного прибавил. Магнитофон (хоть и стационарный) был, конечно, легче стола. Но все же слишком тяжел для ребят. Это-то меня и навело на подозрение.

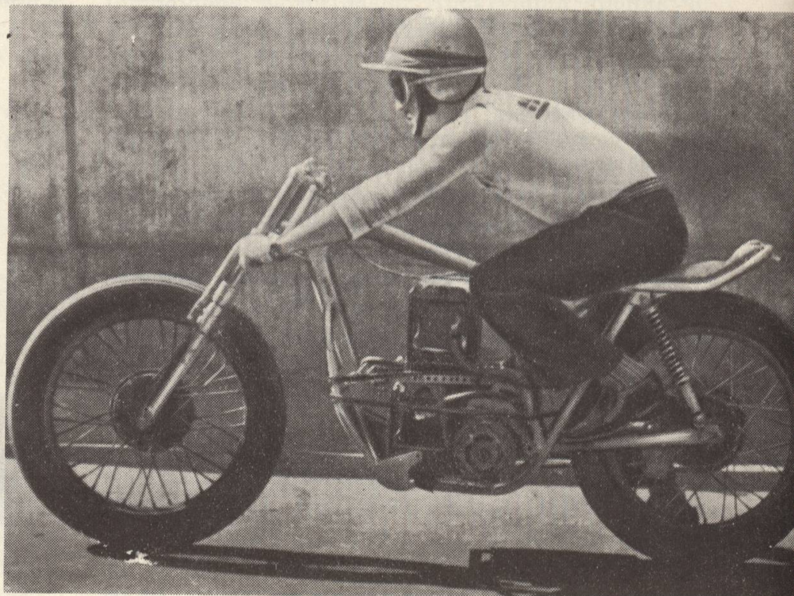
Степочка получил свое по заслугам! А с Гришей и Борисом был у меня разговор на пионерском сборе.

Думали они выгородить «дружка», совершить геройский поступок, убоявшись Степочкиных кулаков. А вышло худо!

Знакомься: электромобили!

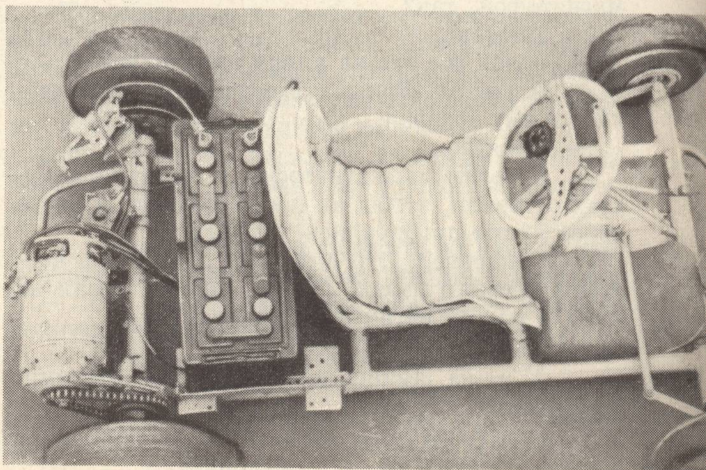

Гоночный электромотоцикл во время испытаний. Хорошо видно, что аккумуляторы укреплены один над другим, а электродвигатель на раме, ближе к заднему колесу.

Первый советский рекордно-гоночный электромобиль ХАДИ-11э на площади Харькова. За рулем — один из создателей машины, конструктор Юрий Стебченко.

Так выглядит электрокарт сверху. Позади сиденья водителя — аккумуляторы и электродвигатель постоянного тока.

На снимках — семейство электромобилей, сконструированных студентами Харьковского автомобильно - дорожного института (ХАДИ).

ЭЛЕКТРОКАРТ с виду не отличишь от обычного карта. Но в пути разницу заметишь сразу; электрокарт бесшумен. На нем установлен электрический двигатель почти такой же по мощности, как на обычном небольшом карте. Он питается от одного или двух свинцово-цинковых аккумуляторов напряжением 24 вольта. Скорость машины — 20 километров в час — вполне достаточна для маленькой гоночной машины.

Легкий **ЭЛЕКТРОМОТОЦИКЛ** на испытаниях осенью прошлого года показал скорость 85 километров в час (мощность двигателя та же, что и у карта, но аккумуляторов не два, а три).

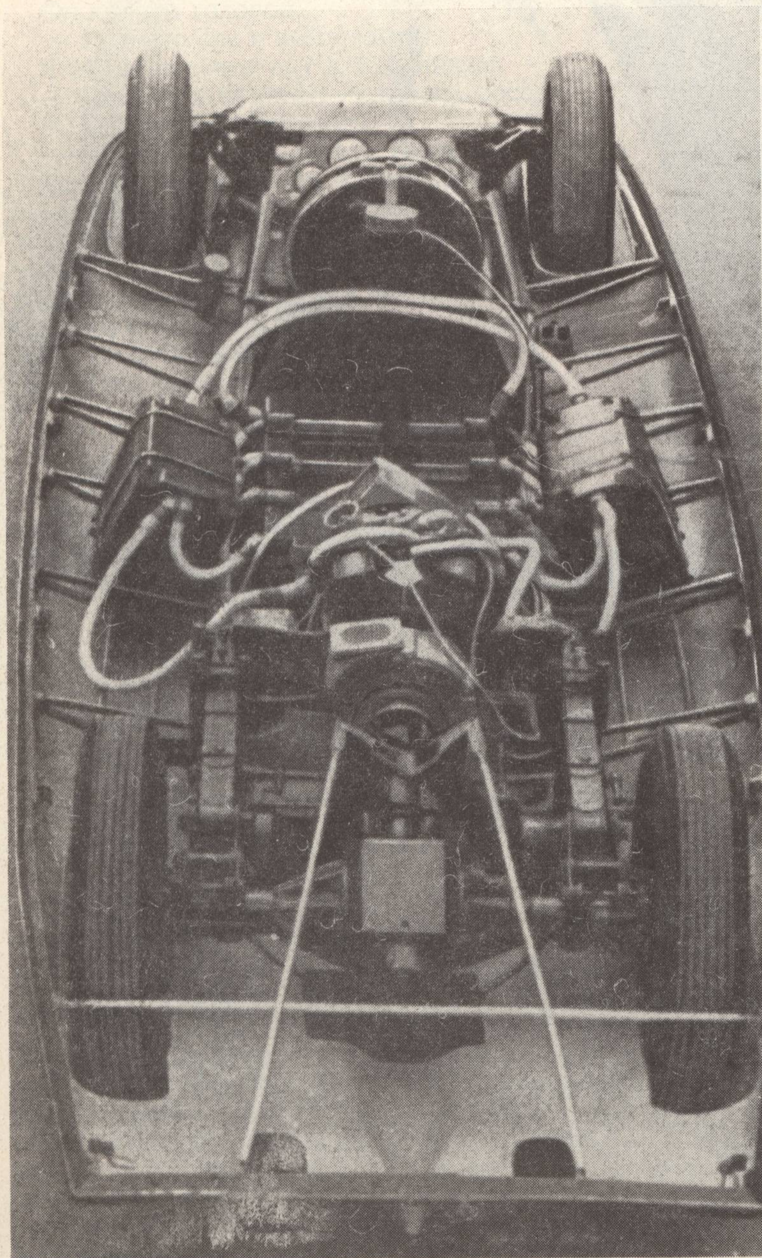
20 и 85 километров в час! Казалось бы, не такая уж большая скорость. Даже у маленького «Запорожца» она больше ста километров, не говоря уж об автомобиле с реактивным двигателем, который недавно поставил абсолютный рекорд — 1 014 километров в час! Но эта почти самолетная скорость обычному автомобилю вовсе и не нужна. Специалисты считают, что даже через шесть—десять лет на скоростных автострадах автомобили будут мчаться со скоростью не больше 230—250 километров. А в пределах города скорости и в будущем сохранятся небольшие — 60—100 километров.

Поэтому студенты-конструкторы не стремятся сильно увеличивать скорость своих машин. Они делают электромобили прежде всего маневренными, бесшумными, а главное, эти машины не загрязняют воздух выхлопными газами.

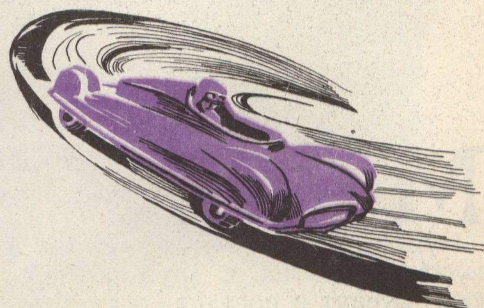
На третьем снимке — первый советский гоночный **ЭЛЕКТРОМОБИЛЬ ХАДИ-11.** На разных дистанциях он показал высокие скорости: 93, 109 и 145 километров в час. Значит, и электромобилю по силам «быстрые» километры!

Интерес к новым машинам огромный. Когда электромобиль выехал на одну из площадей Харькова, его сразу окружили, и я никак не мог подойти к машине, чтобы ее сфотографировать. Пришлось обратиться к сотруднику ГАИ. Должен сказать, что и он заинтересовался машиной. В этот момент мне и удалось сделать снимок.

В. ЗАХАРОВ.

А это ХАДИ-11 без обтекателя. Восемь аккумуляторов (позади сиденья водителя) снабжают энергией электродвигатель (в центре) мощностью 10,5 киловатта.

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

МОЯ РОДИНА — СССР

НУНЯМО — поселок охотников

Олег ТИХОМИРОВ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Мы идем на вельботе по заливу Лаврентия к маленькому поселку Нунямо. Везем яблоки.

Нунямо стоит на мысу: с одной стороны залив Лаврентия, с другой — Берингов пролив. Живут в поселке эскимосы и чукчи. Они стреляют моржа и нерпу, ставят капканы на песца, ловят рыбу.

Я сижу на ящике, от которого пахнет садом. До чего же чудно вдыхать этот запах здесь, на далекой Чукотке, в студеном море! О борта нашего вельбота шелестит шуга — мелкий ледок. Он напоминает, что залив скоро замерзнет. Тогда от поселка к поселку будут ездить по льду на собачьих упряжках.

А пока что мы добираемся в Нунямо на

вельботе — большой моторной лодке. На ней есть и весла — на тот случай, если двигатель заглохнет.

Нунямо по-эскимосски значит «открытая земля». Я смотрю на медленно проплывающие с двух сторон берега (до них пять—семь километров) и нигде не вижу «открытой» земли. Кругом сопки, то гладкие, то скалистые. Некоторые из них напоминают хребет какого-то исполинского динозавра. Вот сейчас он шевельнет своим хвостом, повернется к нам — и лодки как не бывало.

Сопки еще не покрыты снегом, лишь кое-где слегка припудрены. Да и зимой некоторые из них остаются голыми: сильные ветры все сдувают. Сейчас конец октября.

Стало смеркаться. Наш вельбот обогнул еще один небольшой мыс, и вдалеке на берегу показались огоньки.

— Нунямо?— спросил я соседа.

Он кивнул головой.

— Нунямо. Вы к кому едете?

Я объяснил, что еду к охотникам.

— Где жить будете? — спросил сосед.

— Где-нибудь устроюсь.

— Можно у меня. Места хватит.

Так я познакомился с Николаем Никуляком. В разговоре выяснилось, что это и есть тот охотник, с которым мне хотелось встретиться. Он больше всех сдал песца, втрое перевыполнил план. Да и по добыче морского зверя бригада, с которой промышляет Никуляк, занимает среди нунямских охотников первое место.

Мы приближались к поселку, и рулевой круто направил наш вельбот в небольшую бухту, образованную речкой Нунямкой (вообще-то речка эта безымянная, Нунямкой ее ребятишки прозвали).

Громко затарахтел двигатель, и откуда-то из темноты выполз трактор с большущими санями-волокушами. Мы погрузили на них ящики, и трактор легко двинул в гору.

К Никуляку подошли жена Кира и сын — второклассник Андрейка. Пока мы шагали за трактором, Андрейка сосредоточенно грыз вафли, которые привез ему отец. Но вот он расправился с последней, улыбнулся и спросил:

— Вы к нам приехали?

— К вам.

Андрейка помолчал, посмотрел на меня внимательно.

— Вы учитель?

— Нет. Почему учитель?

— А очки?

Мы все засмеялись.

Андрейка говорил по-русски чисто, без акцента.

Между тем подъем кончился, и трактор повернул к магазину, что помещался в крайнем доме, а мы пошли дальше.

Судя по светящимся окнам, поселок был большой. Но рассмотреть его толком я не мог: уже совсем стемнело. И еще можно было догадаться, какое несметное количество собак в этом поселке. Вой их доносился отовсюду. Это был обычный вечерний концерт.

Теперь я вижу серовато-бурую тушу моржа. Вот показались и тут же скрылись под водой его ласты.

Потом-то я к нему привык, а в тот первый вечер слушал, и становилось как-то не по себе.

— Вот и пришли,— сказал Никуляк, остановившись у одного из домиков.

С крыльца тенью метнулись собаки.

Никуляк толкнул дверь, первый прошел в сени, включил свет. Сени маленькие, холодные (здесь хранится мясо), в углу стоят ружья.

Хозяин открыл еще одну дверь, и мы вошли в дом. У Никуляков две комнаты. Столовая и спальня. Убранство их ничем, пожалуй, не отличалось от убранства деревенских комнат в русской деревне. В столовой стояла большущая железная бочка с водой, выкрашенная голубой краской: запас воды примерно дней на десять. Развозит воду по домам трактор. А набирают ее в речке. Вода чистая, вкусная.

Несколько фотоувеличителей стоят в углу на столике, тускло блестят. Чем-то они похожи на рыцарей в латах. Никуляк, страстный фотолюбитель, сразу кинулся показывать мне свои снимки. Но Кира, его жена, сказала:

— Сначала за стол. Поедим с дороги.

Обыкновенный скромный ужин — так показалось бы каждому, кто взглянул бы на наш стол: мясо, яйца да еще что-то черное в неглубокой тарелке (будто мелко нарезанные кусочки автомобильной камеры). Но вот выясняется, что мясо — нерпичье, крупные яйца в зеленоватой скорлупе снесла кайра (летом их собрали на «птичьем базаре», сварили, и они сохранились до сих пор в холодной кладовке), ну а черные кусочки не что иное, как мантак — китовая кожа с тонким слоем жира, любимое блюдо эскимосов.

Яйца мне не очень понравились, прославленный мантак (употребляется он в сыром виде) довольно-таки вкусен, хотя вначале кажется, что и в самом деле жуешь нечто похожее на резину. Нерпичье мясо превосходно. Его-то я и нахваливал. Но несколько позже я понял, что хвалить следовало в первую очередь совсем не то. Нерпа и морж — повседневная еда, а вот кайриные яйца были украшением стола, деликатесом. Не разобрался, каюсь.

Зато Андрейка сразу разобрался в грушах, которые я привез. Восторженно удивлялся. и все предлагал матери и отцу попробовать. Свежих груш не приходилось ему есть до сих пор, лишь консервированные.

— Нравится?— спросил у него отец.

— Ага. Как яблоко. Только вкусней.

Хозяин включил приемник.

— Говорит Москва,— сказал диктор.— Московское время девять часов...

Подумать только! В Москве утро. Начинается день. А здесь мы заканчиваем ужин. Десять часов разница. О Чукотке раньше говорили — край земли. Да и сейчас говорят. Но сейчас есть самолеты. Чукотка приблизилась.

В 1724 году Петр I послал Витуса Беринга выяснить, «где Азия сошлась с Америкой». Была снаряжена экспедиция. Беринг отправился в долгий путь. Теперь пролив между Азией и Америкой называется Беринговым.

От Нунямо до мыса Дежнева рукой подать — несколько часов ходу.

Но задолго до этого, в 1648 году, русский мореплаватель Семен Дежнев первый прошел этот пролив на сбитых из бревен кочах, открыв таким образом морской путь вокруг северо-восточной Азии. В честь Дежнева назван самый северо-восточный мыс материка. Здесь же стоит и памятник ему.

От Нунямо до мыса Дежнева рукой подать — несколько часов на вельботе. Как раз туда и направляется сейчас наш вельбот. Это бригада охотников вышла в море бить моржа, и я с ними.

Несколько дней я ждал этого случая, но дул сильный ветер, по морю гуляли огромные волны, и охотники на промысел не выходили. А сегодня день как на заказ. Море успокоилось, светит солнце. Я ужасно рад этому; в руках у меня два фотоаппарата: один — с черно-белой пленкой, другой — с цветной, и можно не опасаться, что брызгами будет заливать объективы. Даже пальцы сегодня не мерзнут. Чудо, а не погода! Была бы только охота удачной!...

Никуляк словно читает мои мысли.

— Сегодня морж будет.

Люди, которые сейчас рядом со мной, спокойны. Охота издавна главное занятие эскимосов и береговых чукчей, все равно как уборка хлеба для землепашца. Отцы, деды, прапрадеды — все были охотниками.

На севере основная еда — мясо. Правда, сейчас в магазинах много и других продуктов, но все же непременным блюдом на столе у коренных жителей остается мясо.

Конечно, охота на морского зверя давала береговым жителям Чукотки не только мясо. Они везли на ярмарку лахтачьи[1] ремни, китовый и нерпичий жир, плащи, сшитые из моржовых кишок. В свою очередь, тундровые чукчи снабжали береговых оленьими шкурами, из которых шили одежду и пологи для яранг[2].

Рулевой Кергин, стоящий на корме, правой рукой держит бинокль, левая лежит на длинной рукоятке рулевого управления. Вот он, кажется, увидел моржа.

Я гляжу в ту сторону, куда смотрит рулевой, но, кроме отблесков солнца на легкой волне, ничего не вижу.

— Морж?— спрашиваю у Никуляка.

— Угу,— кивает Никуляк и тут же вскакивает, бросается с винтовкой на нос вельбота, где уже стоят два стрелка.

Теперь и я вижу серовато-бурую тушу моржа. Вот показались и тут же скрылись под водой его ласты. Ушел. Моторист Кияко увеличивает обороты двигателя.

Но где теперь искать моржа? Он может проплыть под водой метров триста. Может

А это Андрейка.

пройти под вельботом и оказаться далеко позади. А там опять вынырнет на миг, наберет воздуха — и поминай как звали.

Вельбот пошел тише. Все напряженно вглядываются, не покажется ли где клыкастая голова. Стрелки вскинули винтовки.

Вот он!

Ударили торопливые выстрелы. Рядом с моржом взметнулось несколько фонтанчиков. Но он снова мягко нырнул, блеснув короткими ластами.

— Мимо?— спросил я у Никуляка.

— Зачем мимо? Попали.

Вельбот делает рывок метров на пятьдесят и почти замирает. Двигатель работает на самых малых оборотах.

Теперь как только покажется морж, его нужно загарпунить. Миша Жиринтан взялся за древко гарпуна. К гарпуну привязана капроновая веревка, а на веревке «пузырь» — зашитая и надутая воздухом нерпичья шкура. Этот-то «пузырь» не позволяет загарпуненному моржу нырять. Не дает и утонуть.

Могут спросить: а не перебьют ли на Чукотке всех моржей и нерп? Нет. За последние десятилетия их стало больше. Охотиться на них разрешено только местным охотникам, и не когда им вздумается, а строго в определенный период и лишь в необходимом для охотников количестве.

Вельбот наш неожиданно рванулся с места. Миша Жиринтан резко взмахнул рукой, и гарпун вонзился во всплывшую бугристую тушу.

Добычу привязываем к вельботу. Рулевой поворачивает к берегу.

---

[1] Лахтак — морской заяц. У него очень прочная шкура.

[2] Кочевники-оленеводы жили в разборных, переносных ярангах из оленьих шкур. Оседлые береговые охотники складывали стены яранг из дерна, крыша была из моржовых шкур. И спали в пологе на шкурах. Отапливался полог жирником. Светильник наполнялся топленым нерпичьим жиром, в котором плавал фитиль из мха.

На этот раз охота прошла гладко, без происшествий. И за моржом не гонялись весь день, и волны не швыряли лодку, не мешали стрелкам целиться, а гарпунщику бросать гарпун, и двигатель не заглох, и вернулись мы невымокшими и засветло.

А часто ли так бывает? Спросите-ка у охотников.

Вчера был шторм, а сегодня море успокоилось, мирно облизывает прибрежные камни. Вчера громадные волны расшибались о скалы и стоял грохот, словно били из пушек, а сегодня тихо, слышно, как кричат чайки да тарахтит деловито трактор — тащит к школе кузов с углем.

Мы с Андрейкой идем по берегу, говорим о том о сем, собираем мидии. Здесь их много. Мы берем самые крупные.

Спугиваем чаек с громадных китовых ребер, которые лежат возле самой воды. Волны трепали их, трепали, а все же остались кусочки мяса, вот чайки их и склевывают. Попадаются и китовые позвонки. На них иногда садимся отдохнуть.

Мы поднялись на высокий холм, круто обрывающийся к морю. Отсюда хорошо видны рыжие сопки на берегу и далекий, синеющий на горизонте мыс. А позади нас как на ладони поселок Нунямо.

Мне и в самом деле школа понравилась. Классы небольшие, но светлые и чистые.

Поселок стал родным для Андрейки, хотя семья Никуляков, как и другие эскимосские семьи, живет здесь всего лишь несколько лет. Раньше в Нунямо жили только чукчи. Эскимосы приехали сюда из старинного поселения Наукана, расположенного на обрывистом берегу за Уэленом.

Никуляк рассказывал, что жилища там были пристроены к расщелинам крутых скал, словно гнезда кайр. Ниже под жилищами стояли вельботы и байдары. Была хорошая охота: чуть ли не на «моржовой тропе» стоял поселок. Даже из других мест приезжали туда охотники бить зверя. Но потом зверь стал пуглив, стал избегать науканской «тропы». Охотникам приходилось отправляться далеко в море.

В других поселках чукчи и эскимосы жили в деревянных домах, а на обрывистых скалах Наукана разве построишь такой дом? Задумались науканцы, как жить дальше. Покидать родные места горько, и все же решились. Погрузили свой скарб на вельботы и взяли курс на Нунямо.

Но прежде чем уйти с дедовских мест, вельботы сделали по нескольку кругов — прощались с Науканом. «Кира моя плакала, — рассказывал Никуляк. — И все женщины плакали. У мужчин тоже на глазах были слезы. А приехали в Нунямо, каждой семье дом дали. Встретили, как родных».

— Вон наш клуб, — показал Андрейка, — смотрите...

Я тоже уже разобрался в расположении нунямских домов и стал перечислять:

— Вон магазин, вон правление, вон сельсовет...

— А где школа?

— Да вон, — показал я, — из трубы дымок идет.

— Уже были там? — разочарованно спросил Андрейка.

Ему, видно, самому хотелось сводить меня в школу.

— Был.

— Хорошая школа, правда?

— Правда.

Мне и в самом деле школа понравилась. Классы небольшие, но светлые, чистые. Тепло: в каждом классе круглая железная печь. Никакой мороз не страшен. Пока я фотографировал ребят, взмок от жары. Учительница улыбнулась: «А когда я училась, помню, иной раз сидели мы в шапках, в меховой одежде. Чернильницу в руках держали — грели, не то чернила замерзнут».

Внезапно подул ветер. Порывы его принесли сверкающую снежную пыль. По морю побежали белые барашки.

— Пошли, — сказал я Андрейке, — а то замерзнешь тут наверху. — Мне показалось, что он слишком легко одет.

— Я? — Мальчик сдвинул шапку на затылок. — Я тут однажды целый день простоял. Холоднее было, и то не замерз.

— Что ж тебе дома не сиделось?

— Вертолета ждал. Отец на вертолете улетел.

Вот что я узнал от Андрейки на обратном пути к дому.

Случилось это прошлой зимой. В тот день охотники отправились бить нерпу на припай — так называется прибрежная кромка льда. Тогда стоял «большой» припай — шириной пятнадцать километров. Уехал на нарте и Никуляк.

Попадаются и китовые позвонки. Иногда мы садимся на них отдохнуть.

Охотникам повезло. Никто пустым не вернулся. Никуляк тоже двух нерп привез. Все были довольны, рассказывали про удачную охоту, шутили.

Только два охотника остались на припае: у них все не ладилось в тот день. Долго не показывалась нерпа. Потом один из охотников промахнулся: бил с большого расстояния. «Мы еще часа два побудем», — решили они, когда другие охотники стали собираться домой. Но минуло три часа, четыре, пять, а те двое все не возвращались. Потом пришла собачья упряжка. Вот тут-то и забили тревогу. Почему собаки прибежали одни?

И снова мчатся охотники на припай. Смотрят, оторвало от припая большущую льдину и унесло в море. Из Нунямо сообщили о беде в поселок Лаврентия. В Нунямо прилетел вертолет. Одного из охотников, Никуляка, вертолетчики взяли с собой, чтобы показал, где искать пропавших.

Вертолет улетел, и долго его не было. «Не случилось ли чего?» — волновались в поселке. Люди собрались на холме и смотрели,

не покажется ли в небе черная точка — вертолет.

Закончилось все благополучно. Вертолет снял охотников с льдины живых и невредимых. Чтоб не замерзнуть, они бегали все время по льдине.

...Ну вот и пришли мы с Андрейкой к дому.

— Мам, — сказал он, открывая дверь, — смотри, сколько мидий набрали.

— Сами варите, — ответила нам Кира.— На работу бегу.

Мы не обиделись. Мидии варить просто: бросил в кипяток — и все дела. А у Киры свои заботы: спешит в пошивочную мастерскую. Там шьют шапки, торбаса[1], кухлянки[2].

Поселок Нунямо относится к колхозу имени Ленина. Центральная усадьба находится километрах в пятидесяти отсюда, в поселке Лорино. Нунямо — одно из отделений этого богатого колхоза.

Колхоз объединил тундровых и береговых жителей. Хозяйство теперь у него многоотраслевое. Пастухи угоняют далеко в тундру оленьи стада. (А оленей у колхоза, знаете, сколько? Двадцать тысяч голов!) Охотники промышляют в море моржа и нерпу. Зимой бьют белого песца. Чукотское «мягкое золото» славится во всем мире. Есть в колхозе и звероферма. Она дает свыше четырех тысяч песцовых шкурок в год.

А молоко! В поселках Крайнего Севера пьют молоко. Нет, не привозное. В Лорино есть своя молочная ферма, свои коровы.

---

[1] Торбаса — сапоги. Зимние шьют из камуса — шкуры, снятой с оленьих лап. Летние — из нерпичьей кожи.

[2] Кухлянка — верхняя зимняя одежда из оленьих шкур.

А это автор очерка писатель Олег Тихомиров.

Только подождите удивляться. Как отнесетесь вы к тому, что здесь, в тундре, выращивают лук, редис, огурцы и помидоры? Рядом с поселком Лорино есть такое местечко— Горячие ключи. Там бьют горячие источники. Колхоз построил парники, и теперь, пожалуйста, круглый год свежие овощи. Птицеферма, что стоит неподалеку от парников, также обогревается горячей водой из источников.

Перемен на чукотской земле много.

Сейчас Чукотка — это еще и край геологов, горняков, энергетиков. Одна «Атомка» (так зовут здесь строящуюся в поселке Билибино атомную электростанцию) чего стоит!

Наступил день расставания. До прибытия вертолета мы с Андрейкой решили в последний раз сходить в горы. То по большим валунам, поросшим лишайником, карабкаемся, то идем по россыпям мелких камней, то по мертвой рыжей траве. Изредка попадаются и деревца. Крошечные, величиной с авторучку.

Смотрю на деревце, удивляюсь.

— А у вас большие-большие растут? — спрашивает Андрейка.

— Большие.

— А деревья шумят?

— Бывает. Если ветер дует.

— Как море, шумят?

Вопросы так и сыплются: «А грибы у вас есть?» «Есть». «Много?» «Много». «И у нас в тундре полно. И ягоды есть?» «Есть». «У нас ягод — объешься».

Вдруг Андрейка побежал куда-то.

— Вот! — Примчался он ко мне через несколько минут и протянул пригоршню черных ягод.

Спрашиваю:

— Черника?

— Шикша. У вас не растет? — Андрейка доволен. — Ешьте, не бойтесь. Только язык черный будет.

Пробую. Нет, черника, пожалуй, вкуснее. А может, просто не привык?

Потом мы вместе собираем шикшу. Попадается и брусника.

Нет, разве не чудеса — собирать ягоду в конце октября на Чукотке! Горы, по которым мы идем с Андрейкой, еще вчера были припудрены снегом, но ночью подул теплый ветер «южак» — то ли растопил, то ли сдул снег, и теперь, пожалуйста, среди пожухшей травы ягоды.

Прилетел вертолет, и мы попрощались с Андрейкой. Заработал винт, и вскоре поселок Нунямо остался внизу. Я смотрел на дома, которые сверху казались совсем маленькими, и вспоминал людей, которые там живут. Живут, никогда не запирая своих дверей на замок.

И еще я подумал, как мне повезло, что я побывал на «открытой земле» — у людей с доброй, открытой душой.

Ильяс ТАПДЫГ

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Ливень. Зайцы испугались,
И косули разбежались.
Дождь прошел. И—
невпопад—
Грянул град. И этот град
Листья превращал в решета.
Он с разбега, он с полета
В ярости и в исступленьи
Падал на рога оленьи,
Разбиваясь. А косули,
Оробев, к скале прильнули.

Жил лесник в своем
шалаше.
Что за дума в его душе?
Трубку, полную табака,
Он зажечь не хочет. Тоска.
Дождь увидев, подумал он:
«Будет лес дождем напоен.
Освеженные этим дождем,
Засияют склоны кругом,
Лес подтянется в высоту.
Но, увы, нам сулит беду
Этот град, что летит с небес
И, как камень, таранит
лес»...

Косуле маленькой пути
Под этим градом не найти.
С дороги сбилась. Как
спастись?
Не ведает, где даль, где
близь.

Смятенье, смута, ералаш...
И вот она пришла в шалаш.
Лесник молчал, едва дыша.
Град бил по стенам шалаша.
Тотчас же перед шалашом
Сверкнула молния, и гром
Загрохотал, и в этот миг
Косуля—гром уже
притих —
Прильнула к старику,—
рука
Ее погладила слегка.
Рассвет. Уже проснулся лес,
Уже полночный мрак исчез,
А град, что бушевал вчера,
Забыт. Рассветная пора.
Запели птицы, как всегда;
Косуля думала: беда!
Бежать! Но привязь
лесника—
Никак не вырваться—
крепка...
Дрожит косуля, как струна,
Копытцем миску ткнув, она
На землю воду пролила,
И та ушла в траву, светла.
Улыбчивый лесник спросил:
— Что, может, мой закон не
мил?
Укутать в бурку потеплей?
Боишься ты меня? Смелей!
Сказал и углубился в лес,
В лесу среди стволов исчез.

Он книгу леса мог читать
И перечитывать опять.
Он видит: у корней в тени
Валялись птенчики, они
Из гнезд упали—выбил град;
Лесному братству он не брат...
А вот боярышника куст,
До града был красив и густ,
Теперь он опустелый дом,
И корчится под тем кустом
Орленок. Сломано крыло.

А день звенит. Светлым светло.
Лесник приблизился к кусту.
Орленок вздрогнул. В высоту
Хотел подняться, но упал.
Лесник орленка подобрал
И на руках унес с собой
В шалаш короткою тропой.
Аптечку-сумку приоткрыл
И смазал вмиг одно из крыл,
То, что сломалось. Рану он
Перевязал. Таков закон
Добросердечия. Потом,
Уж раз попал орленок в дом,
Отрезал небольшой кусок
Баранины и дал ему,
Как в добром водится дому.

Орленок клюнул мясо неуклюже,
Но есть не стал. Взгляд, что до щели сужен
От боли страшной был, открылся вдруг:
Орленок хищно поглядел вокруг,
Огни в глазах отчаянно блеснули:
Он вдруг увидел мордочку косули,
Затрепетал. Косуля— страх, испуг.
Вдруг налетит он!
Истерзает вдруг!
Он рад бы поживиться свежим мясом,
Горячей кровью, но его тем часом
Томит тоска: в обычае орла
Лететь к земле, к добыче, как стрела,
Чтоб—хвать ее! И—ввысь!
И—на скале
То растерзать, что поднял на земле.
Старик задумался: «Чем здесь могу помочь я?
Орленок выживет, когда и днем и ночью
Заботиться о нем. Не хочет есть?
Терпение и труд—лесничья честь.
Не вдруг орленок свыкнется с неволей,
С такой ущербной однокрылой долей...
Ведь и косуля, что травы не ела,
Жует траву, похрустывая смело,
А ты, орленок, что же загрустил?
Крыло залечишь, наберешься сил,
Начнешь тайком бараниной питаться,
Взмахнешь крылом, чтоб в небеса подняться...
Так что ж косуля без воды осталась?
«Пойду!—сказал лесник, прогнав усталость,—
Ей принесу воды!» И вспомнил тут:
Из родниковых глаз косули пьют.
К источнику пошел лесник с кувшином;
Чтобы идти, была еще причина:
Как жив родник? Как пережил он град?

Увиденному был лесник не
рад:
Тот желоб, что лесник
поставил, сброшен
Шрапнелью градин, адовых
горошин.
Старик нагнулся, чтоб
очистить дно,
Лицо омыть водою заодно.

Он косулю кормил сколько
дней?
Сколько раз он
склонялся над ней?
Сколько дней он орленка
кормил?
Стал орленку шалаш его
мил.
Набивал свою трубку
лесник,
Табачком упивался старик,
И над ним, молчаливым,
седым,
Плавал сизыми кольцами
дым.
Он садился легко на коня,
На коне он в течение дня
Ездил по лесу. Слушал,
молчал.
Каждый ствол он в лицо
узнавал.
Возвращался домой в
поздний час.
Тот орленок, которого спас,
Залечил свою рану. Обрел
Свои крылья орленок-орел.
Что ж на волю!.. Он над
шалашом
Покружил и ушел. Хорошо!
Полетел в небеса и с небес
На шалаш поглядел. И
исчез.
И вернулся в жилище
старик,
И косуле дал свежей травы,
И увидел: зверек, он
привык
К шалашу, к шелестенью
листвы
И к рукам его. Может, пора
И ее отпустить? А куда?
А куда побежит со двора?
Не стрясется ли снова беда?
Приласкал он косулю:—Иди!
Да гляди, что жизнь—
впереди!
Развязал веревку:—Беги!
Да гляди, что вокруг враги...

То ли утренняя роса,
То ли ранних птиц голоса,
То ли утренний ветерок
Смыли сумрак, прогнали
прочь.
И лесник наш встал на порог
Шалаша. Он не спал всю
ночь.
Он глядит: ни долин, ни гор
Не видать — застлало простор.
Разливается сизый туман,
Неоглядный, как океан.
Скоро-скоро взойдет заря,
Он исчезнет, туман на заре.
Возликует былинка, горя,
Каждый камешек на горе
Будет виден. Туман ушел.
Небо чистое над шалашом.
Хорошо!
Каждой травке—росинка
дана.
Каждой ветке—слезинка
нужна.
И покинул шалаш лесник.
Оглянулся он, как привык,
И увидел: вернулась она,
Спит—свернулась у очага,
И коснулась косули. Нежна
Любящая рука...

Перевел с азербайджанского
Лев ОЗЕРОВ.

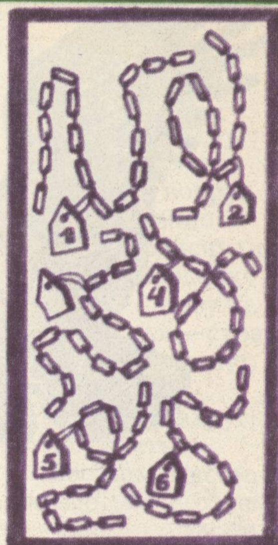

Ответственный дежурный Никита **РАЗГОВОРОВ.**

Рисунки А. **ВОВИКОВОЙ.**

К берегам Калимантана
Держит путь пиратский бриг,
Вдруг из рубки капитана
Раздается громкий крик:
— Цепь от якоря пропала!
Перед вами шесть цепей,
Предложите капитану
Ту, которая длинней!

Конкурс болтунов

Я видела, как муха
Ослу вцепилась в ухо
И бедного осла
На крышу унесла.

Подумаешь, вот чудо!
Я видел, как в саду
Улитки и верблюды
Играли в чехарду.
Вот невидаль какая!
А видел я зато
Жонглера-попугая
В оранжевом трико!
Ну что же здесь такого?
Я видела вчера,
Как из ружья корова
Стреляла в комара!
Надеюсь, между прочим,
Что ты и сам готов
Прислать четыре
строчки
На конкурс болтунов!

Живживка.

Кенийский маркофон

Перед вами восемь из девяти марок, выпущенных в Кении. Нам очень нравится эта серия, и мы часто рассматриваем марки и переставляем их так, что каждый раз во всех трех горизонтальных рядах у каждой марки слева и справа появлялись новые соседи, которые еще никогда не стояли рядом с ней. Скажите, сколько может быть таких перестановок? Вместо марок нарежьте кусочки картона и пронумеруйте их от единицы до девяти. Так вам легче будет решить задачу.

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Желаем успеха в этом маркофоне! Не споткнитесь! Сохраняйте силы для следующих этапов!

ЛУПА И ПИНЦЕТ.

Ключи и замки

Капитан Перо-86 ищет помощника

Зеленый, желтый и синий Карандаши похитили у Резинок важные документы и спрятали их в своем лесном домике. Карандаши — народ недоверчивый. Они врезали в двери домика несколько замков и распределили ключи от них между собой так, что если придет к домикам один Карандаш, он не сможет отпереть двери, пока не придут хотя бы два Карандаша со своими ключами. Резинки решили во что бы то ни стало проникнуть в домик и разыскать документы, похищенные Карандашами. Но для этого надо узнать, сколько замков в дверях домика и как распределены ключи от них между Карандашами. Резинки просили меня помочь.

Для начала давайте предположим, что замков установлено наименьшее количество. Все замки обозначим буквами...

Думаю, что дальше вы сами во всем прекрасно разберетесь.

Капитан Перо.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 7.

Найдите ключ от «Палаты ума».
Он в шкатулке под номером четыре.

Соловья баснями не кормят.
В кроссворд нужно вставить слова: маятник, ястреб, молоко, соня, явь.

Задачу «Ворона и лисица» все ребята решили правильно.

Спасибо всем, кто прислал нам модели тигров.

СОДЕРЖАНИЕ

В редакцию приходят письма. Ребята спрашивают, можно ли подписаться на «ПИОНЕР»!

ОТВЕЧАЕМ. Можно. В любом почтовом отделении. Спешите!

Главный редактор **С. А. ФУРИН.**

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Адрес для писем: 101 459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/V 1974 г. А 00822. Подписано к печати 2/VII 1974 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 1704. Заказ № 2434.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Академия домашних волшебников

— Сегодня очень счастливый день! — сказала Калинка. — Двадцать седьмое июля! День исполнения желаний.

— Любое желание исполнится? — удивился Алеша.

— Что ты хочешь?

— Сто килограммов клубничного мороженого,— выпалил Алеша.— С земляникой.

— И столько же твоего, Калинка, холодющего клюквенного морса,— добавила Марина.

Не успели они договорить, как комната наполнилась витыми бутылочками с клюквенным морсом и коробками с мороженым.

— Ужас! — сказала Марина.— Ужас! Оно ведь растает!

— Конечно, растает,— подтвердила Калинка.— Что будем делать?

— Заморозим,— важно сказал Боб,— и будем есть каждый день одно мороженое. Всю жизнь!

— Осторожно, Боб... Сегодня день исполнения желаний,— засмеялась Калинка.— Осторожно.

— И, правда, Боб. Есть мороженое всю жизнь! Нет уж, лучше соберем ребят со всего нашего дома и съедим его. Будет у нас праздник лета,— предложила Лёка.

Так и сделали. Собрали ребят не только со всего дома, но и со всей улицы: не так много ребят сейчас в городе — кто в лагере, кто на спортивных сборах, кто в путешествии... Ну и пир был!

— А мое желание тоже исполнится? — спросил Боб.

— Конечно.

— Я очень, очень хочу сделать... транзистор... сам. Сам.

— Чего проще! Вот схема кружковцев Московского городского дворца пионеров. Мне ее передал Сережа Седов. Он тоже собрал по этой схеме свой первый транзистор. А теперь собирает магнитофон и телевизор. У него получился прекрасный транзистор.

— И мое желание тоже исполнится? —спросила Лёка.— Я мечтаю научиться готовить грибные супчики. Самые вкусные на свете. Чтоб вкуснее не могло быть.

— Хорошо. Идем завтра по грибы, и, даю тебе слово, вкуснее твоих супчиков не будет на свете.

ТРАНЗИСТОР

Перед тобой схема самого простого транзисторного приемника. Не пугайся чертежей и незнакомых знаков — это азбука радиолюбителя... Попроси кого-нибудь из старшеклассников или взрослых помочь тебе на первых порах.

Заготовим детали.

Транзисторы T_1 типа П401 и T_2 типа МП41; **диод** $Д_1$ типа Д9Е; **конденсатор** C_1 типа КПЕ емкостью 5÷350 пф: **конденсаторы** C_2 и C_3 типа КД, C_4 и C_6 типа МБМ, C_5 типа ЭМ, C_7 КТ; **резисторы** типа МЛТ — 0,25, **микротелефонный капсуль** ТМ4М или

ферритовый стержень длиной 90 мм; **ферритовое кольцо** марки Ф-600 диаметром 8 мм; три последовательно соединенных **элемента** ФБС — 0,25 общим напряжением 4,5 вольта.

Антенну и дроссель изготовим самостоятельно.

Каркасы катушек склеим из двух — трех слоев бумаги. Когда каркасы высохнут, намотаем на них провод. Катушку L_1— на каркасе, свободно передвигающемся по ферритовому стержню. L_1 имеет 190 витков провода ПЭЛ-1 диаметром 0,15 мм. Наматывать провод надо «внавал» пятью секциями по 30 витков в каждой, как показано на втором рисунке. Катушка L_2 тоже свободно перемещается по стержню антенны, на ней 35 витков того же провода, намотанного «внавал» одной секцией — смотри тот же рисунок.

Дроссель ДР намотаем на ферритовое кольцо до заполнения кольца проводом ПЭЛ-1 диаметром 0,1 мм. Наматывать будем с помощью челнока, сделанного из двух отрезков толстого медного провода, зачищенного от изоляции и облуженного, длиной 80—100 мм. Провода спаяем по длине, а незапаянные концы разогнем. Вдоль челнока через разогнутые концы намотаем нужное количество провода.

Рабочий макет

Прежде чем приступить к монтажу приемника, изготовим рабочий макет: на листе плотного картона размером 120×170 мм, отступив от краев на 2 см, как можно свободнее вычертим схему приемника. На местах соединений деталей поставим цветным карандашом точки.

Нарежем узкие полоски жести (можно из консервных банок) длиной 10—15 мм и согнем их. В точках, отмеченных карандашом, сделаем небольшие прорези, вставим в них жестяные полоски и загнем их. У нас получились контактные площадки, которые нужно залудить.

По длинным сторонам прямоугольника закрепим два отрезка толстого медного провода, предварительно облуженного.

ВНИМАНИЕ! При монтаже старайтесь как можно меньше гнуть выводы деталей. При пайке и лужении используйте теплоотвод — держите выводы деталей пинцетом. Транзисторы паять следует только с теплоотводом, время пайки полторы—две секунды на каждый вывод. Строго соблюдайте полярность транзисторов и избегайте замыкания их выводов между собой. Следите за правильностью подключения батареи.

Разложим все детали на рабочем макете по схеме. Выводы деталей залудим и припаяем к соответствующим контактным площадкам. Когда схема будет полностью собрана, еще раз проверим, правильно ли мы ее собрали. Особое внимание обратите на подключение транзисторов и батареи. Если приемник собран правильно, то при его включении в телефоне появится характерный шум. При повороте ручки конденсатора C_1 будут прослушиваться передачи радиостанций.

Монтаж приемника

На **монтажной схеме** (рис. 3) определено взаимное расположение деталей. Теперь можно начать сборку приемника на монтажной плате — текстолитовой пластине размером 50×50 мм, толщиной 1,5—2 мм. Для удобства работы на текстолит наклеим миллиметровку.

Разместим детали так же, как на **монтажной схеме.** Дроссель ДР1 — подальше от ферритовой антенны. В местах, где соединяются детали, проколем миллиметровку шилом или иголкой и нанесем метки на текстолит. После этого бумагу можно снять.

В отмеченных точках просверлим отверстия, в них вставим штырьки из толстой облуженной медной проволоки. Они должны выступать с обеих сторон текстолита на 4—5 мм. Закрепим штырьки: припаяем их с обеих сторон платы. Выводы деталей залудим и припаяем к соответствующим штырькам. Правильность сборки проверим по схеме, затем включим приемник и наладим его окончательно. Громкость приемника зависит от положения катушки L_2.

Меняйте ее положение до тех пор, пока громкость не будет максимальной.

Теперь осталось поместить приемник в футляр.

— А можно его вставить в какую-нибудь игрушку,— советует Андрей Узликов. Он тоже занимается в радиокружке.— Например, в игрушечный автомобиль или куклу.

В заключение совет начинающим радиолюбителям: будьте внимательны и терпеливы. Это главное. И тогда вы научитесь собирать не только простые схемы, но и сложные.

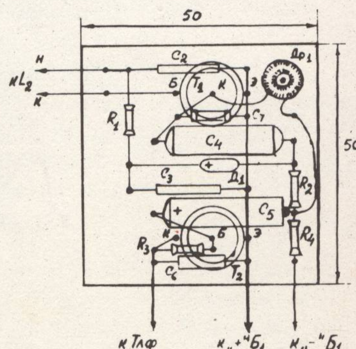

Рис3 Монтажная схема

Хочешь сам приготовить мороженое? Клубничное или из других ягод? Тогда — за дело. Засучи рукава, подвяжи фартук, вымой еще раз начисто руки, приготовь продукты, мороженицу или бидон и, конечно, 3—4 килограмма льда и 0,5 килограмма соли.

Сначала свари сироп (2 стакана воды и 1½ стакана сахара). Сироп охлади, добавь туда 500 граммов очищенных размятых в пюре ягод, все перемешай, охлади, сложи в мороженицу и заморозь. Если готовишь мороженое в бидоне, то поставь его в таз с наколотым и присыпанным солью льдом и, покручивая бидон в тазу, сбивай массу минут 30.

Так же можно приготовить и сливочное мороженое.

Приготовь продукты — очень свежее молоко, сливочное масло, яйца, сахар, ванилин, или один апельсин, или орешки.

Выпусти в 2-литровую эмалированную кастрюлю 1 яйцо (и белок и желток) и 4 желтка (из белков можно приготовить меренги, помнишь, мы пекли такие маленькие воздушные печеньица?), добавь туда же 2 стакана сахару и хорошенько разотри, не взбивая. Отдельно слегка разогрей 4 стакана молока и, все время помешивая, влей в растертую массу. Размешай так, чтобы не было комков, и поставь на слабый огонь. Внимание! Это самый ответственный момент. Массу заваривай терпеливо, ни в коем случае не дай ей закипеть или подгореть. Все время помешивай и помешивай — пусть заварится, как жидкая сметана. Загустеет — добавь 1 чайную ложку сливочного масла и порошок ванилина, или сок одного апельсина, или ложку мелко нарезанной апельсинной цедры, или горстку любых рубленых орехов. Хорошенько размешай и тогда только охлади массу на льду или в холодильнике, переложи в мороженицу или в бидон и заморозь, как клубничное. Вкусно получилось?

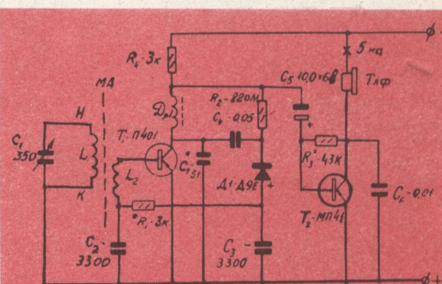

Рис 1. Принципиальная схема приёмника

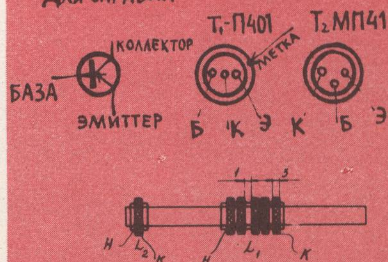

Рис 2. Расположение катушек на стержне магнитной антенны,

Цена 25 коп.
Индекс 70694

С именем Ленина

Слова Виктора УРИНА.
Музыка Виктора СЕМЕНОВА.

Пламенем неостывающим
Нам кремлевская светит
звезда.
Быть пионером, товарищи,
Это значит быть первым
всегда.

Припев:

По отцовскому велению
День за днем, из года в год
Полстолетья имя Ленина,
Имя Ленина, имя Ленина,
Полстолетья имя Ленина
Пионерия несет.

Стройки повсюду огромные,
И, когда пионеры идут,
Дружные краны подъемные,
Как один, отдают нам салют.

Припев:

И под рассветами юными
Мы идем—миллионы ребят.
Дружными, звонкими
струнами
Наши песни повсюду звучат

Припев.